

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ
Минский государственный лингвистический университет

ФОНЕТИКА В СОВРЕМЕННОЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ПАРАДИГМЕ

Сборник научных статей

Минск
МГЛУ
2021

УДК 81'34(082)
ББК 81'051я4
Ф 77

Рекомендован Редакционным советом Минского государственного лингвистического университета. Протокол № 2 (60) от 08.06.2021 г.

Редакционная коллегия: Е. Б. Карневская (*ответственный редактор*), Е. Д. Долматова, В. В. Яскевич, Л. В. Рускевич.

Рецензенты: доктор филологических наук, профессор Т. В. Поплавская (МГЛУ); кандидат филологических наук, доцент С. А. Дубинко (БГУ)

Ф 77 **Фонетика** в современной лингвистической парадигме : сб. науч. ст. / редкол.: Е. Б. Карневская (отв. ред.) [и др.]. – Минск : МГЛУ, 2021. – 168 с.

ISBN 978-985-28-0085-3

Данный сборник представляет итоги Международной научной конференции (2020), посвященной актуальным проблемам фонетических исследований. Издание включает научные статьи по вопросам статуса и функционирования сегментных единиц, теории и методологии исследований речевой просодии, взаимодействия просодии с языковыми средствами других подсистем, фонетической интерференции, а также по проблемам сопоставительно-контрастивных исследований.

Адресуется специалистам в области лингвистики, фонетики и фонологии, аспирантам и магистрантам.

УДК 81'34(082)
ББК 81'051я4

ISBN 978-985-28-0085-3

© УО «Минский государственный
лингвистический университет», 2021

О НАС

Н. С. Евчик

г. Минск, МГЛУ

МИНСКАЯ ФОНЕТИЧЕСКАЯ ШКОЛА КАК НАУЧНОЕ ЗВЕНО В РАЗВИТИИ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ЗНАНИЙ О ЗВУЧАЩЕЙ РЕЧИ

Понятие научной школы восходит ко временам ученика Платона – Аристотеля (384–322, гг. до н. э.) и созданной им Перипатетической школы, когда философия была единой наукой, сфокусированной на толковании понятий *бытие, сознание, материя*, а также трактовке происхождения мира и человека. С тех пор науки, отделившись от философии, используют каждая свои инструменты в поисках ответов практически на те же вопросы, всякий раз все более уточняя и утончая предмет исследования. Выяснение одних вопросов дает основание для постановки других, придающих проблематике иное звучание и открывающих новые перспективы.

Если говорить о языкознании, то во временном диапазоне от Платона до Гумбольдта теория речи не разграничивалась на философию языка и лингвистику: лингвистика не была отделена от логики, а ее предметом как части развивающейся тогда логики и философии считались конвенционально канонизированные способы выражения мысли. Отделение лингвистики произошло в XIX веке и практически сразу в России начали формироваться лингвистические школы, появление которых свидетельствует о разнообразии подходов к изучению языка в целом и отдельных его элементов.

Согласно развивающемуся ходу событий, первой в Российском языкознании сформировалась Московская лингвистическая школа – Ф. Ф. Фортунатов (основатель, 1876), А. А. Шахматов (1887), Д. Н. Ушаков (1915), А. М. Пешковский (1914), Р. И. Аванесов (1950) и др.

Второй в хронологическом порядке принято считать Казанскую лингвистическую школу – И. А. Бодуэн де Куртенэ (основатель, 1875); Н. В. Крушевский (1879), В. А. Богородицкий (1884, 1930). Вслед за ними в течении времени и действующих персоналий формируется Петербургская лингвистическая школа – И. А. Бодуэн де Куртенэ (основатель, 1901); Л. В. Щерба (1912).

На базе этих лингвистических школ были созданы фонетические лаборатории, ставшие научными центрами, и возникли фонологические школы:

- Казанская лингвистическая школа, являющаяся по сути своей фонологической. Именно представители Казанской лингвистической школы – Бодуэн де Куртенэ (основатель) и Н. В. Крушевский – дают мировому языкознанию первую формулировку фонологической теории, к которой восходит фонологическая концепция Н. С. Трубецкого. При Казанском университете

в 1884 г. учеником И. А. Бодуэна де Куртенэ профессором В. А. Богородицким (1857–1941) была создана перевал в России лаборатория экспериментальной фонетики, где впервые была разработана технология фонетического эксперимента;

- Санкт-Петербургская (СПбФШ) / Ленинградская фонологическая школа (ЛФШ), в основу которой легли высказанные впервые в 1912 г. идеи Л. В. Щербы (ученик И. А. Бодуэна де Куртенэ, основатель школы). Идеи Л. В. Щербы развивают его ученики и последователи: В. Н. Сидоров, Л. Р. Зиндер, М. И. Матусевич, В. Б. Касевич, Л. В. Бондарко, М. В. Гордина, Л. А. Вербицкая, Н. Д. Светозарова, М. Г. Радиевская, Л. А. Багина и др.

- Московская фонологическая школа (МФШ), концепция которой сформировалась в 30–40-е гг. XX в. в трудах ее основателей Р. И. Аванесова (1950), А. А. Реформатского (1955), П. С. Кузнецова (1958), В. Н. Сидорова (1945), А. М. Сухотина (1935), Н. Ф. Яковлева (1930); основные ее идеи развиты в работах А. А. Реформатского, М. В. Панова, К. В. Горшковой, Л. Л. Касаткина, Л. В. Златоустовой и др. Сторонники МФШ опирались на идеи И. А. Бодуэна де Куртенэ (1845–1929), который ввел понятие фонемы в русский язык. Обобщение идей МФШ в виде целостной концепции, отражающей её состояние в 60–70-е годы, было выполнено М. В. Пановым (1967).

Благодаря плодотворной деятельности фонологических школ, с конца XIX в. по середину XX в. активно обсуждается и тем самым всесторонне детализируется богатая по своему содержанию теория фонемы, а в фонетических лабораториях проводится большое количество исследований, в которых через описание акустических и артикуляционных свойств звуков речи развиваются знания о сегментной фонетике.

Изложение в избранном историческом ракурсе представляется необходимым для того, чтобы кратко обозначить ход научных событий, послуживших в отечественной науке подготовкой почвы для развития экспериментальной фонетики. Они позволяют осознать и оценить значимость научной работы, которая во второй половине XX века явилась достойным продолжением исходных изысканий ученых по развитию тонких лингвистических знаний о звучащей речи.

Таким исследованиям был дан ход в Минском государственном педагогическом институте иностранных языков (МГПИИЯ, ныне МГЛУ – Минский государственный лингвистический университет), где, начиная с 1967 года получило становление новое научно-исследовательское звено – Минская фонетическая школа. Основателем и руководителем научной школы явилась проф. Кира Кириаковна Барышникова (1897–1978). Пригласил проф. К. К. Барышникову и лично способствовал ее переезду из Москвы (1-й Московский государственный педагогический институт иностранных языков им. М. Тореза, Дипломатическая академия МИД России) в Минск ректор Минского ГПИИЯ (1961–1970) проф. Фрол Порфирьевич Шмыгов (дипломат, кандидат исторических наук, генеральный секретарь делегации БССР в Сан-Франциско (25.04 – 26.10.1945), поставивший свою подпись при принятии.

Устава ООН). Будучи ректором, проф. Ф. П. Шмыгов блестяще реализовал свою идею укрепить открытый в 1948 году Минский ГПИИЯ приглашением зрелых специалистов, перспективных ученых через создание им условий для творчества в научно-лингвистической и образовательной деятельности.

Так, по инициативе проф. Ф. П. Шмыгова в Минском ГПИИЯ был разработан и реализован крупномасштабный и далеко идущий по своему замыслу административно-научный проект. В северном крыле 5 этажа учебного корпуса В, окна которого на западе выходят во двор института, а на востоке – на тихий переулок Войсковый в удаленном от академических шумов месте была выделена и изолирована специально созданным входом площадь примерно в 150 м² с тем, чтобы разместить на ней все необходимое для предстоящей научно-исследовательской работы: лабораторию с анахоической комнатой для магнитофонной записи речи, инженерное помещение для технического обеспечения записей с помощью интонографа, просторной аспирантской, оснащенной разнообразной аппаратурой для выполнения анализа речи (сегментатор речи, синтезатор речи, 5 массивных магнитофонов марки МЭЗ, стол для визуальной расшифровки фильмовых интонограмм), аудиторию для проведения семинаров с аспирантами и соискателями, специальное помещение для химобработки интонограмм и, конечно же, помещение для работы заведующего кафедрой и коллектива сотрудников. Весь созданный для научных исследований локальный комплекс составил первую в СССР кафедру экспериментальной фонетики, заведующей которой в течение 10 лет была профессор Кира Кириаковна Барышникова.

Общая направленность работы формулировалась как «Теоретические и экспериментально-фонетические исследования в области фонетики и фонологии германских, романских и славянских языков». Особенностью данной работы на фоне всех предшествующих вышеназванных исследований, посвященных описанию преимущественно сегментного состава звучащей речи, явилось то, что в Минской фонетической школе, наряду с продолжением разработки традиционных тем, в фокус внимания была поставлена актуальная и новая на том периоде развития фонетических знаний задача – анализ просодической составляющей речи. Результаты проводимых исследований публиковались в сборнике научных статей «Экспериментальная фонетика», который начал издаваться в 1971 году и получил 6 изданий. Каждое издание в качестве инициальной статьи содержит труд проф. К. К. Барышниковой (1897–1978).

На базе Минской фонетической школы был проведен ряд Всесоюзных, а с начала 90-ых годов – международных научных симпозиумов, конференций, Круглых столов и научно-практических семинаров (более 70) по актуальным проблемам и новым направлениям исследований в области экспериментальной фонетики. На протяжении 20 лет по специальному государственному заданию выполнялась тема, направленная на проблему определения родного языка говорящего по его русской речи, а также работа по лингвистическому обеспечению многоязычного синтеза.

За годы деятельности Минской фонетической школы подготовлено свыше 80 кандидатов наук, защищены 5 докторских диссертаций (С. М. Гайдучик, Ю. А. Дубовский, А. А. Метлюк, Т. В. Поплавская, Н. С. Евчик), опубликованы 9 монографий, в том числе 1 коллективная монография.

В числе обучавшихся в аспирантуре при кафедре экспериментальной фонетики в 70-90 гг. были представители различных союзных республик: России, Казахстана, Узбекистана, Литвы, Латвии. Научное руководство кандидатскими диссертациями осуществляли профессоры и доценты: К. К. Барышникова (12 канд. дисс.), С. М. Гайдучик (8 канд. дисс.), Ю. А. Дубовский (7 канд. дисс.), А. А. Метлюк (9 канд. дисс.), Е. Б. Карневская (9 канд. дисс.), Л. В. Борисова (3 канд. дисс.), М. П. Дешевицын (2 канд. дисс.), Н. Л. Новицкая (1 дисс.), И. И. Панова (3 канд. дисс.).

В издательстве «Вышэйшая школа» опубликованы учебные пособия по теоретической фонетике английского языка (авторы Л. В. Борисова, А. А. Метлюк), немецкого языка (автор Е. В. Зарецкая) и французского языка (авторы А. С. Селях, Н. С. Евчик), учебники по практической фонетике английского языка (вводный и основной курс) и учебник по фонетике английского языка на продвинутом этапе обучения (автор Е. Б. Карневская и др.).

В настоящее время подготовка кадров высшей квалификации в области фонетики ведется в форме обучения в аспирантуре при кафедрах фонетики английского языка, фонетики немецкого языка фонетики и грамматики французского языка, речеведения и теории коммуникации. Научное руководство новыми исследованиями в Минской фонетической школе осуществляется ведущими специалистами в области фонетики названных языков.

Фонетика английского языка: доктор филологических наук, профессор Т. В. Поплавская, под руководством которой защищено 16 кандидатских диссертаций, в том числе 6 фонетических; профессор, кандидат филологических наук Е. Б. Карневская, под руководством которой защищено 16 кандидатских диссертаций в области экспериментальной фонетики. В состав фонетической школы по специальности «германские языки – английский» входят также: профессор, кандидат филологических наук И. И. Панова (под ее руководством защищены 4 кандидатские диссертации), доценты, кандидаты филологических наук В. М. Федосеева, Е. В. Таболич, З. Д. Курочкина, В. В. Лопатько, Е. А. Мисуно, А. М. Федоров, Т. М. Дерман, Т. И. Голикова, З. В. Сергиевская. В состав школы входят также молодые доценты, кандидаты наук, Т. М. Насонова, Л. В. Рускевич, Е. Д. Долматова, Е. В. Ефимова и В. В. Яскевич, с 2012 года возглавляющий кафедру фонетики английского языка.

Фонетика немецкого языка: профессор, кандидат филологических наук Е. В. Зарецкая, под руководством которой защищено 10 кандидатских диссертаций по фонетике. В состав фонетической школы по специальности «германские языки – немецкий» входят: доценты, кандидаты филологических наук Т. К. Кохнович, Л. Г. Щербакова и А. В. Сытько, с 2012 года возглавляющая кафедру фонетики немецкого языка (под ее руководством защищена 1 кандидатская диссертация).

Фонетика французского языка: доктор филологических наук, профессор Н. С. Евчик, под руководством которой защищены 3 кандидатские диссертации. В состав фонетической школы по специальности «романские языки – французский» входят: доцент, кандидат филологических наук Л. П. Морозова, под руководством которой защищены 3 кандидатские диссертации; доценты, кандидаты филологических наук Э. А. Качан, Г. А. Рудзит, С. Ф. Батура, П. И. Примаков, И. Г. Лебедева.

Некоторые из вышеперечисленных представителей не так давно ушли на заслуженный отдых, однако в период своего активного научного творчества они внесли значительный вклад в развитие Минской фонетической школы.

С первых лет деятельности Минской фонетической школы исследования находятся в русле наиболее актуальных вопросов современной фонетики и фонологии. Общеизвестны достижения Минской научной школы в таких направлениях исследований, как:

- Контрастивно-сопоставительные исследования сегментной и просодической подсистем (на материале сопоставления русского и белорусского языков с английским, немецким, французским, испанским, и др.);

- Структурно-семантическое описание просодических подсистем. Структура и семантика просодических единиц.

- Фонетическая интерференция на сегментном и просодическом уровнях в иноязычной речи билингва (на материале русско / белорусско-английского, русско / белорусско-немецкого, русско / белорусско-французского и русско / белорусско-испанского билингвизма);

- Фоностилистические факторы варьирования речи. Функционально-стилистика и ситуативно-стилистика дифференциация речи;

- Типология фонетической вариативности;

К приоритетным направлениям в настоящее время относятся:

- Моделирование фонетических характеристик речи. Лингвистические основы многоязычного синтеза речи;

- Фонетические средства экспрессивности и эмоциональности в речи;

- Взаимодействие фонетических средств с языковыми средствами других уровней в процессе порождения и восприятия высказывания;

- Территориальное и региональное варьирование в фонетике (на материале германских, романских и славянских языков);

- Ортофония родной и иноязычной речи лиц с особенностями психофизического развития;

- Просодия белорусской региональной речи и ее проявление в английском произношении белорусов.

В последние годы в рамках Минской фонетической школы защищены следующие кандидатские диссертации:

- Насонова Т. М. «Индивидуальное варьирование в просодическом членении английской фразы», МГЛУ, 2006 г. (рук. Карневская Е. Б.).

- Лебедева И. Г. «Сегментные составляющие французского слога в условиях недостаточно сформированной перцептивно-артикуляционной базы языка», МГЛУ, 2006 г. (рук. Евчик Н. С.)

- Яскевич В. В. «Взаимодействие факторов фонетического варьирования (в чтении и спонтанной речи взрослых и подростков в американском варианте английского языка)», МГЛУ, 2007 г. (рук. Карневская Е. Б.).

- Лукашанец А. Б. Соотношение видов модальности как основа функциональной дифференциации французских устных высказываний, МГЛУ, 2009 г. (рук. Морозова Л. П.).

- Рахманова Е. В. «Формирование вербально-коммуникативных умений у слабослышащих младших школьников», НИО, 2011 г. (рук. Евчик Н. С.).

- Рускевич Л. В. «Взаимодействие просодических и лексических средств в реализации экспрессивности», МГЛУ, 2014 (рук. Карневская Е. Б.).

- Долматова Е. Д. «Модификации английских согласных в связной речи», 2015 (рук. Карневская Е. Б.).

- Куратёва В. И. «Просодия белорусской региональной речи и ее проявление в английском произношении белорусов», 2016 (рук. Евчик Н. С.).

- Ефимова Е. В. «Вариативность английских гласных в акцентной структуре фразы», 2018 (рук. Карневская Е. Б.).

- Лапицкая И. А. Фонетическая ассимиляция немецких заимствований в белорусском языке, 2019 (рук. Сытько А. В.).

По фонетической тематике защищено свыше 50 диссертаций на соискание академической степени магистра филологических наук.

Ведущие специалисты Минской фонетической школы руководят комплексными научными темами, входящими в число фундаментальных исследований Национальной академии наук Беларуси, финансируемых Министерством образования РБ:

1. 2006–2010 – «Когнитивно-типологические основы определения отклонений от произносительной нормы языка», № ГР 2006867 (рук. к.ф.н., проф. Е. Б. Карневская).

2. 2006–2010 – «Прагматика звучащей речи на родном и иностранном языках в социокультурном, диалектальном и личностном аспектах», № ГР 20061315), (руководитель – д.ф.н., проф. Н. С. Евчик).

3. 2011–2015 – «Лингвистическое обеспечение многоязычного синтеза речи как комплексная теоретико-методологическая и гуманитарно-прикладная задача *(на материале белорусского, русского и английского языков)*» № ГР 20111795 (рук. к.ф.н., проф. Е. Б. Карневская).

4. 2011–2015 – «Эмотивно-прагматический потенциал высказывания в условиях вербальной и невербальной коммуникации» ГР №20111980 (рук. д.ф.н., проф. Н. С. Евчик).

5. 2016–2020 – «Просодия белорусской региональной речи», № ГР 20161387 (рук. д.ф.н., проф. Н. С. Евчик).

6. 2021–2025 – «Просодия английской речи в условиях региональной дифференциации носителей белорусского языка» (рук. д.ф.н., проф. Н. С. Евчик).

7. 2021–2025 – «Взаимодействие фонетико-фонологических систем белорусского и английского языков в условиях билингвизма» (рук. к.ф.н., доц. В. В. Яскевич).

В течение 30 лет в рамках Минской фонетической школы развивается научно-прикладное направление «Ортофония» (рук. д.ф.н., проф. Н. С. Евчик), получившее инициацию при разработке темы «Голосо-речевая коммуникация как основа совершенствования и социальной реабилитации детей с нарушением слуха профориентация и профотбор на интеллектуальные профессии» (Постановление Коллегии Министерства народного образования БССР и Центрального правления Белорусского общества глухих от 22.02.1990г.) (руководитель 1990–1994 – проф. А. А. Метлюк). В результате созданы специальные технологии обучения иностранному языку детей с особенностями психофизического развития, которые строятся на фонетической основе естественной речи, звучащей на родном и иностранных языках: «Визуально-фонетическая система коммуникации» и «Полисенсорный лингвотренинг» (1990–2000, Н. С. Евчик), для Министерства образования РБ разработан Концепция «Английский язык в системе специального образования детей с нарушением слуха и тяжелыми нарушениями речи» с целью их ориентации на профессии, связанные с использованием компьютера как рабочего инструмента (2009), разработан ряд научно-прикладных тем для реализации инновационного проекта Министерства образования РБ (2009–2017), направленного на внедрение в систему специального образования идеи обучения детей вышеназванных категорий специально созданному для начинающих пользователей компьютерному английскому языку (№ ГР 20111731, № ГР 20130536, № ГР 20142622, № ГР 20150747, рук. д.ф.н., проф. Н. С. Евчик).

В 2012 году осуществлена разработка инновационного проекта Министерства Образования РБ (НИР № 3006-1/2012 от 30.06.12 г.) «Мультимедийная библиотека школьника (ПК МБШ) (экспериментальный образец)», с использованием русской и белорусской синтезированной речи (рук. проф. Е. Б. Карневская).

По результатам проводимых научных исследований разработано и многократно реализовано 5 целевых курсов повышения квалификации на ФПК ПК МГЛУ по следующим программам: «Дикция и голосоведение в профессиональной деятельности преподавателя» (проф. Н. С. Евчик); «Современные тенденции в британском произношении» (проф. Е. Б. Карневская, доц. В. В. Яскевич, доц. Т. М. Насонова, доц. Е. Д. Долматова, доц. Е. В. Ефимова, доц. Л. В. Рускевич); «Просодия речи» (проф. Е. Б. Карневская), «Артикуляторные модификации французских звуков. Методы коррекции» (доц. И. Г. Лебедева), «Фоностилистическое варьирование французской речи» (доц. И. Г. Лебедева).

В течение многих лет фонетисты МГЛУ сотрудничают с учеными Объединенного института проблем информатики Национальной академии наук Беларуси (ОИПИ НАН Беларуси), с ГНУ «Институт языкознания им. Якуба Коласа НАН Беларуси» и с другими научными центрами, работают в рамках научно-методического объединения МГЛУ по проблемам фонетики.

Важнейшие достижения научной школы нашли отражение в многочисленных публикациях: сборниках научных трудов, монографиях, учебниках

и учебных пособиях по теоретической и практической фонетике английского, немецкого, французского, по аудированию иноязычной речи, по постановке и коррекции иноязычного произношения для слабослышащих учащихся.

Результаты исследований воплощены в практике преподавания иностранных языков в МГЛУ: с учетом новизны научно-теоретических разработок, выполненных по проблемам формирования артикуляторноперцептивной базы родного и иностранного языка при норме и патологии слуха и речи, а также их социально-образовательной востребованности с 1995 г. для студентов МГЛУ открыта специализация «Ортофония» – 21 06 01-01 09 (рук. д.ф.н., проф. Н. С. Евчик).

С 1978 г. по 1994 г. кафедрой экспериментальной и теоретической фонетики руководила проф. А. А. Метлюк, с 1994 по 1996 – проф. Н. С. Евчик. С 1997 по настоящее время кафедрой, которая носит название кафедра речеведения и теории коммуникации, руководит проф. Т. В. Поплавская.

Так, на протяжении более, чем столетия, общая система взглядов на проблемы фонетики и фонологии, актуальные научные идеи, персональные исследовательские интересы, творчески развиваемые диссертационные темы объединяют учёных и приводят к плодотворному сотрудничеству в развитии лингвистических знаний о звучащей речи в свете традиций Минской фонетической школы.

ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ СТАТУСА И ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ СЕГМЕНТНЫХ ЕДИНИЦ

А. В. Андронов

г. Санкт-Петербург, СПбГУ

О МОРФОЛОГИЧЕСКИХ ОСНОВАНИЯХ ФОНОЛОГИЧЕСКОЙ ТИПОЛОГИИ

В современной фонологической типологии обычно выделяется два направления: опирающееся на материю и опирающееся на структуру [ср. 1, с. 5; 2, с. 130], оба подхода учитываются в недавней монографии М. К. Гордона [3]. Эти направления наследуют известный недостаток большинства фонологических концепций – автономный анализ фонологического компонента языковой системы. Крайне мало известны в мировой лингвистике базовые положения Щербовской фонологической школы, последовательно рассматривающей фонологические элементы в связи с их функцией создания экспонентов значимых единиц языка. Тем временем, зависимость кардинальных особенностей фонологических систем от устройства морфологии проявляется на всех этапах описания (сегментация, идентификация, классификация).

На этапе сегментации устанавливается различное соотношение минимальной линейной фонологической единицы (далее – МЛФЕ) и минимальной линейной морфологической единицы (морфемы): в одних языках экспонент морфемы типично состоит из нескольких МЛФЕ («фонем»), в других он нормально включает не более одной МЛФЕ («силлабемы»). На этом основании противопоставляются «фонемные» и «слоговые» языки¹, хотя само противопоставление обычно формулируется исходя из узко-фонетического (т.е. неопределённого лингвистически) понятия слога [7, с. 119; 9, с. 14–15; 8, с. 54–55]. По морфологической классификации эти языки представляют типы флективных и изолирующих.

Рассмотрение вопросов идентификации вариантов (сведения фонов в классы эквивалентности) и классификации инвариантов (установления системы фонологических признаков) выявляет соответствующие особенности МЛФЕ. Фонемные языки представляют высокоорганизованную систему нескольких десятков фонем, характеризующихся разветвлённой иерархией фонологических признаков (и реализующих богатое аллофоническое варьирование вследствие разнообразия возможных сочетаний), а слоговые языки насчитывают более тысячи слабо систематизированных МЛФЕ, которые «просто различаются» (и сравнительно мало варьируют). Иначе говоря, в фонемных языках большинство фонологических признаков принадлежит эле-

---

¹ Идея этого различия была сформулирована уже самим Л. В. Щербой [4, с. 8], а позже, в 1920–30-е годы, на конкретном языковом материале развивалась Е. Д. Поливановым [5] и Н. Ф. Яковлевым [6], наиболее детальная разработка её представлена в трудах В. Б. Касевича [7]; см. также [9].

ментам экспонентов значимых единиц (фонемам), а в слоговых – экспонентам значимых единиц целиком. Соответственно, для фонемных/флективных языков актуально различие фонологических признаков в зависимости от протяжённости характеризующих их линейных единиц (МЛФЕ < слог < слово...), причём богатая система признаков МЛФЕ сочетается с относительно бедной системой супрасегментных признаков. Для слоговых/изолирующих языков характерно наоборот совпадение протяжённости таких единиц (МЛФЕ = слог = слово) и, соответственно, отсутствие оснований для различения типов признаков. Вместе с тем существуют языки с иным соотношением фонологических признаков и характеризующих их единиц. Для этих языков характерны различные по протяжённости единицы, однако фонологические признаки склонны концентрироваться не вокруг минимальных, а вокруг более крупных единиц. К данному типу принадлежат сингармонистические языки (с точки зрения морфологической классификации обычно являющиеся агглютинативными). Специфику их устройства (на примере языков типа киргизского, казахского, туркменского) фонологически адекватно отражает классическая формулировка Н. Ф. Яковлева [10, с. 61]: в них «не может быть установлено ни отдельных твёрдых, ни отдельных мягких, как гласных, так и согласных фонем. Признак твёрдости точно так же, как и признак мягкости, служит не для различения кратчайших звуковых моментов речи – фонем, но для различения целых слов, для выделения целых слов в речи, для выделения в ней границ этих слов». Поскольку одна и та же фонетическая характеристика может в разных языках выступать фонологическим признаком единиц разной протяжённости, выяснение этого вопроса является важным условием адекватности описания. Более подробно о перспективах выделения сингармонистического типа языков см. [11; 12].

Указанные фонологические типы в конкретных языках представлены с разной степенью «чистоты» и в истории могут сменять друг друга – подобно тому, как сменяют друг друга изолирующий, агглютинативный и флективный типы. При этом представлены как консолидирующее, так и дезинтегрирующее направления развития. С одной стороны, происходит объединение слогоморфем в комплексы, сопровождающееся возникновением объединяющего супрасегментного признака – на базе одного из их компонентов, в каком-то смысле главенствующего: формально (занимающего определённое положение, например, в начале последовательности) или содержательно (несущего основную семантическую нагрузку). Такой супрасегментный признак может тем или иным образом фонетически выделять соответствующий компонент на фоне других (ситуация ударения) или наоборот распространять какие-то его характеристики на всю последовательность (ситуация сингармонизма)¹. С другой стороны, наблюдается распад слогоморфем на состав-

---

¹ Отметим, что разница между этими ситуациями лишь фонетическая, фонологически перед нами в любом случае супрасегментный признак единицы уровня слова (фонологический признак морфологической единицы, ср. у П. Гарда [13с. 133]: «ударение “вырабатывается” в морфемах, но реализуется на слогах»).

ляющие их элементы, обретающие статус самостоятельных фонем, связанный, в частности, с тем или иным нарушением моделей внутреннего устройства слогоморфем и их комплексов (например, из-за редукции некоторых составляющих). Вместе с нарождающимися фонемами, разумеется, возникают их фонологические признаки, формируется система противопоставлений. Как было отмечено выше, сегментные фонологические признаки могут вступать в определённые отношения с супraseгментными (на основе общности или различия фонетической реализации), в языке может реализовываться тенденция к согласованности признаков фонем внутри более крупных единиц или допускаться бóльшая их рассогласованность (разная жёсткость синтагматической организации речевой цепи). Вместе с тем наблюдаются и процессы опрощения внутренней структуры экспонентов значимых единиц (в частности, из-за редукции окончаний), приводящие к возникновению в фонемных языках черт языков слоговых (германские, см. работы Ю. К. Кузьменко [14, с. 117–135, 228–250 и др.] или сингармонистических («закон слогового сингармонизма» в праславянском, современный латгальский).

В данной работе, однако, нас интересуют не детали исторического развития (требующие специального изучения на конкретном материале), а степень «оформленности» фонологических единиц и признаков в синхронных языковых системах. Приведённый экскурс призван лишь показать естественность, а точнее – широкую распространённость «промежуточных состояний». Соответственно, важным типологическим параметром является уровень трудности принятия решений при функциональном анализе фонологической системы.

Так, в русском языке, по-видимому, для всех сочетаний фонем могут быть найдены примеры с рассекающей их морфемной границей, но уже в литовском языке подобное доказательство сталкивается с определёнными трудностями (ср. споры о бифонемности литовских дифтонгов типа *ai*). В русском языке развитая система чередований (и разнообразие встречающихся сочетаний фонем) позволяет успешно отождествлять аллофоны и способствует выявлению фонологических признаков, необходимых для выстраивания системы фонем, однако во многих языках функциональные основания классификации фонем оказываются затруднёнными. Удельный вес подобных трудных случаев также может служить типологической характеристикой.

Не следует полагать, наконец, что базовые единицы морфологической системы (морфема и слово) в отличие от базовых единиц фонологической системы (фонемы и слога) являются неизменными величинами, не зависящими от языкового типа – они также характеризуются разной степенью оформленности. В частности, разная степень определённости характеризует и границы соответствующих единиц, важные для фонологической сегментации [15, с. 34–42]. В этой связи вряд ли следует слишком прямолинейно понимать утверждение М. Б. Попова [15, с. 38], что граница между морфемами иногда может оказываться внутри фонемы, – скорее подобные

ситуации следует трактовать как объективную неопределённость некоторых внутрисловных границ флективного (фузионного) языка. Возможно, устройство тех или иных слов, содержащих проблемные сложные звучания, сознанием носителя «не интерпретируется» в терминах морфем с достаточной чёткостью. Подобным образом М. Б. Попов [15, с. 72] объясняет трудности интерпретации фонемного состава согласных в слове отца и под. (/tc/ или /cc/): «Следует, видимо, признать, что в звуковой системе языка могут существовать участки, где имеет место неразличение фонем, в том числе и в языковом сознании говорящих».

Наличия недостаточно дискретных участков системы можно, по-видимому, ожидать там, где полный анализ оказывается систематически востребованным в речевой деятельности (то есть никогда не оказывается востребованным). Трудности функциональной интерпретации указывают на такие случаи, и выбрать адекватные решения здесь должны помочь психолингвистические наблюдения и эксперименты.

Игнорирование особенностей соотношения фонологического и морфологического уровней не позволяет увидеть принципиального различия трёх указанных типов языков и оценивать степень оформленности конкретных единиц и признаков. Это существенно сокращает возможности фонологической типологии, и классификации языков строятся во многом на фонетических основаниях. Построение подлинно фонологической типологии требует анализа множества разноструктурных языков с единых позиций (традиционно «слабым местом» типологических исследований является недостаточный учёт различий теоретических концепций, в рамках которых были созданы описания рассматриваемых языков).

ЛИТЕРАТУРА

1. *Hyman, L. M.* What is phonological typology? / L. M. Hyman // *Phonological typology* / ed. by L. M. Hyman, F. Plank. – Walter de Gruyter GmbH & Co KG, 2018. – Т. 23. – Р. 1–20.
2. *Николаев, Д. С.* [Рецензия] / Д. С. Николаев, А. В. Кухто // *Вопросы языкознания*. – 2019. – № 1. – С. 130–145. – Рец. на кн.: Gordon, M. K. *Phonological typology* / M. K. Gordon. – Oxford : Oxford University Press, 2016. – 384 p.
3. *Gordon, M. K.* *Phonological typology* / M. K. Gordon. – Oxford : Oxford University Press, 2016. – 384 p.
4. *Щерба, Л. В.* Русские гласные в качественном и количественном отношении / Л. В. Щерба. – СПб. : Тип. Ю. Н. Эрлих, 1912. – [2], XII, 155 с., 9 л. ил.
5. *Иванов, А. И.* Грамматика современного китайского языка / А. И. Иванов, Е. Д. Поливанов. – М. : Институт востоковедения им. Нариманова при ЦИК СССР, 1930. – 304 с.
6. *Яковлев, Н. Ф.* Происхождение и развитие фонемы // Н. Ф. Яковлев / Грамматика литературного кабардино-черкесского языка. – М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1948. – С. 318–323.
7. *Касевич, В. Б.* Фонологические проблемы общего и восточного языкознания / В. Б. Касевич. – М. : Наука, 1983. – 295 с.

8. *Крылов, Ю. Ю.* Проблемы слоговой и мон-кхмерской фонологии / Ю. Ю. Крылов. – СПб. : ООО «Студия НП-Принт», 2014. – 384 с.
9. *Бондарко, Л. В.* Основы общей фонетики / Л. В. Бондарко, Л. А. Вербицкая, М. В. Гордина. – М. : Academia; СПб. : Филологический факультет СПбГУ, 2004. – 160 с.
10. *Яковлев, Н. Ф.* Математическая формула построения алфавита (Опыт практического приложения лингвистической теории) / Н. Ф. Яковлев // Культура и письменность Востока. – Кн. 1. – М. : Центриздат народов СССР, 1928. – С. 41–64.
11. *Андронов, А. В.* Фонологические заметки о «Фонологических заметках» / А. В. Андронов. – In *Нопрем* : Сборник статей к 90-летию А. Е. Супруна. – Минск : РИВШ, 2018а. – С. 18–29.
12. *Андронов, А. В.* Морфологическая и фонологическая типология: вопросы соответствия и минимальных линейных фонологических единиц / А. В. Андронов // «Национальные лингвосферы – сопредельные зоны партнёрства» (Ч. Айтматов). Материалы Международной научной конференции, посвящённой 90-летию Чингиза Торекуловича Айтматова. 24–26 октября, Кыргызский национальный университет им. Жусупа Баласагына. Бишкек, 2018б. – С. 158–165.
13. *Гард, П.* Ударение / П. Гард. – СПб. : Филологический факультет СПбГУ, 2015. – 199 с.
14. *Кузьменко, Ю. К.* Фонологическая эволюция германских языков / Ю. К. Кузьменко. – Л. : Наука, 1991. — 284 с.
15. *Попов, М. Б.* Проблемы синхронической и диахронической фонологии русского языка / М. Б. Попов. – СПб. : Филологический факультет СПбГУ, 2004. – 346 с.

Е. Б. Карневская, Е. В. Ефимова
г. Минск, МГЛУ

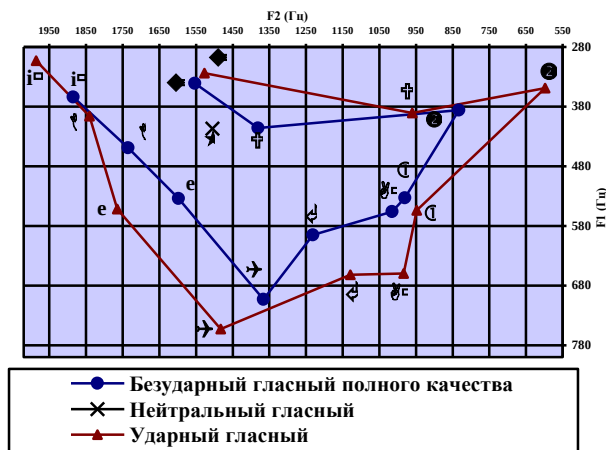
ПЕРЦЕПТИВНО-АКУСТИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ АНГЛИЙСКИХ БЕЗУДАРНЫХ ГЛАСНЫХ КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ АКЦЕНТНОЙ СТРУКТУРЫ СЛОВА И ФРАЗЫ

Возможность произнесения гласных полного качества в безударных слогах значительного числа английских слов демонстрирует одну из специфических черт вокалической подсистемы английского языка, а с точки зрения русско-английского и белорусско-английского билингвизма – одну из трудностей овладения английским произношением. Указанные гласные образуют особую группу, которая в строгом смысле слова не может рассматриваться в терминах безударного вокализма. По существу, гласные названной группы имеют двойственный статус: по своей роли в акцентной структуре слова они примыкают к словесно-безударным, поскольку требуют обязательного присутствия главного ударения в слове (primary stress), а по формантной структуре они примыкают к словесно-ударным гласным, что подтверждается сравнением представленных ниже значений F1 и F2 английских ударных и безударных гласных полного качества (табл., рис.).

Средние значения
формантных частот F1 и F2 ударных
и безударных гласных полного
качества и нейтрального гласного [↔] (мужской голос), Гц

Гласный	Ударный слог		Безударный слог	
	F1	F2	F1	F2
[i]	303	1986	364	1885
[I]	396	1841	449	1735
[Θ]	753	1483	703	1366
[e]	552	1765	534	1598
[A]	660	984	556	1015
[ø]	662	1129	595	1231
[□]	349	598	386	833
[□]	554	948	533	980
[v]	324	1518	341	1553
[Y]	391	960	416	1381
[↔]	—	—	429	1487

Средние значения
F1 и F2 ударных и безударных гласных
полного качества (мужской голос), Гц

Приведенные в таблице и на рисунке данные были получены в исследовании английских гласных в спонтанной речи [1], включавшем в числе других проблем и обсуждаемые в докладе аспекты безударного вокализма. В этом отношении было экспериментально доказано наличие перцептивной дифференциации и акустической контрастивности между словесно-безударными гласными полного качества, с одной стороны, и каждого из них с нейтральным гласным [↔], с другой [1, с. 13]. Такие доказательства создают объективную предпосылку для трактовки безударных слогов, содержащих гласные полного качества, как имеющих второстепенное ударение в слове. Иными словами, полнота качества, то есть сохранение формантных характеристик гласного в безударной позиции, обуславливает усложнение акцентной структуры слова, трансформируя её в двухударную: второстепенное + главное или главное + второстепенное (ср. *contain* [к↔v∪тєIv] – *can-teen* [∩кΘv∪тIv], *problem* [∪пр□βλ↔μ] – *progress* [∪пр↔Y∩γрєσ]).

В то же время, в большинстве английских произносительных словарей обозначение второстепенного ударения ограничено, как правило, слогами, не примыкающими к ударному (как, например, в слове *examination* [Iγ∩ζΘμI∪vєIΣv]).

С теоретической точки зрения разное обозначение «безударных» гласных в примыкающих и непримыкающих слогах предполагает признание функционального неравенства между ними, несмотря на наличие у них основного, постоянного, критерия ударности/безударности слога – полноты качества гласного.

Нужно также отметить, что основанием для расхождений в трактовке позиционно различных безударных слогов с полным гласным могут служить фонетические различия, относящиеся к динамическому аспекту слога. Именно так объясняется разница в обозначении обсуждаемых гласных Д. Джоунзом, который подчеркивает бóльшую силу артикуляции при произнесении непримыкающего слога, являющуюся причиной его восприятия как второстепенно ударного [2]. Данный аргумент, однако, не противоречит принципиальной фонологической идентичности, то есть функциональному равенству, безударных гласных полного качества в обеих рассматриваемых позициях, поскольку увеличение мышечного усилия может быть признаком слога с гласным полного качества и в примыкающей позиции, например, при смысловом выделении слова или в публичной речи (*ambassador* [$\wedge \textcircled{\text{a}} \text{m} \cup \text{b} \Theta \text{s} \leftrightarrow \text{d} \leftrightarrow$]). В результате подобного усиления двухакцентная структура слова становится более явно выраженной, то есть такой же, как в случае непримыкающих слогов с гласными полного качества.

Таким образом, с учетом фонологичности признака «качество гласного» для идентификации словесного ударения следует подчеркнуть теоретическую непротиворечивость и, в силу этого, предпочтительность трактовки гласных полного качества как носителей второстепенной выделенности в слове независимо от их положения по отношению к ударному гласному. Фонетические (динамические и квантитативные) различия между позиционно неидентичными слогами с гласными полного качества выступают в этом плане как градиентные в рамках единой категории «второстепенное ударение», которое может воплощаться в речи разными степенями выделенности: с динамическим и квантитативным выделением, или с квантитативным выделением без участия просодических признаков выделенности.

Нужно подчеркнуть, что возможность градуальности в слоговыделенности неоднократно отмечалась фонетистами-исследователями [2; 3; 4]. В рассматриваемом случае важно иметь в виду, что, независимо от степени и характера фонетической выделенности, статус слога как типа «*второстепенно ударный*» обусловлен его «привязанностью» и субординативностью по отношению к главному ударению и, более того, определенной факультативностью для создания фонетического облика слова. Именно по этой причине, по-видимому, Д. Джоунз, относит слова с второстепенным ударением к одноударным (*single-stressed words*) [2, с. 256].

Правомерность отождествления позиционно различных слогов (но не более двух в одном слове), содержащих гласные полного качества, с второстепенным ударением подтверждается в целом ряде современных дидактически ориентированных работ по просодии английского языка [5; 6; 7]. Отказ от более ранней традиционной трактовки продиктован, со всей очевидностью, как теоретическими, так и прагматическими факторами. С точки зрения обучения иноязычному произношению нельзя не согласиться с тем, что для билингвов обозначение второстепенного ударения на слогах, содержа-

щих гласные полного качества, является важным сигналом недопустимости редукции гласного. Эффективность такой «подсказки» базируется на типологически общей когнитивной ассоциации полного качества гласного с ударностью слога.

Важно также указать на то, что на уровне слова сохранение полного качества гласного в каком-либо слоге помимо главноударного, то есть дополнительно к нему, формирует типичную для английского языка ритмическую модель полисиллабического слова и, кроме того, облегчает его распознавание благодаря выделенности дополнительной морфемы.

Подчеркнем при этом, что отнесение слогов, содержащих гласные полного качества, к второстепенно ударным не противоречит, а сосуществует с широко распространенной тенденцией в английском языке к нейтрализации гласных полного качества в примыкающих к ударному безударных слогах, например, *before* [b↔∪ф□], *careless* [∪кє↔λ↔σ], что подтверждает стремление самой системы устранить возникающие противоречия. Тенденция к нейтрализации гласных в безударных слогах не относится к непримыкающим слогам, подчеркивая тем самым примарную роль ритмического фактора по сравнению с морфологическим в формировании акцентной структуры многосложного слова в современной произносительной норме.

Проблема второстепенного словесного ударения в целом, а не только в случаях «безударных» гласных полного качества, требует обязательного соотнесения словесной акцентной структуры с фразовой, то есть соотнесения потенциальной и актуализованной слоговыделенности, поскольку словесно-ударный слог является одновременно носителем фразовой слоговыделенности. В словах, не получивших просодико-смысловой выделенности во фразе, ударный слог, как известно, не перестает контрастировать с безударными слогами внутри фонетического слова. Следуя приведенной выше аргументации, главноударный слог дезакцентированного слова становится в таких случаях носителем частичного фразового ударения по аналогии с приобретением второстепенного ударения безударным гласным полного качества в слове. При этом возможность выделения градаций в рамках единого типа выделенности в полной мере относится и к частичному фразовому ударению.

Очевидно, что выделение вариантов названного типа фразовой слоговыделенности должно определяться спецификой его дистрибуции и функционального потенциала. В этом плане частичное ударение субординативно, синсеманлично по отношению к полному, поскольку оно не способно инициировать формирование отдельной акцентно-ритмической единицы [6]. Тем не менее, наличие частичного ударения во фразе значимо как для акцентно-ритмической, так и для семантической структуры высказывания. Интересно отметить в этой связи, что выделенность неравнозначных с точки зрения автосемантии лексических единиц, получающих частичное ударение, оценивается по-разному: частичное ударение на полнозначном слове воспринимается как дезакцентуация, а частичное ударение на служебном слове – как дополнительная выделенность.

Завершая обсуждение затронутых в докладе проблем, подчеркнем, что полнота качества гласного на любом уровне – слова или фразы – является когнитивно обусловленной предпосылкой слоговыделенности, допускающей варьирование по степени внутри её функциональных типов – главного и второстепенного словесного ударения, полного и частичного фразового ударения.

В свете вышесказанного сам термин «безударный гласный полного качества» является, на наш взгляд, не вполне корректным. Более подходящим в данном случае представляется английский термин “full vowel” [3] – полный гласный, подразумевающий, что полнота формантной структуры безударного гласного должна быть обязательно дополнена наличием определенной длины и интенсивности, ассоциируемой с конкретным гласным.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Ефимова, Е. В.* Вариативность английских гласных в акцентной структуре фразы (на материале спонтанной речи) : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Е. В. Ефимова. – Минск, 2017. – 232 л.
2. *Jones, D.* An outline of English phonetics / D. Jones. – 9th ed. – Cambridge : W. Heffer, 1967. – XX, 380 p.
3. *Roach, P.* Introduction to the English pronouncing dictionary / P. Roach, J. Hartman, J. Setter // English pronouncing dictionary / ed.: P. Roach, J. Hartman, J. Setter. – 16th ed. – Cambridge, 2003. – P. V–XVI.
4. *Wells, J. C.* Pronunciation Dictionary for Upper Intermediate–Advanced Learners / J. C. Wells. – 3^d ed. – Harlow : Pearson Education Ltd, 2008. – XXVII, 922 p.
5. Практическая фонетика английского языка (с электронным приложением) : учебник / Е. Б. Карневская [и др.] ; под общ. ред. Е. Б. Карневской. – 15-е изд., перераб. – Минск : Выш. шк., 2019. – 383 с.
6. *Карневская, Е. Б.* Практическая фонетика английского языка на продвинутом этапе обучения : учебник / Е. Б. Карневская, Е. А. Мисуно, Л. Д. Раковская ; под общ. ред. Е. Б. Карневской. – 6-е изд., перераб. – Минск : Аверсев, 2017. – 411 с.
7. *Celce-Murcia, M.* Teaching pronunciation: a course book and reference guide / M. Celce-Murcia, D. M. Brinton, J. M. Goodwin ; with B. D. Griner. – 2nd ed. – New York : Cambridge University Press, 2011. – 556 p.

С. Э. Поладова

г. Баку, АУЯ

ОСНОВНЫЕ ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ КРИТЕРИИ ФОНОЛОГИЧЕСКОЙ СЕГМЕНТАЦИИ РЕЧИ

Изучение звуковой стороны языка вошло в общую систему лингвистического описания языка только с появлением понятия фонемы, а установление фонемного инвентаря является исходной задачей при изучении звукового

строю любого языка. Фонологический анализ начинается с разложения речевого потока на минимальные единицы, представляющие собой лингвистические различия в плане выражения. Членение потока речи на звуки должно проводиться на функциональной основе. Однако, как отмечает Л. Р. Зиндер, «для выявления наименьшей звуковой единицы речи необходимо выяснить, как происходит деление потока речи» [1, с. 36].

Суть фонологического анализа состоит в том, чтобы свести выделенные варианты к ограниченному числу фонем. Фонологический анализ языка включает два основных аспекта: описание системы фонем и описание комбинаторики фонем языка. Описание языка не должно ограничиваться только установлением инвентаря фонем, необходимо также исследовать отдельные фонологические единицы исследуемого языка: 1) в системе; 2) в составе слова; и наконец, 3) в потоке речи.

При установлении инвентаря фонем, исследователь должен выполнить две операции фонологического анализа. Во-первых, с этой целью производится синтагматическая идентификация фонем, т.е. фонологическая сегментация речевой цепи и устанавливаются границы между отдельными фонемами. Во-вторых, производится парадигматическая идентификация вычлененных на этапе синтагматической идентификации сегментов, которые проходят процедуру отождествления друг с другом.

Вычленение речевого континуума на отдельные фонемы опирается на лингвистические критерии, суть которых заключается в том, что выделенные сегменты (единицы) оказываются отнесенными к одному инварианту, если носителями данного языка они идентифицируются как варианты одного инварианта (или фонемы). В противном случае выделенные варианты распределяются по разным фонемам. Данная точка зрения придерживается и Ф. Я. Вейсали. По мнению ученого, «...если для определения инвариантов существенное значение имеют принципы сегментации и идентификации, то для определения вариантов решающее значение имеют принципы дистрибуции и классификации» [2, с. 173].

Известно, что любой естественный язык выполняет свою коммуникативную функцию через манифестацию единиц системы языка в синтагматической оси. Распадение фонемы на разные варианты, а также выявление причин этого явления следует искать в звуковом строе данного языка. «И мне кажется даже, – писал Л. В. Щерба, – что разыскание этих оттенков, на которые распадаются фонемы, а также объяснение причин появления каждого из них и являются основными задачами фонетики» [3, с. 122]. Фонема, реализуясь в речевом потоке, имеет различные варианты, образуя аллофоны. По определению Л. Р. Зиндера, «фонема представлена в каждой фонетической позиции определенным аллофоном, воплощенным в реальной речи в виде звука речи» [1, с. 48].

Именно в синтагматике каждая языковая единица находит свое конкретное воплощение. Поэтому изучение фонемы в синтагматике позволяет исследователю выявлять те комбинаторные, позиционные и супraseгментные

условия варьирования, от которой зависит весь механизм модификации звуковых единиц. Каждая реализация фонемы обязательно связана с определенными условиями, находящимися вне данной фонемы. Именно эти условия заставляют видоизменяться фонему в каждом конкретном случае ее реализации. Ф. Я. Вейсали констатирует, что «фонемы в процессе коммуникации представлены множеством вариантов, обусловленных правилами функционирования единиц языковой системы и контролируемых самой системой, но не совпадающих с акустико-артикуляторными коррелятами своей реализации» [4, с. 61].

Звуковые единицы, выделенные с применением синтагматической сегментации, сводятся к ограниченному набору инвариантных единиц в результате парадигматической идентификации. Сведение выделенных звуковых сегментов к конкретному инварианту определяется не акустико-артикуляторным сходством и различием, а чисто лингвистическим критерием. Вариативность языковых единиц является одной из фундаментальных особенностей речи. Эта имманентная особенность языка как четко организованной системы и обуславливает позиционное функционирование фонемы. Такой позиции придерживается, в частности, В. И. Ярцева, в понимании которой: «свойства языкового элемента связаны с его местом в системе языка и даже уже – с его местом в языковом ряду и, следовательно, зависят и от свойств, коррелирующих с ним «соседей» по этому ряду» [5, с. 14]. Другими словами, та или иная фонема, реализованная в конкретном речевом акте сообщения в виде звуковых экземпляров, выделяется из речевого потока благодаря своей функциональной нагрузке, т.е. с соотносительности со значимой единицей (например, морфемой) языка.

Разработка принципов и критериев фонологической сегментации речевого потока является заслугой щербовской фонологической школы. При синтагматическом членении речевого континуума на фонемы мы исходим из того, что фонема не является собственно смысловозначительной единицей, а выступает различителем слов и словоформ и предлагаем свой вариант установления фонемного инвентаря языка, опирающийся на теорию Л. В. Щербы-Л. Р. Зиндера-Ф. Я. Вейсалова, которые считают необходимым выделение фонемы из потока речи на основе ее связи с грамматическим значением. Например, в русском языке звуковая оболочка слова «воск» состоит из четырех фонем, каждая из которых может составлять звуковую оболочку слова или морфемы: /в/ – предлога, /о/ – окончания имен существительных, /с/ – предлога, /к/ – предлога.

Как поступать в тех случаях, когда фонема не выступает в составе однофонемных слов и морфем? В таких случаях приходится пользоваться принципом «остаточная выделяемость», введенная в фонологию Л. Л. Буланиным [6, с. 30]. Данный принцип мы с большим успехом можем использовать при установлении статуса фонем азербайджанского языка. Например, мы в азербайджанском языке противопоставляем слова /turas/ (название птицы)

и /tixas/ (пробки), при этом первое слово представляет неделимую целостность, а второе слово распадается на глагольный корень /tixa/ и на словообразовательный формант [-с], т.е. в этом азербайджанском слове конечную согласную фонему при помощи морфологической границы можно отделять от предшествующей фонемы. Принципом «остаточной выделяемости» характеризуются все без исключения фонемы языка.

Отталкиваясь от признания первичности конститутивной функции фонемы, сторонники щербовской школы определяют принципы как синтагматической, так и парадигматической идентификации: если при синтагматическом отождествлении они опираются на критерий морфемной границы, то при парадигматическом отождествлении фонем – на критерий чередования аллофонов одной фонемы в морфеме.

При синтагматической идентификации фонемы необходимо учесть следующее: если внутри звукового отрезка проходит граница между морфемами, она тем самым разделяется и фонемной границей, т.е. членится на фонемы. В русском языке есть звуковой отрезок [s:^o], например, в начале фонетического слова ['s:^oobaкоу] (с собакой). Наличие морфологически границы указывает, что внутри звукового комплекса [s:^o] проходит фонемная граница и что [s:^o] является сочетанием двух фонем /ss/.

Критерием морфемной границы можно пользоваться при определении моно- и бифонемности звуков. Известно, что в одних языках дифтонги имеют статус самостоятельных фонем, в других они являются бифонемными сочетаниями. Например, в английском языке дифтонги [aɪ] (side), [ɔɪ] (toy), [eɪ] (male) рассматриваются как фонологически не членимые самостоятельные фонемы /aɪ/, /ɔɪ/, /eɪ/. С позиций щербовской школы их статус определяется тем, что внутри английских дифтонгов никогда не проходит морфемная граница. В современном азербайджанском языке есть сложные звуковые комплексы [ɑj̥] (çay (чай), say (считай), [oɪ̯] (toy (свадьба), soy (фамилия), [eɪ̯] (mey (вино), şey (вещь), напоминающие английские дифтонги. В отличие от английских, азербайджанские «дифтонги» бифонемны, так как внутри азербайджанских дифтонгов может проходить морфемная граница: (çay – ça-ya, say – sa-yı), [oɪ̯] (toy – to-ya, soy – so-yu), [eɪ̯] (mey-me-yə, şey – şe-yə).

Таким образом, наука о звуковом составе языка в определенной степени нашла пути решения многих фундаментальных вопросов, так как она опирается на лингвистические критерии. Язык следует описать при помощи собственно лингвистических критериев.

ЛИТЕРАТУРА

1. Зиндер, Л. Р. Общая фонетика / Л. Р. Зиндер. – М. : Высш. шк., 1979. – 312 с.
2. Veysəlli, F. Y. Seçilmiş əsərləri. I cild / F. Y. Veysəlli. – Bakı : Mütərcim, 2009. – 640 s.
3. Щерба Л. В. Языковая система и речевая деятельность / Л. В. Щерба. – Ленинград : Наука, 1974. – 428 с.

4. Вейсалов Ф. Я. Фонетическая вариантность и фонемная идентификация / Ф. Я. Вейсалов // Материалы республиканской научной конференции: «Функциональные и конструктивные уровни языковой системы» (18–19 ноября 1980г). – Баку : 1981. – С. 60–62.
5. Ярцева, В. И. Взаимоотношение грамматики и лексики в системе языка / В. И. Ярцева // Исследования по общей теории грамматики. – М., 1968. – С. 5–57.
6. Буланин, Л. Л. Фонетика современного русского языка / Л. Л. Буланин. – М. : Высш. шк., 1970. – 206 с.

М. Б. Попов

г. Санкт-Петербург, СПбГУ

НУЖЕН ЛИ МОРФОЛОГИЧЕСКИЙ КРИТЕРИЙ В ФОНОЛОГИИ? (К РЕВИЗИИ ОДНОГО ИЗ ПОЛОЖЕНИЙ ЩФС)

В докладе рассматривается проблема необходимости учета морфологической информации в процедурах фонологического анализа, прежде всего при решении важнейшей задачи, стоящей перед фонологом, а именно при определении состава фонем языка. Речь пойдет прежде всего о Щербовской (Петербургской, Ленинградской) фонологической школе, на позициях которой стоит автор доклада.

По отношению к использованию морфологической информации при установлении состава фонем языка Щербовская (ЩФС) и Московская (МФС) фонологические школы существенно отличаются от Пражской школы, основоположник которой Н. С. Трубецкой никогда не использовал информацию о морфемах в фонологическом анализе. В сформулированных им 7 «правилах определения однофонемности и многофонемности» (критерии сегментации речевого потока на фонемы) и 4 «правилах различения фонем и вариантов» (критерии парадигматической идентификации фонем) нет ни одного, опирающегося на критерий, связанный с членением на морфемы или чередованием в морфемах [1], так как для «пражцев» главной является различительная функция фонемы. ЩФС и МФС исходят из того, что главная функция фонемы – конститутивная, т.е. фонемы прежде всего выступают в качестве строительного материала для образования звуковых оболочек слов и морфем. Соответственно и определение состава фонем осуществляется с опорой на смысл, т.е. с учетом единиц вышестоящих уровней языка. Различительная же функция фонемы – вторична и трактуется в этих школах как естественное следствие выполнения ею конститутивной функции¹.

---

¹ Л. В. Щерба на первое место ставил конститутивную функцию фонемы, а на второе – различительную: «Фонемой называется кратчайшее общее фонетическое представление данного языка, способное ассоциироваться со смысловыми представлениями (конститутивная функция – М. П.) и дифференцировать слова (различительная функция – М. П.) ...» [2, с. 14].

Разногласия между ЩФШ и МФШ касаются, прежде всего, вопроса о том, насколько фонологическая система и ее базовая единица – фонема – автономна по отношению к морфологической системе и морфеме в процессе ее функционирования в речевой деятельности. По общему признанию, МФШ является значительно более «морфологической», чем ЩФШ, а «московская» фонема находится с морфемой в более тесных отношениях, чем «петербургская». Не так хорошо известно (особенно за пределами ЩФШ), что в некоторых отношениях ЩФШ даже более последовательно, чем МФШ, использует морфологический критерий в процедурах установления состава фонем языка. Во избежание недоразумений следует, видимо, сразу уточнить, что имеется в виду не столько морфологическая информация в широком смысле слова, сколько информация о морфемах и морфемных границах, т.е. речь в дальнейшем пойдет скорее о «морфемном», или «морфематическом», а не о морфологическом критерии в фонологии, причем прежде всего в процедурах установления состава фонем.

Для установления состава фонем конкретного языка надо осуществить две процедуры: 1) сегментировать речевой поток на минимальные функциональные единицы – фонемы, другими словами – установить границы между фонемами, а попросту говоря, решить, когда перед нами реализация одной фонемы, а когда – двух и более; и затем 2) отождествить выделенные сегменты, т.е. установить, какие из них относятся к одной фонеме, в результате чего и устанавливается состав фонем данного языка. Задача установления состава фонем – не формально-логическая, а – в конечном счете – экспериментально-фонетическая: при ее решении лингвист работает не столько с речевым потоком, который порожден носителем языка, сколько с информантом. Однако критерии окончательных решений и последовательность их применения должны быть обоснованы теоретически, хотя практически они используются обычно только в спорных случаях состава фонем.

Принципы установления состава фонем языка, разработанные ЩФШ, наиболее полно сформулированы в [3; 4]. Фонологическая сегментация речевого потока (= синтагматическая идентификация фонем) определяется членением на морфемы, причем граница морфем не может проходить внутри фонемы: если внутри звукового отрезка проходит морфемная граница, то внутри него проходит и фонемная граница, причем аналогичный звуковой комплекс, не рассекаемый морфемным швом, в соответствии с принципом аналогии¹ также членится на две фонемы. Так, ['da] в *вода* разбивается морфемной границей, а значит, является бифонемным сочетанием /da/, как и аналогичный звуковой отрезок в слове *да*, хотя внутри него морфемная граница не проходит. И наоборот, звуковой сегмент ['ʔa] (ср. ['ʔat] *ад*), имеющий в анлауте глоттальный взрывной элемент ([ʔ]), что характерно для русской

---

¹ Принцип аналогии вытекает из фундаментального положения ЩФШ: фонетическое различие – необходимое условие различия фонологического, поэтому одинаковые (для языкового сознания носителя языка) звуковые комплексы фонологически трактуются одинаково. Применение принципа аналогии в ЩФШ решительно противопоставляет ее МФШ.

речи в начале синтагмы (а факультативно и на стыках слов после гласного внутри синтагмы, ср. ['ʔetə 'ʔat] *это ад*), представляет собой одну фонему — /a/, поскольку в русском языке между [ʔ] и следующим гласным элементом никогда не проходит морфемная граница.

ЩФШ опирается на морфему и при парадигматической идентификации фонемы: два монофонемных звуковых сегмента являются аллофонами одной фонемы, если они чередуются в одной морфеме и находятся в дополнительном распределении. Например, в ауслауте словоформы *кот* имеется конечнослоговой аллофон [t], который артикуляторно и акустически весьма сильно отличается от начальнослогового [t] в словоформе *котá*, а также от лабиализованного начальнослогового аллофона [t^w] в слове словоформах *коту́* и *котóм*, но, тем не менее, все три аллофона являются реализациями одной фонемы /t/, поскольку чередуются в одной морфеме и находятся в дополнительной дистрибуции, то есть не противопоставлены друг другу в одинаковых фонетических условиях. Те же самые звуки, представленные, например, в словоформах *там*, *тур*, *том*, в «нечередующихся» контекстах (т.е. не вступающие в чередования), также являются реализациями фонемы /t/ — в соответствии с уже отмеченным принципом аналогии. Два звука, находящиеся в дополнительной дистрибуции (например, рус. [á] и [·ú·] или рус. [t] и [s^w]), не могут считаться аллофонами одной фонемы, если они в данном языке никогда не чередуются в морфеме.

Итак, ЩФШ в ее современном варианте исходит из того, что синтагматическая и парадигматическая идентификация фонемы определяются *потенциальной* связью фонемы с морфемой, и является фонологической школой, которая при установлении состава фонем наиболее последовательно опирается на морфологический, точнее «морфематический», критерий. В контексте теории ЩФШ, как, впрочем, и МФШ, этот критерий рассматривается как подлинно функциональный.

Вместе с тем подход ЩФШ к решению указанных задач, который уже можно считать традиционным, сталкивается с трудностями, как практическими, так и теоретическими. В некоторых случаях последовательное применение критериев ЩФШ приводит или должно приводить к результатам, явно противоречащим интуиции носителя языка, что не соответствует духу ЩФШ.

Представляется, что более адекватному решению проблем установления состава фонем будет способствовать подход, который исходит из положения, что фонема является строительным материалом для образования звуковых оболочек не морфем, а словоформ. Это приведет к корректировке критериев, используемых ЩФШ при синтагматической и парадигматической идентификации фонемы. Сохраняя общий принцип опоры на смысл в процедурах идентификации, такой подход позволил бы перенести акцент с морфемной границы на границу между словоформами (при фонологической сегментации) и с чередования в морфеме на чередование в словоформе (при парадигматическом отождествлении фонем). Освобождение от излишнего «морфематизма», свойственного современной концепции ЩФШ при моделировании

состава фонем конкретного языка, позволяет привести ее фонологические решения в большее соответствие с речевым поведением и интуицией носителя языка.

Таким образом, при установлении состава фонем предлагается опираться на следующие критерии [5].

При **синтагматической идентификации** фактором, обуславливающим сегментацию речевого потока на фонемы, является межсловная граница: если звуковая последовательность разделяется межсловной границей, она членится и фонологически, т.е. представляет собой бифонемное сочетание. Из этого положения вытекают два следствия: 1) стык слов не может проходить внутри фонемы; 2) морфемная граница может проходить внутри фонемы. При этом стык слова является функциональной, т.е. фонологической, но не обязательно физической реальностью.

При **парадигматической идентификации** критерием, определяющим принадлежность двух аллофонов одной фонеме, является следующий: два аллофона представляют собой реализации одной фонемы, если они могут чередоваться в составе одной *словоформы* и находятся при этом в дополнительной дистрибуции. При этом особую роль играют стыки слов. Конечнослоговой [t^h] и начальнослоговой [t] фонологически идентифицируются, потому что они, находясь в дополнительной дистрибуции, могут чередоваться в одной и той же словоформе: в словоформе И. ед. *рад* [t^h] регулярно чередуется с [t] (*рад* || *рад* *Антону*). В то же время [d] и [t^h] никогда не чередуются в составе словоформы, но только в морфеме: ср. чередование разных фонем /t/ || /d/ (*рад* || *рада*).

То, что фонема в русском языке соотносится не с морфемой, а со словом и конституирует десигнаторы не морфем, а словоформ, может быть обосновано с типологической, психолингвистической и диахронической точек зрения. В принципе слово и морфему можно выделить в языках любого грамматического строя, однако соотношение этих двух единиц и их роль в языковой системе будут различны. В любом языке слово является основной единицей речевой деятельности, следовательно, единицей *функциональной*. Во флективных языках, в частности в русском, слово состоит из морфем, которые вне слов не функционируют, причем слово не равно сумме составляющих его морфем ни в плане выражения, ни в плане содержания. Таким образом, слово противопоставлено здесь морфеме *субстанционально*. Соответственно во флективных языках повышается роль слова как центральной и организующей единицы.

Этот вывод служит отправной точкой для выработки критериев и методов фонологического анализа. Представляется, что в изолирующих языках единицы звукового уровня (в слоговых языках – слоги) действительно соотносятся в первую очередь с морфемами, но тем самым и со словами, которые отличаются от морфем лишь функционально. Что касается языков иного грамматического строя, прежде всего флективных, то в них, по-видимому, фонема соотносится с планом выражения слов. Последнее положение под-

тверждается данными психолингвистических экспериментов на материале русского языка, свидетельствующих о том, что морфемы, составляющие основу слова, не играют существенной роли при нормальных процессах порождения и восприятия слов, уже существующих в языке. Производные слова во флективных языках воспроизводятся в речи целиком, а не по составляющим их морфемам, что подтверждается наличием действующей во флективных языках тенденции к стиранию морфемных границ. Во флективных языках морфема, являющаяся частью основы, может служить для создания новых лексических единиц, однако новое слово возникает не только как результат присоединения аффикса к производящей основе, но определяется самыми разнообразными словообразовательными аналогиями. При этом звуковые комплексы, выступающие в роли словообразовательных аффиксов, могут не совпадать не только с этимологически выделяемыми аффиксами, но и вообще с морфемами, которые выявляются на синхронном уровне. Тем самым слово, являясь основной единицей в динамических деривационных процессах, выступает в таких типичных флективных языках, как русский, в качестве базовой единицы лексикона.

Связь *фонема – слово* обнаруживается и в диахронической фонологии. Звуковые изменения действуют или по крайней мере начинают действовать, как правило, на уровне словоформы. Связь же *фонема – морфема* обычно усматривается на заключительном этапе фонологического изменения, когда собственно фонемное (парадигматическое) преобразование завершилось, т.е. на таком этапе, когда происходят процессы, традиционно называемые выравниваниями по аналогии: фонетическое изменение «переходит» с уровня словоформы на уровень морфемы. Однако и здесь морфемный уровень в процессе фонетического изменения соотносится с фонемным через слово как парадигму словоформ. При этом изменение, утрачивая связь со словоформой, перестает быть собственно фонологическим: оно становится морфонологическим.

Итак, ответ на вынесенный в заглавие данной статьи вопрос «Нужен ли морфологический критерий в фонологии?» будет отрицательным, по крайней мере, когда речь идет о процедурах и критериях установления состава фонем языка, и если понимать «морфологический» критерий в более узком смысле как «морфемный» (или «морфематический»). При этом, разумеется, речь не идет об исключении функционального критерия из фонологических процедур. Функциональный критерий остается, но акцент переносится с морфемы на слово (словоформу). Предлагаемый же отказ от «морфематизма» в фонологическом анализе представляется мне в некотором отношении возвращением к истокам школы, к идеям, заложенным в работах ее основоположника Л. В. Щербы [2; 6].

Сам этот «морфематизм» не привнесен в ЩФШ извне (например, из МФШ), а имеет объективный характер. Фонология возникала прежде всего как *фонология слова*, поэтому было естественным на первом этапе фонологического анализа опираться на границы, существующие внутри слова, т.е. морфемные. Однако представляется, что фонология *слова* должна руковод-

ствоваться не морфемными, а *межсловными* границами. Соответственно полем приложения фонологических процедур оказывается не словоформа, а синтагма. Для Щербы живой речевой единицей была именно синтагма, которую он, как известно, понимал как «фонетическое единство, выражающее единое смысловое представление в процессе речи-мысли» [6, с. 86–87], а слово – как своего рода предел свертывания синтагмы, т.е. слово для Щербы это «синтагма, включенная в систему языка».

ЛИТЕРАТУРА

1. *Трубецкой, Н. С.* Основы фонологии / Н. С. Трубецкой ; пер. с нем. А. А. Холодовича ; ред. С. Д. Кацнельсона ; послесл. А. А. Реформатского. – 2-е изд. – М. : Аспект-Пресс, 2000. – 351 с.
2. *Щерба Л. В.* Русские гласные в качественном и количественном отношении / Л. В. Щерба. – СПб., 1912. – 155 с.
3. *Зиндер, Л. Р.* Общая фонетика: учеб. пособие / Л. Р. Зиндер. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Высш. шк., 1979. – 312 с.
4. *Касевич, В. Б.* Фонологические проблемы общего и восточного языкознания / В. Б. Касевич. – М. : Наука, 1983. – 295 с.
5. *Попов М. Б.* Проблемы синхронической и диахронической фонологии русского языка / М. Б. Попов ; филолог. ф-т СПбГУ. – СПб., 2004. – 346 с.
6. *Щерба Л. В.* Фонетика французского языка / Л. В. Щерба. – 7-е изд. – М. : Высш. шк., 1963. – 309 с.

Н. В. Супрунчук

г. Минск, МГЛУ

ЗВУКИ ЯЗЫКА И ЗВУКИ РЕЧИ: УТОЧНЕНИЕ ТЕРМИНОЛОГИИ

В фонетике традиционно выделяются две группы базовых понятий: фонетические средства и фонетические единицы. К первым относятся словесное ударение, синтагматическое ударение, слоговой тон, интонация. П. Гард, кроме того, справедливо добавляет к перечисленным ещё и «отрицательные акцентные средства»: «Функция ударения состоит в создании в каждом слове контраста между ударным слогом и слогами безударными. Для этого может использоваться два вида средств: положительные – те, которые добавляют ударному слогу некоторый признак, и отрицательные – отнимающие признак у безударных слогов» [1, с. 57].

К фонетическим единицам относятся звук, фонема, слог, слово, синтагма, такт, фраза. П. Гард вводит также понятие «акцентное единство» – сегмент, внутри которого создается акцентный контраст [1]. Не очень частым, но также обоснованным является взгляд, согласно которому особой единицей признается и дифференциальный признак фонемы, ср., например: «Рассмотренные примеры позволяют утверждать, что не только фонемы, но и фоноло-

гические признаки (как сегментные, так и супraseгментные) являются реально существующими языковыми единицами. Присутствие этих элементов звуковой системы в сознании носителя языка проявляется в различных чертах графических систем» [2, с. 267]. Иначе говоря, дифференциальный признак – это не атрибут, не качество, а именно единица, сущность.

При этом исследователи обычно проводят (пусть и не всегда последовательно и не во всех случаях) различие между единицами языка и речи. Так, звук относится к речи, а фонемы – к языку. В слоговых языках типа китайского или бирманского данная оппозиция представлена, видимо, парой «слог – силлабема».

В то же время в ряде публикаций встречается словосочетание «звук языка». В данной работе мы постараемся представить точки зрения на соотношение указанных понятий и выявить целесообразность их использования.

Красивое симметричное соотношение «язык : речь = фонема : звук» начал дополнять (и разрушать) Н. С. Трубецкой, который в классической фундаментальной монографии «Основы фонологии» (1939), в частности, отмечал: «Непрерывный звуковой поток в речи реализует или символизирует определенный фонемный ряд. В определённых точках такого потока можно опознать фонологически существенные признаки звука, характерные для отдельных фонем соответствующего фонемного ряда. Каждую такую точку можно рассматривать как реализацию определённой фонемы. Но, помимо фонологически существенных звуковых признаков, в той же самой точке звукового потока обнаруживаются ещё многие другие, фонологически несущественные звуковые признаки. Совокупность всех, как фонологически существенных, так и несущественных, признаков, которые обнаруживаются в той точке звукового потока, где реализуется фонема, мы называем звуком языка (и соответственно звуком речи)» [3, с. 45]. Таким образом, под звуком языка Трубецкой, видимо, понимал совокупность дифференциальных признаков фонемы, а под звуком речи – совокупность интегральных признаков.

В других работах указанные термины (фонема, звук, звук языка, звук речи) используются в различных комбинациях и получают разнообразные трактовки.

Например, в предисловии к сборнику Л. В. Щербы «Языковая система и речевая деятельность» приводится цитата из конспекта лекции ученого, который вела его ученица И. П. Сунцова: «Надо себе представлять, что реально дано нам в языке: речевой поток; звуков речи нет. Вот делится на в, о, т, т.е. на элементы в результате анализа. Звуки получаются в результате анализа потока» [4, с. 13].

Данным высказыванием, вероятно, хотелось подчеркнуть то, что звуки не даны изолированно, но вычленяются. Однако всё же остается неясным терминологический вопрос. Как понимать последнее предложение – то, где Щерба показывает, как рассуждать правильно: «Звуки получаются в результате анализа потока»? Какой тут термин: просто «звуки», «звуки речи», «звуки языка» или что-то ещё?

В комментарии к первой фразе И. П. Сунцовой Л. Р. Зиндер отметил: «Как видно из дальнейшего, Щерба хотел этим подчеркнуть, что отдельный звук – это не акустическая единица, а языковая. Мысль, которая в наши дни становится аксиоматической» [4, с. 419]. Если принять такой подход, то какие же единицы всё-таки относятся к речи, а какие – к языку? Что всё-таки представляет сущность (обобщение, систему, т.е. язык), а что – наблюдаемое явление, реальные акты общения (т.е. речь или речевую деятельность)? Сомнительным кажется отнесение звука к языку. Ср.: «...Фонема – обобщённая, недоступная непосредственному восприятию единица – имеет в своем распоряжении некоторое количество звуковых вариантов, в которых она, смотря по обстоятельствам, и реализуется» [5, с. 182].

Сам Щерба так определял соотношение звука и фонемы: «Таким образом, мы видим, что в живой речи произносится значительно большее, чем мы это обыкновенно думаем, количество разнообразных звуков, которые в каждом данном языке объединяются в сравнительно небольшое число звуковых типов, способных дифференцировать слова и их формы, т.е. служить целям человеческого общения. Эти звуковые типы и имеются в виду, когда говорят об отдельных звуках речи. Мы будем называть их фонемами. Реально же произносимые различные звуки, являющиеся тем частным, в котором реализуется общее (фонема), будем называть оттенками фонем» [6, с. 19; § 16].

Не совсем понятно соотношение единиц языка и речи у Л. В. Щербы и М. И. Матусевич в «Грамматике русского языка»: «Наконец, слоги делятся на отдельные звуки речи, или фонемы...» [7, с. 11]¹ – и ниже: «Фонемы с лингвистической точки зрения не делятся на самостоятельные части, а потому и оказываются простейшими единицами языка» [7, с. 11].

Л. Р. Зиндер отождествляет звук речи и фон: «Звук речи (фон) – это продукт единичного произносительного акта, поэтому он разнится от индивидуума к индивидууму, от произнесения к произнесению. Гласный в одном и том же слове, например, дом, неодинаков в произнесении разных индивидуумов. Это будут все разные фоны, но представляющие один и тот же аллофон фонемы /о/. Фоны как единицы материальные целиком относятся к речи. В них представлены языковые единицы – аллофоны соответствующей фонемы, определяемые той или иной позицией, а через аллофоны и сами фонемы. Итак, фонема представлена в каждой фонетической позиции определенным аллофоном, воплощенным в реальной речи в виде звука речи (или, иначе, фона)» [8, с. 60–61].

В этой цитате примечательно также то, что аллофон считается не речевой, а языковой единицей.

М. Б. Попов сближает звук речи и фонему: «Минимальными сегментными единицами в русском и большинстве известных языков являются звуки речи (фонемы). Они составляют как бы основу речевого потока. Из звуков

---

¹ Аналогично на с. 49: «Слоги делятся на отдельные звуки речи, или ф о н е м ы – термин, специально подчеркивающий лингвистическую, а, следовательно, и социальную природу этого понятия».

речи состоят другие сегментные единицы – слоги, фонетические слова, синтагмы и фразы» [9, с. 8]. А затем разграничивает их: «Фонема, в отличие от «звука речи», это уже не «сегмент» речевого потока, а скорее его «точка», являющаяся средоточием языковых функций. При этом несомненно, что в звуковом языке последовательность фонем реализуется в виде некоей физической реальности – звуках речевого потока» [9, с. 14].

В известном учебнике С. В. Кодзасова и О. Ф. Кривновой данному понятию даже посвящён специальный пункт [10, с. 344–345], который содержит историю вопроса, однако какого-то определённого решения проблемы употребления терминов не даёт.

Уильям Бэри в капитальной лингвистической энциклопедии даёт такое определение: «Traditionally, a phoneme is regarded as the smallest unit of sound in a language capable of causing a difference of meaning» [11]. И тут вновь не различается материальное и абстрактное. Фонема считается элементом звуковой материи.

Получается, что под звуком языка обычно понимают совокупность звуков, близких друг другу в артикуляционном и акустическом плане и воспринимаемых говорящими как тождественные.

Тут не очень чётки оба критерия. Каковы границы артикуляционно-акустической близости? Неясно, как уточнять у говорящего, что единицы тождественны? Предъявлять ли эти единицы изолированно или в составе слова? Скольким говорящим, из каких общественных групп?

Вообще желательно более строго разграничить, какие термины относятся к артикуляции (акустике) – материальной стороне, а какие – к языку, т.е. системе некоторых обобщённых единиц.

Чтобы избежать терминологической путаницы, лучше, думается, ограничиться парой «фонема – звук». Фонема – это минимальная языковая единица, лишённая значения и служащая для образования и различения морфем и слов. В речи фонема представлена рядом позиционно чередующихся звуков. В крайнем случае, при доказанной целесообразности, терминологически допустимой представляется тройка «фонема – звукотип – звук».

Итак, можно видеть, что термин «звук языка» встречается у видных исследователей, однако вряд ли удачен. Думается, лучше придерживаться симметричных оппозиций между единицами языка и речи. Так, морфема противопоставляется морфу, а фонема – фону (звуку).

ЛИТЕРАТУРА

1. *Гард, П.* Ударение / П. Гард. – Санкт-Петербург : Филологический факультет СПбГУ, 2015. – 199 с.
2. *Андронов, А. В.* Графическое обозначение фонологических признаков как ориентир при совершенствовании алфавитного письма и свидетельство реальности фонологических категорий / А. В. Андронов // *Studi Slavistici*. – 2017. – XIV. – Р. 253–274.

3. *Трубецкой, Н. С.* Основы фонологии / Н. С. Трубецкой. – М., 1960. – М. : Изд-во иностр. лит., 1960. – 372 с.
4. *Щерба, Л. В.* Языковая система и речевая деятельность / Л. В. Щерба. – М. : Комкнига, 2007. – 432 с.
5. *Норман, Б. Ю.* Фонология / Б. Ю. Норман // Общее языкознание: Структура языка; Типология языков и лингвистика универсалий: учеб. пособие / под общ. ред. А. Е. Супруна. – 2-е изд., перераб. и доп. – Минск : Вышэйш. шк., 1995. – С. 159–196.
6. *Щерба, Л. В.* Фонетика французского языка / Л. В. Щерба. – М. : Изд-во лит. на иностр. яз., 1953. – 311 с.
7. Грамматика русского языка. Т. 1: Фонетика и морфология / редкол.: В. В. Виноградов, Е. С. Истрина, С. Г. Бархударов. – М. : Изд-во АН СССР, 1960. – 719 с.
8. *Зиндер, Л. Р.* Общая фонетика и избранные статьи: учеб. пособие / Л. Р. Зиндер. — 2-е изд., испр. и доп. – Санкт-Петербург : Филологический факультет СПбГУ ; Академия, 2007. — 576 с.
9. *Попов, М. Б.* Фонетика современного русского языка / М. Б. Попов. – Санкт-Петербург : Филологический факультет СПбГУ, 2014. – 303 с.
10. Кодзасов, С. В. Общая фонетика: учебник / С. В. Кодзасов, О. Ф. Кривнова. – М. : Рос. гос. гуманит. ун-т, 2001. – 592 с.
11. *Barry, W. J.* Phoneme / W. J. Barry // Encyclopedia of language and linguistics / ed. by. K. Brown. – London : Elsevier, 2005. – Режим доступа: <http://www.coli.uni-saarland.de/~wbarry/Teaching/Phoneme-WJB-SSp.pdf>.

Н. С. Уртегешев

г. Новосибирск, ИФЛ СО РАН

ФАРИНГАЛИЗОВАННЫЕ ГЛАСНЫЕ В ЯЗЫКЕ СУРГУТСКИХ ХАНТОВ¹

Хантыйский язык вместе с мансийским и венгерским составляют угорскую ветвь финно-угорской группы языков. Наибольшую близость хантыйский язык обнаруживает с мансийским языком, вместе с которым образует обско-угорскую ветвь, состоящую в далёком родстве с венгерским языком [1, с. 3].

Хантыйский язык имеет сильную диалектную раздробленность. Диалекты принято делить в соответствии со сторонами света на северную, южную и восточную группы. Сургутский диалект относится к восточной группе [2, с. 10–11]. Он включает ряд говоров: пимский, тромьёганский, аганский и юганский, которые, в свою очередь, делятся на подговоры: тромьёганский – на верхнетромьёганский и нижнетромьёганский, аганский – на варьёганский и нижнеаганский, юганский – на малоюганский и большеюганский [2, с. 11].

---

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ проекта № 19-012-00388(А) – «Специфика звукового строя сургутского диалекта хантыйского языка».

Материалом исследования послужили сургутские изолированные словоформы, содержащие в своей оболочке фарингализованные гласные. На первом этапе исследуемые словоформы были проанализированы методом аудио-визуальных наблюдений автора и показаний информантов.

Фонетическая запись производилась в принятой в ЛЭФИ им. В. М. Наделяева Института филологии СО РАН Универсальной унифицированной транскрипционной системе (УУФТ) В. М. Наделяева [3; 4, с. 100–115].

На втором этапе проводилось экспериментально-фонетическое исследование с применением акустических компьютерных программ создания и обработки звуковых файлов (Audacity, Speech Analyzer). При сегментировании словоформ использовалась также методика, применяемая в ЛЭФИ, в соответствии с которой 1) левая граница инициального глухого согласного выставляется по интенсивности: находится начало ее включения; 2) в зависимости от задач исследования и исследуемого языка смычный взрывной согласный сегментируется по-разному. Если констатируется аспирация или аффрицированность мы рассматриваем фазу выдержки и взрыв (импульс) у анализируемых консонантов как один компонент – смычный, а аспирацию или аффрицированность – как другой. Следовательно, их длительности рассматриваются отдельно, составляя при этом общую длительность звука; 3) переходные участки между звуками в словоформе, если есть, делятся пополам.

Всего по трём дикторам было сделано 390 (100 %) *транскрибов*¹ (ТС) из них по 1-му диктору (Диктор 1)² – 127 ТС (33 %), по второму (Диктор 2) – 130 (33 %), по третьему (Диктор 3) – 133 (34 %).

Фарингализация как дополнительная тембровая характеристика звуков, впервые выявлена в сибирских языках В. М. Наделеевым в 1947 г. при изучении эвенского языка [5, с. 37–39; 6, с. 4]. Экспериментальные исследования показали, что фарингализация гласных осуществляется при сильном напряжении мускулатуры глотки и корня языка [7; 8]. Фарингализованные гласные производят на слух впечатление произнесенных “сдавленным” голосом.

Само фонетическое явление фарингализация пока не получила в научной литературе адекватной интерпретации: остается открытым вопрос о ее генезисе (палеосибирское явление, сохранившееся в языках как остаточное,

---

¹ *Транскриб* (ТС) – затранскрибированное слово, часть слова или отдельный звук.

² Диктор 1 – носительница юганского говора, уроженка с. Песиково Сургутского района Ханты-Мансийского автономного округа, 1951 г.р., имеет высшее филологическое образование. Диктор 2 – уроженка пос. Рускинская Ханты-Мансийского автономного округа, 1963 г.р. Диктор 3 – уроженец пос. Ермаково Ханты-Мансийского автономного округа, 1962 г.р. Дикторы 2 и 3 являются носителями тром-аганского говора сургутского диалекта хантыйского языка, ведут традиционный образ жизни, проживают в р-не пос. Северный Сургутского района Ханты-Мансийского АО, на притоках реки Тромъёган, в повседневном общении используют хантыйский язык, русским языком владеют плохо, в школе практически не учились.

или ареальное, свидетельствующее о разновременных и разнохарактерных контактах этносов и их языков на территории Сибири), артикуляторно-акустической природе, функциях [9, с. 3]

Некоторые специалисты дифференцируют фарингализацию по её локализации, выделяя нижнюю, среднюю и верхнюю [10, с. 65].

В хантыйском языке впервые фарингализация была выявлена на лингвистическом материале сургутского диалекта [11]. Были зафиксированы разные типы фарингализации: по типу тона (повышение или понижение голоса, которое может быть либо неизменным (равновысотным) на протяжении слога, либо изменяться от одного высотного уровня к другому), по длительности.

В исследуемом диалекте методом аудио-визуальных наблюдений автора была зафиксирована следующая фарингализация:

- 1) нисходящая краткая;
- 2) нисходящая полудолгая;
- 3) нисходящая долгая;
- 4) восходящая краткая;
- 5) восходящая долгая;
- 6) восходяще-нисходящая долгая.

При детальном рассмотрении сургутского вокализма фарингализация как сопутствующая дополнительная характеристика была зафиксирована у прерывистых гласных, ранее у них не выявляли, учитывалась только работа ларинкса [12; 13].

Экспериментально-фонетическое исследование позволило внести дополнения в определение сургутских фарингализованных гласных. Например, в слове

№	Слово	Перевод	Диктор 1	Диктор 2	Диктор 3	Позиция в слове
1	<i>рăқ</i>	‘жир из рыбных кишок’	$nEVЫ > V_{ке}$	$nEVЫ > V_{ке}$	$nEVЫ > V_{ке}$	$C_3Ы > V_{к}C_1$ (1-3)

представленном на рисунке 1 констатируется сильное зашумление, увеличение интенсивности, “сползающее” движение основного тона гласного. Ближе к концу фонации вокальной настройки шумная щелевая ларингальная вставка, которая плавно переходит в фазу рекурсии гласного, при этом сильно ее зашумляя. У фарингализованных гласных типа «а» зашумление констатируется: первое в диапазоне от 2,5 кГц до 4 кГц, второе – 6 кГц – 8 кГц. Связаны они с сужением в нижней части фаринкса: сильное напряжение мускулатуры глотки и корня языка (смещение назад). Данный гласный типа «а» можно определить, как фарингализованный зашумленный с ларингальной вставкой в конце фонации.

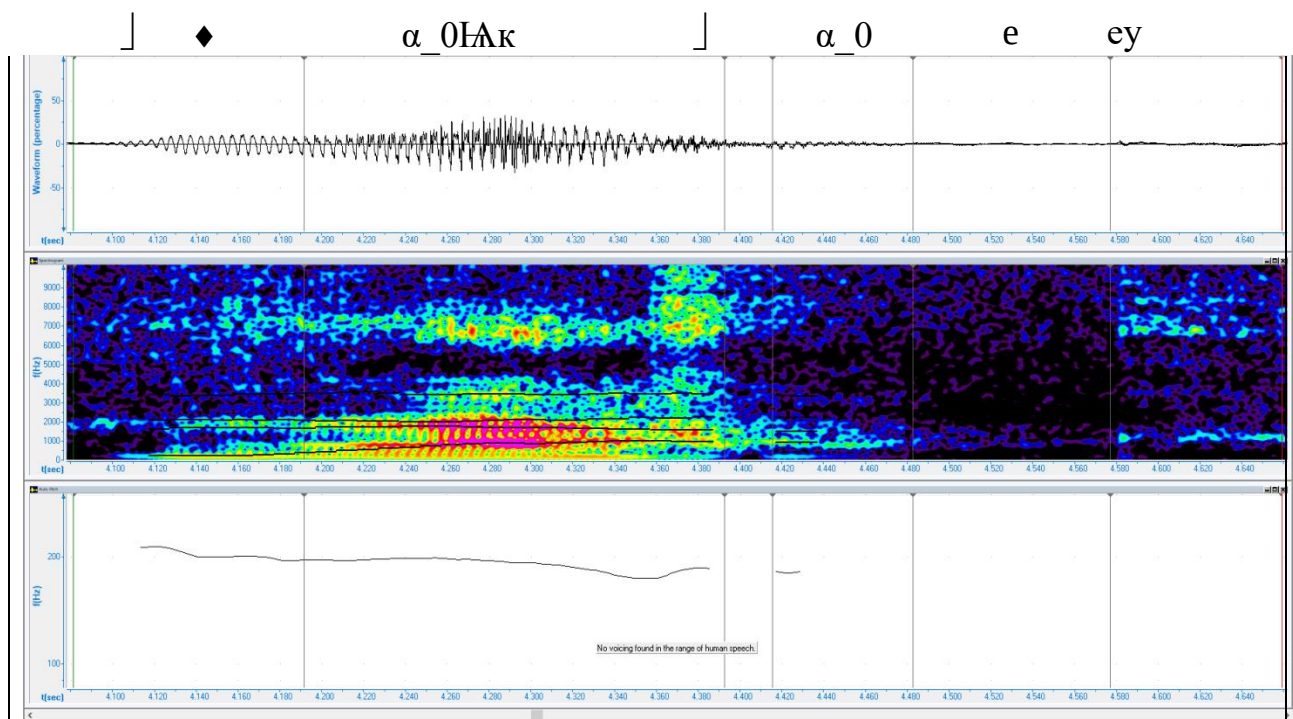

Рис. 1. Осциллограмма, спектрограмма и график основного тона слова *рай* ‘жир из рыбных кишок’

Фарингализация характерна для всех видов длительности гласных: кратких, полудолгих, долгих, прерывистых. Самой многочисленной группой из фарингализованных гласных являются прерывистые.

В ряде примеров фарингализованные гласные в речи одних дикторов у других соответствуют кратким, полудолгим (с последующим удвоенным согласным).

Фарингализованные вокальные настройки могут чередоваться в речи одного диктора в одном слове с долгими непрерывистыми.

Все эти метаморфозы связаны только с одним типом фарингализации – нисходящей.

В настоящее время мы наблюдаем разную степень сохранности фарингализации в языке сургутских ханты: вероятно констатируется процесс утраты данного уникального явления, связанный с естественными языковыми процессами, в первую очередь – упрощением.

Не смотря, на вышесказанное, число фарингализованных совпадений по дикторам достаточно большое, что дает основание смело говорить о фарингализации как о живом фонетическом явлении сургутских ханты.

ЛИТЕРАТУРА

1. Куркина, Г. Г. Вокализм хантыйского языка (экспериментальное исследование) / Г. Г. Куркина. – Новосибирск: Сибирский хронограф, 2000. – 292 с.
2. Чепреги, М. Сургутский диалект хантыйского языка / М. Чепреги. – Ханты-Мансийск: Югорский формат, 2016. – 180 с.

3. *Наделяев, В. М.* Проект универсальной унифицированной фонетической транскрипции (УУФТ) / В. М. Наделяев. – М.; Л.: [б. и.], 1960. – 66 с.
4. *Уртегешев, Н. С.* Фонетические транскрипционные стандарты УУФТ и МФА: система соответствий / Н. С. Уртегешев, И. Я. Селютина, Г. А. Эсенбаева, Т. Р. Рыжикова, А. А. Добринина // Вопросы филологии. Серия «Урало-алтайские исследования». – 2009. – №1 (1). – С. 100–115.
5. *Наделяев, В. М.* Артикуляционная классификация гласных / В. М. Наделяев // Фонетические исследования по сибирским языкам. – Новосибирск, 1980. – С. 3–91.
6. *Наделяев, В. М.* Некоторые заметки по фонетике тюркских языков / В. М. Наделяев // Звуковые системы сибирских языков. – Новосибирск, 1989. – С. 3–10.
7. *Дамбыра, И. Д.* Вокализм каа-хемского говора в сопоставлении с другими говорами и диалектами тувинского языка / И. Д. Дамбыра. – Новосибирск, 2005.
8. *Селютина, И. Я.* Артикуляторные параметры фарингализации гласных: к проблеме интерпретации / И. Я. Селютина, И. Д. Дамбыра // Историко-культурное наследие Хакасии. Материалы Международной научной конференции, посвященной 85-летию со дня рождения д. ист. наук, археолога Я. И. Сунчугашева (Абакан, 20–21 октября 2011 г.). – Абакан, 2011. – С. 159–166.
9. *Селютина, И. Я.* Фарингализация как типологический признак фонологических систем (на материале тюркских языков Южной Сибири) / И. Я. Селютина, Н. С. Уртегешев, Т. Р. Рыжикова, И. Д. Дамбыра, С. В. Кечил-оол – Новосибирск: Изд-во «Омега Принт», – 2014. – 312 с.
10. *Мазепус, В. В.* Темброво-высотные инварианты теленгитского кая / В. В. Мазепус // Мелодии хоомея. – Кызыл, 1994. – С. 65–66.
11. *Уртегешев, Н. С.* Система кратких гласных звуков первого слога в сургутском диалекте хантыйского языка / Н. С. Уртегешев, Н. Б. Кошкарёва // Вестн. угро-ведения. – Ханты-Мансийск, 2017а. – Том 7. – № 4. – С. 70–85.
12. *Уртегешев, Н. С.* Система долгих гласных звуков первого слога в сургутском диалекте хантыйского языка / Н. С. Уртегешев, Н. Б. Кошкарёва // Вестн. угро-ведения. Научно-теоретический и методический журнал. – № 3 (30). – Ханты-Мансийск, 2017. – С. 72–97.
13. *Уртегешев, Н. С.* Инвентарь прерывистых гласных фонем в сургутском диалекте хантыйского языка / Н. С. Уртегешев, Н. Б. Кошкарёва // Сибирский филологический журнал. – 2018. – №1. – С. 180–207.

ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И МЕТОДОЛОГИИ ИССЛЕДОВАНИЙ РЕЧЕВОЙ ПРОСОДИИ

В. С. Астралецкий

г. Минск, МГЛУ

ПРОБЛЕМЫ ФОНОЛОГО-ФОНЕТИЧЕСКОГО ОПИСАНИЯ ПРОСОДИИ КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА

Язык – универсальный хранитель культурного кода нации, так как способен накапливать и удерживать цивилизационную информацию. Исследование различных языковых систем даёт возможность свободно ориентироваться в информационном пространстве глобализирующегося мира.

Не вызывает сомнения тот факт, что проблемы, существующие в области фонологического-фонетического описания просодии китайского языка, обусловлены, в первую очередь, тем обстоятельством, что сами по себе *фонологические системы китайского и русского (а также целого ряда иных языков) реализуют прямо противоположные артикуляционные и акустические возможности речевого аппарата человека*: консонантная доминанта, в частности, отличает китайский язык, тогда как для русского более характерной является доминанта вокальная [1].

Сложность вызывает применение в целях описания просодии устоявшихся базовых лингвистических единиц и категорий, характеризующих фонологическую систему флексивного русского языка, зачастую неприменимых в отношении не флексивного китайского. Все это и приводит, в свою очередь, к несопоставимости, или, согласно терминологии А. Н. Алексахина, «несоизмеримости» фонологических описаний звуковых систем языков [2]. Подобная *неразработанность общелингвистической терминологии*, включающей понятия интонации, темпа, ритма, акцента (ударения), звукофонемы, в которые китаеязычные и русскоязычные лингвисты, по всей видимости, вкладывают различный смысл, сказывается на результатах фонематической интерпретации звуков речи китайского языка.

Третьей проблемой фонологического-фонетического описания просодии китайского языка является *разнородность просодических вариантов китайского языка*. С точки зрения диалектологии, китайский язык является достаточно гетерогенным: к примеру, в различных фонологических описаниях вокализм путунхуа («общего», унифицированного языка Китая) детерминирован неодинаковым количеством фонем. Вместе с тем, контрастивные фонологические изыскания свидетельствуют о том, что на данный момент актуально изучение просодии трёх типичных китайских фонологических систем – языка Пекина (бэйфанхуа), языка Шанхая (у), языка Мэйсяня (кэ, или хакка) [2]. Данные системы нельзя характеризовать как фонологически и фонетически аналогичные путунхуа и синхронные ему. Следовательно, внутриязыковые типологические различия также могут стать препятствием для адекватного

понимания и описания специфики китайской просодии. При этом на сегодняшний день предпочтение в научном описании и исследовании, как правило, отдаётся языку путунхуа, несмотря на то, что официально в Китае как на политическом уровне, так и в научных кругах, объявлен отказ от признания путунхуа «основным», центральным вариантом китайского языка, в совокупности с акцентом на равноценной значимости всех вышеотмеченных диалектных векторов. Фонемный инвентарь путунхуа, таким образом, не является единственно верным; он, скорее, фонологически и фонетически представляет собой «нейтральный» вариант языка. Описание в теоретических и научных целях фонологии и фонетики путунхуа, следовательно, нивелирует существующую в стране уникальную языковую и культурную диверсифицированность.

Отдельной, четвёртой проблемой в плане описания фонологического аспекта просодии китайского языка, мы выделяем *соотношение фонематических и фонологических категорий с буквенной записью китайских слов фонетическим алфавитом «пиньинь» и прочими алгоритмами транскрипции китайских слов.*

Кроме того, следует отметить, что сложность теоретического и методического описания фонологических и фонетических особенностей китайского языка обусловлена разностью эволюционного развития фонологических и фонетических систем русского и китайского языка [2, с. 3–4]. В то время как *формирование русской интонации имеет, скорее, линейный вектор, история появления четырёх тонов китайского языка и наделение их соответствующими фонетико-семантическими характеристиками, демонстрирует постепенное усложнение фонологической и фонетической систем языка:* исторически первой была обнаружена оппозиция первого (ровного) и второго (восходящего) тонов; их сочетание, в свою очередь, породило возникновение в речи падающего (четвёртого) и впоследствии нисходяще-восходящего (третьего) тона. Нейтральный (нулевой) тон, выделился в самостоятельную единицу позже остальных. Всё это оказало непосредственное влияние на звуковую систему китайского языка и сделало ещё более очевидными различия между ним и иными языками. Данное обстоятельство делает практически неосуществимым описание просодии китайского языка в контексте терминологии русской фонологии и фонетики.

В качестве шестой проблемы выделим *разную «нагрузку» категории тона в русском и китайском языках. Слог, будучи основной единицей просодии китайского языка, характеризуется индивидуальным (музыкальным или этимологическим) тоном.* В европейских языках просодическими признаками обладает целое слово, тогда как в китайском тон присутствует в каждом слоге [3]. Тон слога, помимо прочего, является смысловоразличительным, семантическим признаком. Правильное произнесение тона обеспечивает его верное понимание. Так называемая «акцентная триада» [3] признаков просодии – высота, длительность, интенсивность – в китайской слоговой морфеме, в отличие от европейских языков, представлена полностью. Направление

тона для просодии китайского языка – в большей степени, семантическая характеристика, тогда как в русском – прагматическая, эмотивная. Относительно этого, Н. Н. Воропаев приводит в пример широко распространённое явление омонимии, оказывающее влияние на фонетическую систему китайского языка и формирующее языковую картину мира китайцев. Графические омонимы, различающиеся исключительно тонами, порождают определённые психологические жизненные установки (совпадение графической формы слова «расставание» (离 li) и слова «груша» (梨 li), несмотря на разные тоны произнесения, привело к метафорической ассоциации двух понятий) [3].

Таким образом, тон, применительно к китайскому языку, рассматривается лингвистами в качестве смысловозначительной единицы, однако, существуют данные о том, что и носители китайского языка способны соотносить направление тона с характером эмотивности [4, с. 6]. Как и носители русского языка, носители китайского способны выразить и воспринять в чужой речи противопоставленность первого и четвёртого тонов в качестве отражения положительной и отрицательной эмотивности; кроме того, «второй и третий тоны носителями обоих языков оцениваются как нейтральные» [4, с. 6].

Седьмой проблемой описания фонолого-фонетических характеристик просодии китайского языка, которую мы также выделили в качестве одной из основных, является *разность понимания и интерпретации терминологических категорий китайской просодии в русскоязычной науке*: китайский исследователь Чжуан Вэйвэй, к примеру, обращает внимание на то, что в русскоязычных просодических исследованиях встречаются термины «просодические признаки», «просодические элементы», «просодические свойства», которые употребляются применительно к изучению китайской просодии как в качестве синонимов, так и в качестве оппозирующих понятий [5].

Ещё одну очевидную сложность фонолого-фонетического описания просодии китайского языка представляет собой *лакунарное для русской фонетики понятие сандхи*. В рамках концепции моноритмического принципа китайское слово держится не на ударениях, а на правилах сандхи – коартикуляции, «подстроении» слоговых тонов друг к другу [4, с. 11].

Нормы и языковые традиции формирования акцентной структуры высказывания также влияют на фонолого-фонетическое описание просодии китайского языка. В. Л. Завьялова, к примеру, доказала, что носители китайского языка, допускающие просодические ошибки, неверно локализируют словесное ударение в иностранном языке: отмечается склонность к существенному выделению каждого слова во фразе и регулярному ритмическому размещению ударения [6]. Имеют специфику и артикуляционные различия в способах формирования словесного ударения, имеющего особенное акустическое выражение в русском языке: ударение порождается посредством комбинации признаков длительности, силы, тона и тембра [5]; в китайском же языке ударение фактически означает силу произнесения и, вследствие этого, дифференцировано от тона.

Таким образом, рассмотрев девять ключевых, по нашему мнению, проблем фонологического-фонетического описания просодии китайского языка, можно сделать вывод о том, что специфика звуковой системы китайского языка, будучи одним из ключевых языковых факторов, влияющих на образ мышления китайцев и формирующих у них языковую картину мира, является труднодоступной как в плане сопоставления с системами других языков, так и последующей теоретико-методической интерпретации фонологических и фонетических явлений. Ведь достаточно сложно унифицировать даже результаты восприятия просодии разными представителями одной языковой культуры и, тем более, практически невозможно подобрать межъязыковые универсалии в этом вопросе. Установленная полярность фонологического-фонетического систем русского и китайского языков, с точки зрения использования произносительных возможностей речевого аппарата человека и эволюции звукового строя языков, подтверждают невозможность соотнесения фонологических и фонетических единиц данных языков. Ввиду этого возникает необходимость введения эталонного метаязыка и методического аппарата, направленного как на выявление фундаментальных особенностей организации языковых систем, так и на фонологическое-фонетическое описание просодии китайского языка.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Алексахин, А. Н.* Фонологическая система китайского языка в сопоставительном аспекте (на материале сравнения пекинского, шанхайского, мэйсяньского диалектов китайского языка и русского языка) : дис. ... д-ра филологических наук : 10.02.19 / А. Н. Алексахин. – М., 1990.
2. *Алексахин, А. Н.* О китайских фонологических системах в межкультурном контакте Востока и Запада (проект монографического исследования) / А. Н. Алексахин // Филологические науки в МГИМО: сб. научных трудов / МГИМО МИД России; отв. ред. Г. И. Гладков. – М.: МГИМО, 2006. – № 24 (39). – С. 6–17.
3. *Воропаев, Н. Н.* О специфике фонетической системы китайского языка и её влиянии на образ мышления и формирование языковой картины мира китайцев / Н. Н. Воропаев. – [Электронный ресурс]. – 2020. – Режим доступа: <https://www.vokitai.ru/o-specifike-foneticheskoy-sistemy-kitajskogo-yazyka-i-eyo-vliyanii-na-obraz-myshleniya-i-formirovanie-yazykovoj-kartiny-mira-kitajcev/>. – Дата доступа: 20.02.2020.
4. *Кубарич, А. М.* Суперсегментные единицы китайского языка: психолингвистическое и экспериментально-фонетическое исследование: автореф. дис. ... канд. филологических наук : 10.02.19 / А. М. Кубарич. – Кемерово, 2016. – 22 с.
5. *Чжуан, В.* Просодия русской речи у китайцев: дис. ... канд. филологических наук : 10.02.01 / Чжуан Вэйвэй. – Казань, 2016. – 218 с.
6. *Завьялова, В. Л.* Особенности слогоритмической организации английской речи носителями китайского языка : дис. ... канд. филологических наук : 10.02.04 / В. Л. Завьялова. – Владивосток, 2001. – 235 с.

Дж. М. Бабаев
г. Баку, АУЯ

СЕМАНТИКО-СИНТАКСИЧЕСКАЯ ФУНКЦИЯ СИНТАГМАТИЧЕСКОГО ЧЛЕНЕНИЯ

Членение речи на смысловые единицы является одной из основных проблем современной лингвистики. К числу этих проблем можно относить также исследование отношений между различными языковыми средствами при порождении и восприятии высказывания. Именно решение этой проблемы позволит изучать и описать связи, характер взаимодействия между семантикой и формами ее передачи в каждом конкретном языке. Связь между формами выражения и содержания достигается законом коммуникации, корреляция на одном уровне соотносится с корреляцией на другом уровне.

При восприятии речи особую роль играет синтагматическое членение целого. Оно, т.е. синтагматическое членение речи как один из наиболее важных видов лингвистического членения до сих пор остается предметом изучения. Механизм синтагматического членения, природа единиц этого членения (синтагм) все еще не изучены в достаточной мере и остаются спорными. В современной лингвистике понятие синтагма по-разному интерпретируется учеными. Впервые термин «синтагма» встречается у Ф. де Соссюра. Он под синтагмой понимал «последовательность двух (или более) языковых единиц (например: морфем «дом + ик», слов «старый + дом», словосочетаний, предложений), соединенных определенным типом связи (например, определительной)» [1, с. 15]. Л. В. Щерба же определил синтагму как «интонационно-смысловое единство, которое выражает в данном контексте и в данной ситуации одно понятие и может состоять из одного слова, группы слов и целого предложения», иными словами, «...это фонетическое единство, выражающее единое смысловое целое в процессе речи-мысли и могущее состоять как из одной ритмической группы, так и из целого ряда их» [2, с. 86]. Раскрывая фонетическую природу синтагм, Л. В. Щерба указывает, что синтагма как «кратчайший отрезок речи, который мы можем выделять, нисколько ее не разрушая и который в данном контексте и в данной ситуации соответствует единому понятию» [3, с. 77]. Как видно из приведенных цитат, щербовское определение синтагмы полностью отличается от ее соссюрского понимания. Понятие синтагмы у Л. В. Щербы намного шире и более обоснованно, так как оно рассматривается в потоке речи и с учетом интонации. Вслед за Л. В. Щербой мы считаем, что в основе определения синтагмы лежит семантический и фонетический принцип.

Членение синтактико-семантического целого на синтагмы осуществляется лингвистическими и психологическими факторами, так как смысловая сторона является одной из ведущих особенностей. По определению Ф. Я. Вейсyalли, «основными факторами синтагматического членения высказывания на синтагмы выступают его лексическое наполнение, интонация

и пауза, так как внутри синтагмы пауза недопустимо, благодаря которым достигается интонационно-смысловая целостность синтагмы» [4, с. 91]. Другими словами, синтагматическое членение речи на минимальные смысловые единицы связано с отражением в звучании структурных и смысловых компонентов высказывания.

Синтагматическое членение высказывания сопровождается акустической делимитацией речи и семантико-синтаксической структуры речи, в результате чего границы супraseгментных и семантико-синтаксических единиц совпадают. Если будем исходить из той мысли, что человеческая речь является дискретной и членится на различные структурно-смысловые единицы, то тогда должна существовать «первичная единица устного высказывания» [5], которая выступала бы в качестве исходной при создании и восприятии речи. По мнению Е. В. Филатовой, «такой первичной единицей речи является синтагма, которую можно определить как основную речепорождающую структуру: именно из синтагм речь непосредственно порождается и на основе этих же синтагм воспринимается» [6, с. 15].

Синтагматическое членение речи носит закономерный характер и имеет в каждом языке свои особенности, обусловленные спецификой их грамматических систем и артикуляционно-просодических баз, а также коммуникативным назначением высказывания. Синтагма является не только как семантико-интонационная единица, но и как структурно-синтаксическая, поскольку в ней реализуется система данного языка. Оно также зависит от экстралингвистических факторов, таких как: манера говорения каждого человека и целевая установка (интенция) говорящего.

Синтагматическое членение высказывания является единственно возможным в интонационном отношении. Благодаря интонации отдельные слова в зависимости от контекста и ситуации становятся самостоятельными единицами сообщения. Исходя из синтагматического членения, которое осуществляется с помощью внутрифразовой функции интонации, мы можем выделять в каждом высказывании синтагму, в которой в зависимости от позиции внутри синтаксического целого реализуется прогрессивный и терминальный интонационный контур. Действие внутрифразовой функции интонации обусловлено конситуацией. В зависимости от нее высказывания могут расчленяться по-разному и это особенно проявляется тогда, когда есть в содержании высказывания двусмысленность. Синтагма как группа слов, связанных интонационно, структурно и по смыслу в одно целое, отражающая единый минимальный фрагмент конкретного содержания. В ней пересекаются интонационное оформление некоего смыслового единства, синтаксические особенности языка, семантическая специфичность высказывания. В структурном плане она может состоять из одного слова, если, по мнению говорящего, его достаточно, чтобы в сочетании с другими синтагмами, отразить конкретный фрагмент речевой ситуации.

С помощью просодических средств передается смысловая информация, а также сопутствующие эмоционально-модальные оттенки высказывания. Просодические средства (интонация, ударение, пауза, мелодика) внутрифразового смыслового членения отличаются сложностью и неоднородностью. Такая сложность синтагматического членения высказывания основана не только на фонетических различиях в структурах просодического стыка, но и на закономерностях функционального и дистрибутивного характера.

Синтаксический контур высказывания, его семантико-синтаксические оттенки и фонетические связи передаются через членение на синтагмы, выражающееся просодическими средствами. Синтагма реализует свои функции в результате ее оформления с помощью интонации как одного из важнейших средств организации речевого потока. Иногда различное синтагматическое членение придает двум лексически идентичным предложениям (синтаксическая омонимия) противоположное значение, например, в русском языке /Казнить | нельзя помиловать// (рис. 1, осциллогр. 1) или /Казнить нельзя | помиловать// (рис. 1, осциллогр. 2) или в азербайджанском языке /Cavan atlı qocaya yaxınlaşdı// (Молодой всадник подошел к старику) – /Cavan | atlı qocaya yaxınlaşdı// (рис. 2, осциллогр. 3) или /Cavan atlı | qocaya yaxınlaşdı// (рис. 2, осциллогр. 4).

В данном высказывании синтагматическое членение осуществляется с помощью интонации и сопровождается меной места синтагматического ударения. Это, в свою очередь, приводит к изменению синтаксических функций отдельных компонентов высказывания и в результате этого высказывания с одним и тем же лексическим составом понимается двояко: (1) /Cavan (молодой – существительное) (NP) /atlı qocaya (старому всаднику – дополнение) (NP) /yaxınlaşdı (подошел – сказуемое) (VP)//; (2) /Cavan atlı (существительное) (NP) /qocaya (дополнение) (NP) /yaxınlaşdı (сказуемое) (VP)//.

В данном примере действие направляется или на объект, или на субъект. Изменение синтаксической функции компонентов высказывания приводит к изменению информативной характеристики высказывания. В подобных высказываниях доминирующее значение выявляется в контексте, точнее, в конситуации.

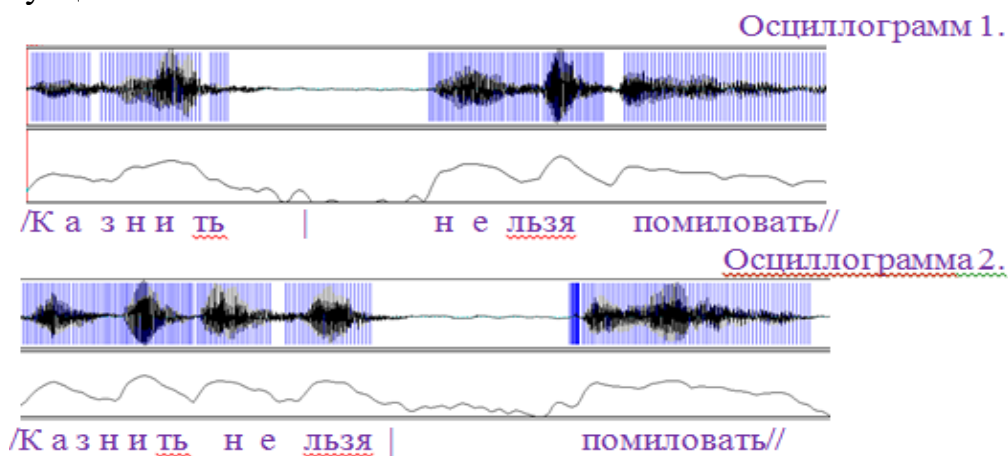

Рис. 1. Примеры синтагматического членения фразы 'Казнить нельзя помиловать' в русском языке а) /Казнить | нельзя помиловать// б) /Казнить нельзя | помиловать//

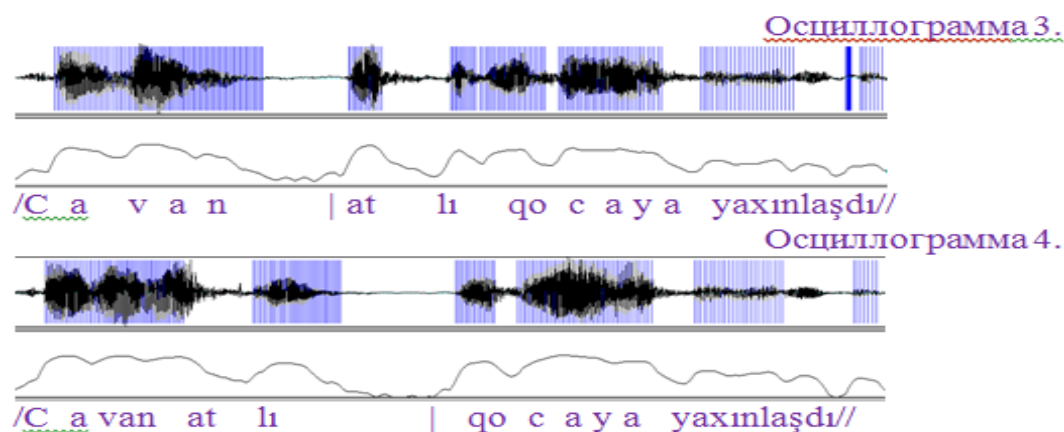

Рис. 2. Примеры синтагматического членения фразы /Cavan atlı qocaya yaxınlaşdı//
 ‘Молодой всадник подошел к старику’ в азербайджанском языке а) /Cavan | atlı qocaya
 yaxınlaşdı// б) /Cavan atlı | qocaya yaxınlaşdı//

Как видно из осциллограммы и интонограммы данных высказываний, при помощи определенной интонационной конфигурации достигается цельность синтагмы как относительно самостоятельного целого, а также ее дискретность по отношению к соседним синтагмам. Резкое понижение тона внутри высказывания свидетельствует о его синтагматическом членении, но степень понижения не доходит до уровня максимального понижения, характерного для конца терминальной синтагмы. Таким образом, точность смысловой интерпретации полученной словесной информации достигается в определенной мере благодаря синтагматическому членению речи на синтагмы в зависимости от конкретной ситуации и коммуникативной установки и т.д.

Таким образом, синтагма как лингвистическая реальность варьируется в зависимости от вкладываемого в нее смысла, интенции говорящего, контекста речи. Кроме того, значение синтагмы зависит от семантики синтаксического целого, т.к. структура и состав синтагм определяются посредством семантического расчленения высказывания.

ЛИТЕРАТУРА

1. Соссюр, Ф. де. Курс общей лингвистики. Труды по языкознанию / Ф. де Соссюр. – М. : Прогресс, 1977. – 695 с.
2. Щерба, Л. В. Фонетика французского языка / Л. В. Щерба. – М. : Высш. шк., 1963. – 308 с.
3. Щерба, Л. В. Преподавание иностранных языков в средней школе. Общие вопросы методики / под ред. И. В. Рахманова. – Изд. 2-е. – М. : Высш. шк., 1974. – 111 с.
4. Veysəlli, F. Y. Seçilmiş əsərləri / F.Y.Veysəlli. – Bakı: Mütərcim, 2009. – 640 s.
5. Николаева, Т. М. Фразовая интонация славянских языков / Т. М. Николаева. – М. : Наука, 1977. – 278 с.
6. Филатова, Е. В. Синтагма как основная единица порождения и восприятия речи / Е. В. Филатова // Русский язык, литература, культура в школе и вузе. – Киев, 2010. – № 4. – С. 15–22.

А. А. Калита

г. Киев, НТУУ «КПИ им. Игоря Сикорского»

ЛИНГВО-ЭНЕРГЕТИЧЕСКАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ РЕЗУЛЬТАТОВ ФОНЕТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Особенностью современных междисциплинарных исследований в области фонетики является обоснование новых методолого-технологических процедур и методов комплексного качественно-количественного лингво-энергетического описания специфики стохастического саморазвития когнитивных процессов речемышления и мыследействия индивида.

Исходя из теоретического принципа сохранения эмоционально-прагматического потенциала высказывания [1] и безразмерного *K*-критерия уровня актуализации его эмоционально-прагматического потенциала [2] мы разработали новый метод анализа звучащей речи, основанный на модели пирамиды духовного бытия индивида (пирамида Клименюка [4, с. 208–234]. Предлагаемый метод позволяет интерпретировать специфику актуализации устной речи как следствие саморазвития когнитивных процессов речемышления и мыследействия в духовной сфере говорящего. Высокий интерпретационный потенциал пирамиды Клименюка базируется на синтезе современных идей системного и синергетического подходов к фонетическим исследованиям, основные положения которых изложены в работах [4, с. 75–97, 97–126; 5, с. 105–132, 132–163].

Рассматриваемые с позиций синергетического знания траектории саморазвития речемышления и мыследействия в духовной сфере говорящего интерпретируются в виде соответствующих структур-аттракторов с характерными точками бифуркации, приобретающими когнитивный статус точек-концептов. В зависимости от рассматриваемых проблем, в поле смыслодержательного насыщения таких концептов могут входить когнитивные явления, понятия, процессы любого уровня абстракции (напр., картины мира, концепт-образ, концепт-гештальт, концепт-сценарий, а также вербальный, эмоциональный, тактильный, слуховой, зрительный, обонятельный, вкусовой, запаховый, цвето-звуковой, вкусо-запаховый, звуко-эмоциональный, эмоционально-вкусовой, свето-музыкальный, визуально-вкусовой, тактильно-визуальный, фоновый и т.п.).

Обозначив в общих чертах особенности саморазвития когнитивных процессов порождения речемышления и мыследействия, перейдем к методологии количественной оценки их энергетических потенциалов. Для этого используем обоснованную в работе [3] координатную сетку (рис. 1) уровней актуализации эмоционального и прагматического потенциалов (Н – низкий, С – средний, В – высокий) материализуемых в коммуникации концептов-высказываний и концептов-действий как результатов речемышления и мыследействия индивида.

информационное воздействие зарождается на низком уровне ЭПП (см. плоскость ОСв). В результате бурного протекающего эмоционального мышления, связанного с культурой микросоциума, саморазвитие аттрактора 1-2 завершается образованием точки-концепта 2, локализуемой в зоне высокого уровня ЭПП (плоскость гСБ).

Энергии концепта 2 и влияния культуры макросоциума как параметра порядка оказывается достаточно для завершения саморазвития аттрактора в точке 3 зоны низкого (бСО) уровня ЭПП ментальной сферы. Траектория аттрактора 3-4, актуализованного внутри этой сферы, свидетельствует, что на попадание точки 4 в зону (аСб) среднего уровня ЭПП оказала влияние культура окружающего индивида макросоциума. Однако под влиянием культуры микросоциума точка-концепт 5 достигла среднего (вСг) уровня ЭПП в трансцендентной сфере духовного бытия индивида. И, наконец, развитие частного аттрактора 5-С приводит к завершению образования полной структуры-аттрактора 1-С, результат саморазвития которой под контролем сознания материализуется в направлении вектора R. Наклон этого вектора влево от оси ОС свидетельствует о том, что в рассматриваемом случае на результат речемышления или мыследействия индивида определяющее воздействие оказала культура его микросоциума, что и повлияло на специфику просодического оформления его речи.

Изложенное показывает, что использование модели пирамиды Клименюка для лингво-энергетической интерпретации результатов фонетических исследований открывает новые возможности качественного и количественного описания динамики саморазвития процессов речемышления и мыследействия индивида в их непосредственном соотношении с психологическими и иными причинами реализации смылосодержательных актов его коммуникативного поведения вообще и речевого в частности.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Калита, А. А.* Актуалізація емоційно-прагматичного потенціалу висловлення / А. А. Калита: [монографія]. – Тернопіль : Підручники і посібники, 2007. – 320с.
2. *Калита, А. А.* Критерий уровня актуализации эмоционально-прагматического потенциала высказывания / А. А. Калита, Л. И. Тараненко // Наукові записки. – Вип. 105 (1). – Серія: Філологічні науки (мовознавство): У 2 ч. – Кіровоград : РВВ КДПУ ім. В. Винниченка, 2012. – С. 476–484.
3. *Калита, А. А.* Теоретико-методологические основы исследования флуктуации эмоционально-прагматического потенциала речемышления и мыследействия человека / А. А. Калита, А. В. Клименюк // Одеськ. лінгвістичн. вісник. – 2019. – Вип. 13. – С. 115–123.
4. *Клименюк, А. В.* Знание, познание, когниция / А. В. Клименюк : [монографія]. – Тернополь : Підручники і посібники, 2010. – 304 с.
5. *Клименюк, О. В.* Методологія і методи наукового дослідження / О. В. Клименюк. – К. : «Міленіум», 2005. – 186 с.

**ТЕКСТОВЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ СЛОВОРАЗДЕЛА В УСТНОЙ РЕЧИ:
БАЗА ДАННЫХ КАК ИНСТРУМЕНТ ПРОГНОЗИРОВАНИЯ
ПРОСОДИЧЕСКОГО ЧЛЕНЕНИЯ ЗВУЧАЩЕГО ТЕКСТА¹**

Цель работы, о которой идет речь в настоящем докладе, заключалась в исследовании просодического членения (ПЧ) русской звучащей речи с целью получения новых и статистически надежных данных о природе этого явления, фонетической реализации и контролирующих факторах: коммуникативно-синтаксических, фонетических и физиологических. Важным моментом теоретической установки исследования является признание слова основной рабочей единицей как при порождении, так и при восприятии любого текста, и письменного, и устного. С точки зрения возможностей ПЧ любая граница между словами (словораздел) в тексте имеет определенный сегментирующий *потенциал*, который может реализоваться с разной вероятностью и с разной силой в зависимости от типа дискурса, контекстных условий и различных контролирующих факторов локальной и глобальной природы. Носитель языка, даже не имеющий специального лингвистического образования, согласится с тем, что соседние слова в тексте в разной степени связаны между собой по смыслу, синтаксически и даже фонетически. Этот факт можно интерпретировать как признание разной сегментирующей силы (глубины) словоразделов. В *письменном* тексте в качестве формальных показателей сегментирующей силы словоразделов (wordbreak strength) выступают знаки препинания: их наличие/отсутствие и тип. Знаки препинания не только членят текст на когерентные фрагменты, но и указывают в определенной степени на их иерархический статус. В *устной* речи аналогичную функцию выполняют просодические средства: паузы, перемены тона и другие фонетические явления на граничных участках соседних слов в последовательности. Просодически маркированные словоразделы образуют просодические швы (разрывы) в звучащем тексте, что хорошо отражает англоязычный термин «prosodic break». Естественно предположить, что внутренняя иерархия ПЧ на фразовом уровне находит отражение в разной глубине («силе») просодических швов (далее ПШ), которая создается использованием разных просодических средств между и на краях просодических составляющих. В интонационной фонологии многие исследователи разделяют точку зрения, согласно которой иерархический статус просодической составляющей однозначно соответствует глубине ПШ, завершающего эту составляющую. Это положение т.н. строгой поуровневой гипотезы (Strict Layered Hypothesis SLH) разделяется, однако, не всеми интонологами, но, к сожалению, никогда не проверялось экспериментально на сколько-нибудь представительном речевом

---

¹ Исследование проведено при поддержке гранта РФФИ 19-012-00534 А.

материале, см. об этом [1; 2; 2; 3]. В то же время нельзя не отметить, что количественная оценка сегментирующей силы словоразделов, или, что то же самое, глубины ПШ в озвученном речевом высказывании, создает основу для реконструкции иерархической структуры его просодических составляющих.

В отечественной лингвистике впервые обратил внимание на ПЧ и его особую природу академик Л. В. Щерба. Он писал: «В европейских языках (а вероятно и во многих других) самым могучим средством выражения связи между словами и группами слов является “интонация”, “фразировка” в самом широком смысле слова». Щерба обозначил практически все отличительные особенности этого явления, которые в настоящее время являются объектом исследования во многих работах по фразовой просодии, однако не описаны и не объяснены полностью ни для одного из европейских языков. В своих работах он использовал 4 маркера для фразовых ПШ разной глубины. В приводимых там примерах использовалась пятибалльная количественная шкала: 0, 1, 2, 3, 4. Много текстовых примеров с интроспективной разметкой ПШ содержится и в книге Р.И. Аванесова «Русское литературное произношение» [4]. В его примерах используется пять маркеров глубины ПШ, т.е. фактически шестibalльная количественная шкала.

Результаты перцептивных экспериментов по оценке сегментирующей силы словоразделов на материале разных языков (английского, нидерландского и русского) свидетельствуют о поведенческой устойчивости оценок, полученных с использованием количественной шкалы, различающей не более 5 уровней глубины ПЧ. Видимо, данная шкала отражает какие-то универсальные свойства перцептивных ощущений человека в анализируемом фонетическом пространстве. Для многих практических задач достаточно учитывать этот результат и даже сознательно использовать более крупную трехуровневую шкалу, как это советует делать А. Сандерман [2] на начальной стадии технологических разработок в области синтеза и распознавания речи. Однако для подтверждения указанной гипотезы с общefonетических научных позиций необходимо увеличить как количество и разнообразие рассматриваемых языков, так и число испытуемых, привлекаемых к ее верификации.

Материал и методика исследования. Учитывая многообразие форм устного дискурса, многослойность и многоаспектность проблемы ПЧ, речевой материал нашего проекта был ограничен русскими прозаическими текстами, озвученными в режиме чтения, с некоторыми дополнениями в виде текстов, специально озвученных для целевых фонетических экспериментов. Основной массив корпуса включает два текста: 1. фрагмент из повести И. Грековой "Кафедра" (2700 словоупотреблений = словоразделов в чтении 2-х непрофессиональных дикторов, далее текст ИГ) 2. прозаические тексты из книги Р. И. Аванесова "Русское литературное произношение" (2500 словоупотреблений = словоразделов в чтении 3-х непрофессиональных дикторов, далее текст РИА). Во всех случаях запись озвученных производилась на качественной цифровой аппаратуре в студийных условиях.

Тексты основного массива были выбраны для нашего корпуса не случайно: текст ИГ входит в набор текстов, имеющих синтаксическую разметку в формате анализатора ЭТАП-3, а тексты РИА содержат авторскую разметку просодического членения. В то же время при включении этих текстов в состав корпуса потребовалась определенная унификация лингво-просодических данных.

Фонетическая составляющая звукового корпуса включает перцептивную разметку, в которой каждому словоразделу поставлен в соответствие количественный субъективный показатель его сегментирующей силы, соответственно глубины ПШ. Разметка осуществлялась с использованием фиксированной 5-тибалльной шкалы, согласованной с результатами перцептивных экспериментов, проведенных с привлечением фонетистов-экспертов и обычных носителей языка в качестве аудиторов [5, 6]. Кроме этого, была также произведена и верифицирована полная паузальная разметка звуковых записей корпуса с одновременным измерением следующих временных показателей: длительности паузы на словоразделе, длительности предпаузального и постпаузального речевых фрагментов.

Кроме просодической разметки, в состав фонетических признаков словораздела входят также акустические характеристики (длительность, интенсивность, ЧОТ, спектральные показатели коартикуляции) звуковых сегментов в непосредственной окрестности каждого словораздела. Для получения этих характеристик была произведена ручная сегментация пограничных областей для каждого словораздела и автоматический акустический анализ выделенных звуковых сегментов.

Синтаксическая составляющая корпуса формировалась постепенно, и вопрос о выборе синтаксического формализма, наиболее адекватного для нашей задачи, до сих пор требует доработки. Текст ИГ, исходно размеченный помощью анализатора ЭТАП-3 в формате деревьев зависимостей для каждого предложения текста, был программно переведен в скобочную форму синтаксического представления предложения в терминах непосредственных составляющих. Скобочная форма более удобна для представления синтаксической информации в табличной форме и позволяет вычислять и использовать простые и осмысленные для синтаксической интерпретации ПЧ признаки, как то: плотность (сгущение) синтаксических скобок на словоразделе, соотношение закрывающих и открывающих скобок, тип объемлющей составляющей по обе стороны от словораздела и т.п. Кроме того, для ИГ были произведены две альтернативные ручные разметки синтаксиса. В одной из них использовался метод Гаспарова–Скулачевой [7], который применяется для исследования глубины синтаксических границ в структуре стихотворного текста. Этот тип разметки основан на классической синтаксической теории членов предложения и эмпирически установленной иерархии силы синтаксической связи между словами, разделенными словоразделом. Второй тип ручной разметки можно условно назвать синтактико-пунктуационным: для получения данных о влиянии типа синтаксической составляющей на ПЧ

было выделено 12 типов потенциально релевантных синтаксических структур, а затем была проведена ручная разметка текста маркерами таких составляющих. Во многих случаях границы таких составляющих в тексте маркируются в соответствующих словоразделах знаками препинания, согласно действующим в русском языке пунктуационным правилам¹, однако далеко не всегда. Таким образом, синтаксический фактор влияет на паузы не только опосредованно через знаки препинания, но должен учитываться и независимо от них. Тексты РИА были размечены вручную с выделением наиболее значимых и крупных синтаксических границ: границы текста, конец абзаца внутри текста, конец самостоятельного предложения внутри абзаца, конец элементарной клаузы внутри самостоятельного предложения, границы пояснительных и сравнительных оборотов внутри элементарной клаузы. Значимость этой разметки для ПЧ также исследовалась статистически.

На основе комплексного синтактико-просодического анализа собранного материала был разработан макет базы данных для прогнозирования места и глубины просодического членения на словоразделах звучащего текста (далее БДС). В ее структуре имеются четыре зоны: текстовая зона, зона левого контекста словораздела, центральная зона собственно словораздела и зона его правого контекста. Каждая зона имеет в своем составе определенный набор характеристик (признаков разного типа). Текстовая зона представляет собой пословную орфографию целевого текста, где каждое графическое слово занимает отдельную строку² таблицы (БДС), номер которой соответствует порядковому номеру словораздела, следующего за словом с тем же порядковым номером. Зона левого контекста в настоящее время включает только частеречный признак слова³, стоящего непосредственно перед словоразделом; планируется ввести также информацию о типе объемлющей синтаксической составляющей, граничащей слева с данным словоразделом. Кроме того, фиксируется несколько фонетических признаков: длительность/длина речевого фрагмента перед словоразделом. Здесь же приводятся акустические показатели звуковых сегментов конечного участка просодической составляющей перед словоразделом. Центральная зона словораздела включает информацию о знаке препинания на словоразделе, формальные синтаксические «скобочные» признаки – общее количество скобок НС, соотношение закрывающих и открывающих скобок. Из фонетических

---

¹ С точки зрения реальных механизмов, контролирующих появление ПШ в тексте, естественно предполагать, что диктор при озвучивании текста ориентируется в известной степени на знаки препинания, а также и на стоящий за ними синтаксис.

² Для упрощения БД некоторые последовательности из «мелких» служебных слов с союзным, модальным, наречным значением условно считались одним графическим словом, т.е. устойчивым выражением, эквивалентным слову (УВР), (*будто бы, потому что, в течение, или же и др.*

³ Базовый список различаемых частей речи был взят из Национального Корпуса Русского Языка 2003-2005.

признаков – длительность паузы и наличие в ней включенного вдоха. Состав признаков зоны правого контекста словораздела, зеркально аналогичен составу зоны левого контекста.

Таблица, приведенная в конце доклада, представляет собой сокращенный вариант полного макета: в ней показаны только те атрибуты текущей версии БДС, которые по результатам статистической обработки данных оказались наиболее значимыми для моделирования ПЧ. Например, из 12-ти факторов синтактико-пунктуационной разметки показаны только пять, а из разметки по методу Гаспарова-Скулачевой только основной тип связи, имеющий максимальную предикторную силу для выбора типа и локализации ПШ.

Что касается электронного формата БДС, то он ограничен рабочей книгой EXCEL и рабочей таблицей статистического пакета, который допускает более красивое оформление и более удобен для построения математических моделей ПЧ с использованием *вектора* текстовых признаков словораздела, имеющих различную лингвистическую природу. Оба формата могут использоваться также для получения «линейных» орфотекстов с разными типами разметки (паузальной, ПШ, синтаксической, частеречной и пр.).

В заключение следует сказать, что созданная нами база должна быть расширена в нескольких направлениях. Так, оставаясь в рамках того же материала, в фонетическую зону БДС нужно включить информацию о наличии, типе и степени выделенности тонального акцента на словах, разделенных словоразделом, а в зону собственно словораздела – информацию о наличии в словоразделе особых фонетических явлений: вдохов разного типа и глубины, признаков ларингализации и, возможно, других особенностей фонации. При наличии нескольких прочтений одного и того же текста одним и тем же или разными дикторами, с разными установками на степень выразительности чтения, нужно предусмотреть возможность оперативного и удобного включения в БДС характеристик этих прочтений и их статистическую обработку. Это позволит уточнить понятие и содержание разграничения между обязательным и факультативным ПЧ, которое достаточно часто декларируется в интонационной литературе. Наконец, оставаясь в рамках предложенной структуры БДС, нужно предусмотреть и опробовать возможности введения и анализа информации о ПЧ в других типах монологического дискурса: поэтической, публичной, научной, театральной, спонтанной речи с разной степенью подготовленности и т.д. В методическом плане необходимы дальнейшие исследования зависимости ПЧ от вектора признаков словораздела методами многомерной классификации/регрессии с целью построения формальных моделей адекватного прогноза ПЧ: локализации, глубины ПШ и их фонетической реализации. Такие модели необходимы не только для расширения фонетических знаний в области фразовой просодии, но и для создания компьютерных систем качественного синтеза и распознавания речи в разных дискурсивных контекстах¹.

---

¹ В приводимой ниже табличной иллюстрации БДС факторы, наиболее значимые для выбора локализации и глубины ПШ, выделены жирным шрифтом.

База дискурсивных признаков словораздела в устной русской речи (фрагмент)

53

Номер словораздела	Текст ИГ в по- словной орфографи- си и одновременно левый контекст словораздела	Знак Препинания	ЗП+	ЗП 0/1	ЗП 0/1/2/3	Число закрывающих скобок]]	Общее число откр. скобок [[на словоразделе	Всего]] скобок на словоразделе	Число [[следующего предложения	ПШ по согласованной группе аудиторов	А б з а ц	Длительность паузы (мс)	Длительность речевого фраг- мента (мс)	Краевые сегменты	Часть речи левый контекст (ЛК)	Часть речи правый контекст (ПК)	Гр-ца финитной клаузы	Бессоюзное сочинение	Союзное сочинение	Пояснительный оборот	Левая граница в обороте	Иерархический тип синтаксической связи
		ЗП				СИНТАКСИС - ЭТАП				ПШ		ПАУЗЫ			ЧАСТИ РЕЧИ		Альтернативная синтаксическая разметка					
		0				0	2	2	2								сущ					
1	Люда		-	0	0	0	1	1	0	0	0	0,0		-	сущ	сущ	0	0	0	0	0	а
2	Величко		-	0	0	2	0	2	0	1	0	128,0	816.0	-	сущ	глагол	0	0	0	0	0	р
3	родилась		-	0	0	0	1	1	0	0	0	0,0		-	глагол	союз	0	0	1	0	0	с
4	и		-	0	0	0	1	1	0	0	0	0,0		-	союз	глагол	0	0	0	0	0	а
5	росла		-	0	0	0	1	1	0	0	0	0,0		-	глагол	предл	0	0	0	0	0	т
6	в		-	0	0	0	1	1	0	0	0	0,0		-	предл	сущ	0	0	0	0	0	а
7	провинции	,	зпт	1	1	1	1	2	0	2	0	540,0	1615.0	-	сущ	предл	0	0	0	1	1	сов
8	в		-	0	0	0	1	1	0	0	0	0,0		-	предл	числ	0	0	0	0	0	а
9	одном		-	0	0	0	1	1	0	0	0	0,0		-	числ	предл	0	0	0	0	0	і
10	из		-	0	0	0	2	2	0	0	0	0,0		-	предл	прил	0	0	0	0	0	а
11	среднерусских		-	0	0	1	1	2	0	1	0	0,0		-	прил	прил	0	0	0	0	0	а
12	неперспективных		-	0	0	1	0	1	0	0	0	0,0		-	прил	сущ	0	0	0	0	0	а
13	городков	.	тчк	1	3	8	2	10	2	4	0	1114,0	2900.0	-	сущ	числ	1	0	0	0	0	f
14	Одна		-	0	0	1	0	1	0	0	0	0,0		-	числ	сущ	0	0	0	0	0	а
15	фабрика,	,	зпт	1	1	0	2	2	0	2	0	353,0	858.0	-	сущ	прил	1	1	0	0	0	с
16	лесопильный		-	0	0	1	0	1	0	0	0	0,0		-	прил	сущ	0	0	0	0	0	а
17	завод	,	зпт	1	1	0	2	2	0	2	0	358,0	1109.0	-	сущ	прил	1	1	0	0	0	с

115	пиявки.	.	тчк	1	3	2	2	4	2	5	1	3174,0	2316.0	-	сущ	прил	1	0	0	0	0	f

ЛИТЕРАТУРА

1. *Ladd, R.* Intonational phrasing: a case of recursive prosodic structure / R. Ladd // *Phonology*. – Yearbook (Vol) 3. – P. 311–340.
2. *Ladd B.* Theories of prosodic structure: evidence from syllable duration / B. Ladd, D. R. Campbell // *Proc. of the 12th Congress of Phonetic Sciences, Aix-en-Provence, France*. – 1991. – P. 290–293.
3. *Sanderman, A.* Prosodic Phrasing (production, perception, acceptability and comprehension) / A. Sanderman. – Eindhoven, 1996. – 138 p.
4. *Selkirk, E.* Phonology and syntax: the relation between sound and structure / E. Selkirk. – Cambridge : MIT, 1984. – 476 p.
5. *Аванесов, Р. И.* Русское литературное произношение / Р. И. Аванесов. – М. : Просвещение, 1972. – 383 с.
6. *Кривнова, О. Ф.* Интонационное членение и сегментирующая сила словоразделов в звучащем тексте (данные перцептивного эксперимента) / О. Ф. Кривнова, С. В. Князев, О. С. Смирнова // *Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова*. – Выпуск 17. Фонетика. – М., 2018. – С. 128–139.
7. *Смирнова, О. С.* Статистический анализ результатов перцептивного оценивания глубины просодических швов в русском звучащем тексте // *Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии : По материалам ежегодной международной конференции «Диалог» (Москва, 31 мая – 3 июня 2017 г.) : в 2 т.* – М. : Изд-во РГГУ, 2017. – С. 12. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа : URL: <http://www.dialog-21.ru/media/3980/smirnovaos.pdf>
8. *Гаспаров, М. Л.* Статьи о лингвистике стиха / М. Л. Гаспаров, Т. В. Скулачева. – М. : Языки славянской культуры, ИРЯ РАН, 2005. – 288 с.

Б. М. Лобанов

г. Минск, ОИПИ НАНБ

КОМПЬЮТЕРНЫЙ АНАЛИЗАТОР ФРАЗОВОЙ ИНТОНАЦИИ И ЕГО ПРИЛОЖЕНИЯ

Хорошо известно, что интонация играет важную роль при восприятии речи человеком. Интонация представляет собой важнейшее средство передачи как собственно языковой, так и социокультурной информации. В практике преподавания существует мнение, что иноязычный акцент особенно ярко проявляется в интонации, поэтому при обучении и преподавании иностранных языков ей следовало бы уделять *особенное внимание*. Интонационный акцент часто возникает вследствие контакта различных языковых систем, например, при билингвизме, как результат языковой интерференции. Следует иметь в виду, что функции интонации в речи столь многообразны, что нарушения в этой области могут привести к серьезным смысловым изменениям, а также создать неверное впечатление о говорящем человеке.

Американские носители языка делают следующее интересное наблюдение: «Спросите у среднего американца, что они думают о российском акценте, и они говорят: – Русские звучат *не дружелюбно*. Я чувствую, как

будто они *не любят* меня. Одна из причин того, что русские, говорящие на английском языке не звучат дружелюбно – это их *плоский тон*. Они просто *не используют правильную интонацию во время разговор*».

Правильность воспроизведения интонации при говорении и адекватность её восприятия при слушании *с трудом поддаётся самоконтролю* учащимся (особенно, при отсутствии музыкального слуха). Существующие лингафонные курсы и оборудование обеспечивают *только СЛУХОВУЮ обратную связь* для контроля правильности интонирования речи, что явно *недостаточно*.

Настоящий доклад посвящен, в основном, описанию прогресса в создании компьютерного анализатора фразовой интонации, обеспечивающего *дополнительную ВИЗУАЛЬНУЮ обратную связь*, а также *КОЛИЧЕСТВЕННУЮ оценку правильности интонирования* речи в процессе обучения иностранному языку. Кроме того, в докладе даются примеры применения анализатора в решении некоторых других полезных приложений, использующих оценку физических характеристик фразовой интонации.

Основным вопросам технологии компьютерного анализа и сопоставления фразовых контуров ЧОТ посвящена работа [1], в которой описана компьютерная система *IntonTrainer*. В состав программного комплекса входят подсистемы, включающие наборы эталонных фраз, которые представляют основные интонационные модели русской, английской (британский и американский варианты), немецкой и китайской речи. В процессе обучения «*IntonTrainer*» осуществляет сравнение и численную оценку интонационного сходства произнесённой и эталонной фраз.

Для создания компьютерной системы *IntonTrainer* потребовалось решение ряда принципиальных проблем, к которым относятся:

- Адекватное сопоставление произносимого и эталонного сигналов при условии наличия взаимной временной деформации и заранее неизвестного начала и конца произносимого сигнала.

- Сегментация анализируемого сигнала на участки, для которых понятие ЧОТ имеет смысл с точки зрения формирования интонационного контура фразы в целом: участки гласных и большинства сонорных согласных.

- Высокоточное вычисление частоты основного тона (ЧОТ) произносимого и эталонного сигналов без подстройки для мужских и женских голосов в широком диапазоне ЧОТ – $F_0 = \{40 - 1000 \text{ Гц}\}$.

- Интерполяция значений ЧОТ на тех участках, для которых определение ЧОТ является некорректным, т.е. на участках большинства согласных звуков.

- Вычисление меры подобия (сходства) интонационных характеристик произнесённой и эталонной фраз в условиях их различной длительности и различных диапазонах ЧОТ.

Оценка интонационного сходства производится на основе представления тонального контура в виде универсального (унифицированного) мелодического портрета (УМП) [2], а именно, в виде прямоугольника с нормиро-

ванными координатными осями: время – T_N и ЧОТ – F_0 . При этом дискретным интервалам на оси абсцисс соответствуют: $[0 - 1/3]$ – пред-ядру, $[1/3 - 2/3]$ – ядру, $[2/3 - 1]$ – за-ядру. Интервалам на оси ординат соответствуют: $[0 - 1/3]$ – низкому тону, $[1/3 - 2/3]$ – среднему, $[2/3 - 1]$ – высокому. При таком представлении основное внимание уделяется особенностям формы кривой ЧОТ на ядре при меньшем внимании на количественные и качественные состав пред- и за-ядра. В рамках УМП предоставляется возможным достаточно строго описывать динамику ЧОТ фразы поведением её на участках пред-ядра, ядра и за-ядра, пользуясь широко распространёнными терминами:

- «низкий-средний-высокий» – для уровня тона,
- «восходящий-ровный-нисходящий» – для направления движения на каждом из участков УМП,
- «широкий-средний-узкий» – для диапазона изменения ЧОТ на каждом из участков.

В качестве критериев сходства интонации произнесённой фразы с эталонной фразой выступают степень их близости по диапазону изменения частоты основного тона (F_0) и форме кривой, отображаемой в виде УМП. Вычисление этих критериев сходства осуществляется системой “*IntonTrainer*” и наглядно отображается на экране. Пример экранного отображения результатов сравнения интонации эталонной фразы «Она уезжает за+втра» (красная линия) с произнесённой (коричневая линия) представлен на рисунке 1. Красный столбец слева отображает диапазон изменения F_0 эталонной фразы, а коричневый – произнесённой. Справа красным цветом отображается линейный график УМП эталонной фразы, а коричневым – произнесённой фразы. Внизу под графиками приведены минимальное и максимальное значения F_0 эталонной (Template) и произнесённой (User) фраз. Оценка интонационного сходства синтезированной и естественной речи осуществляется по двум основным критериям: а) по степени сходства диапазонов изменения F_0 и б) по степени сходства УМП кривых. Вверху над графиками приведены значения для мер сходства по диапазону – **Range 57 %** и по форме кривой мелодического портрета – **Shape 64 %**.

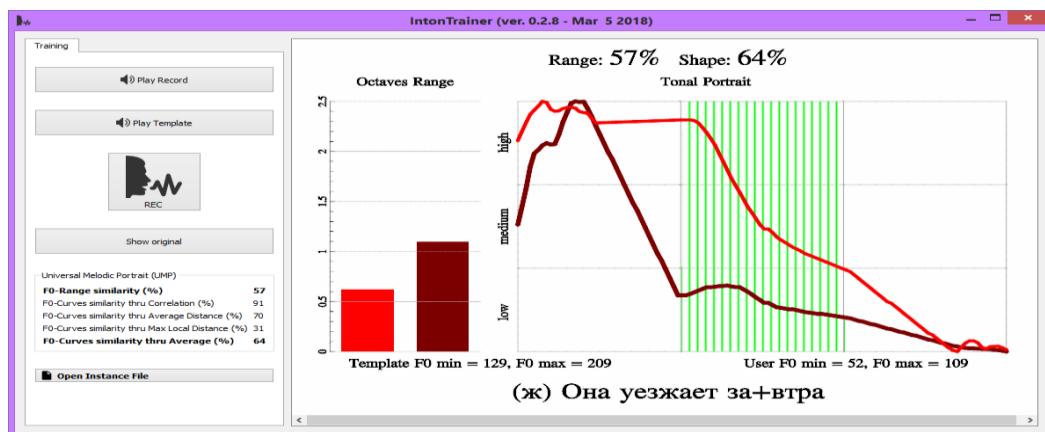

Рис. 1. Результат сравнения интонации фразы «Она уезжает за+втра» (эталонной и произнесённой)

С начала 2018 года на веб-сайте (см. <https://intontrainer.by>) в свободном доступе выложена демо-версия этой программной системы. Там же в текстовом файле “**User Guide**” описаны особенности её использования в качестве компьютерного средства обучения интонации устной речи. Например, для обучения интонации устной русской речи в состав эталонных звуковых баз данных (БД) – PATTERNS – входят:

- {1} Примеры интонационных конструкций (ИК1 – ИК7);
- {2} Примеры их попарного сравнения;
- {3} Примеры их употребления в различных ситуациях;
- {4} Примеры диалога;
- {5} Отрывок прозы;
- {6} Отрывок стиха;
- {7} Примеры пения.

Демо-версия программного комплекса, представленная на сайте, реализована с учётом решения различного рода прикладных задач (рис. 2).

Программный комплекс «**IntonTrainer**» является открытой системой. Допускается модификация используемых настроек и аудио данных. Эталонные БД – PATTERNS –, могут быть *дополнены или модифицированы*

пользователем в соответствии с поставленной задачей, либо *сформированы заново* для работы с новыми языковыми приложениями.

Программный комплекс «**IntonTrainer**» рекомендуется использовать:

– **В лингвистическом образовании**

(используется как средство визуализации интонации)

Первичное ознакомление с основными интонационными конструкциями речи, используемых в различных языках, их попарное сопоставление, изучение особенностей употребления, а также их реализации в диалоге, прозе и стихах.

– **Для самостоятельного обучения и самоконтроля**

(используется как средство интонационного тренинга)

Индивидуальный тренинг правильного воспроизведения интонации в речи и пении – изучение иностранных языков, совершенствование устно-речевых интонационных навыков в ряде профессий таких, как операторы колл-центров, дикторы радио, ТВ и др.

– **В научных исследованиях**

(используется как средство сравнения интонации от разных источников)

Исследование индивидуальных, эмоциональных и стилистических особенностей реализации интонации. Сравнительная оценка интонации речи и пения в норме и патологии. Оценка интонационного качества синтезированной речи.

Рис. 2. Модуль запуска прикладных задач (Launcher)

На рисунке 3 показано географическое местоположение пользователей системы, обратившихся к сайту с января 2019 по март 2020 года.

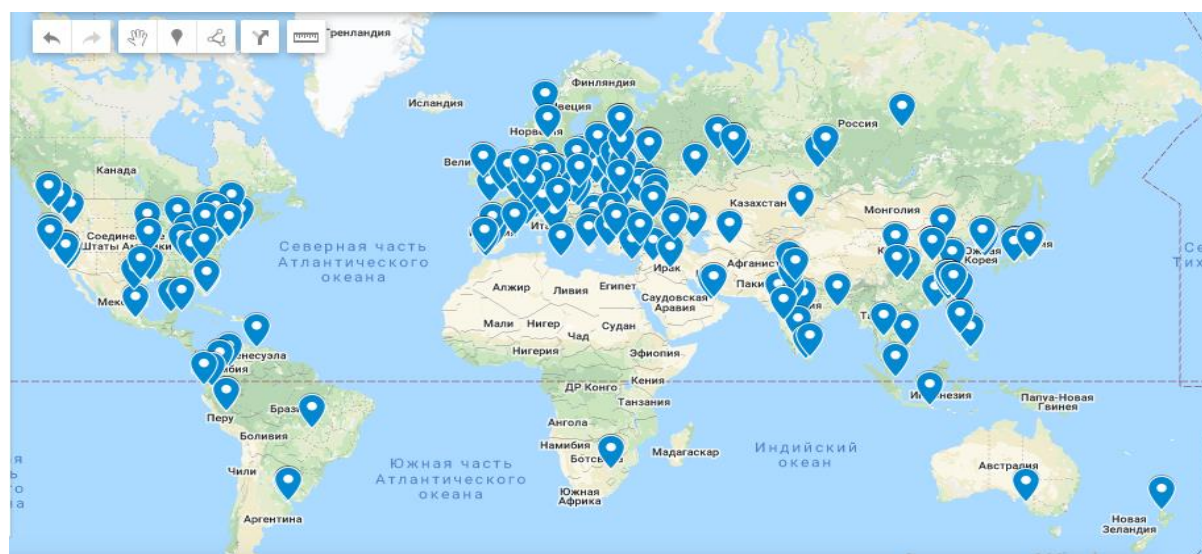

Рис. 3. География пользователей системы «Inton Trainer»

ЛИТЕРАТУРА

1. Lobanov, B. A Prototype of the software system for study, training and analysis of speech intonation / B. Lobanov, V. Zhitko, V. Zahariev // Speech and computer : proc. of the 20 Intern. conf. SPECOM'2018, Leipzig, 18–22 September, 2018 / ed. A. Ronzhin. – Leipzig, 2018. – P. 337–346.
2. Lobanov, B. M. Universal melodic portraits of intonation patterns in Russian speech / B. Lobanov, T. Okrut // Computational linguistics and intellectual technologies : proc. of the Intern. conf. “Dialogue 2014”, Bekasovo, 4–8 June, 2014 / ed. V. P. Selegei [et al.] – M. : RGGU, 2014. – P. 330–339.

О. Н. Морозова

г. Благовещенск, АмГУ

СИСТЕМА ИНТОНАЦИОННЫХ ЕДИНИЦ ЭВЕНКИЙСКОГО ЯЗЫКА: ПРОБЛЕМЫ И МЕТОДЫ ОПИСАНИЯ

К числу наименее изученных разделов фонетики эвенкийского языка до сих пор относится интонация. Информации о том, как ведут себя просодические параметры эвенкийских предложений, в литературных источниках представлено крайне мало [1; 1; 2; 3; 4; 5]. Принимая во внимание исчезающий статус эвенкийского языка, малое число информантов, которые в совершенстве усвоили родной язык в кругу семьи, представляется насущным и своевременным исследование особенностей просодического оформления речи коренного эвенкийского населения Дальнего Востока Российской Федерации.

Своё описание интонации эвенкийского языка на данном этапе исследования мы ограничиваем набором употребительных интонационных контуров, задаваемых характеристиками их акцентных центров. При изучении эвенкийских интонационных характеристик нами анализируются достаточно простые предложения, не имеющие внутренних пауз. В ходе исследования, главным образом, уделяется преимущественное внимание тональному аспекту интонации. Другие компоненты эвенкийской интонации (интенсивность, темп, качество голоса) также рассматриваются, но нами трактуются как дополнительные.

При исследовании направления движения тона в эвенкийской фразе были выделены простые контуры (нисходящий, восходящий, ровный) и сложный (восходяще-нисходящий). По нашему мнению, необходимо фиксировать уровень тона, под которым мы понимаем регистр (высокий, средний, низкий), в пределах которого начинается тональное движение. Для эвенкийского языка релевантным признаком является интервал изменения мелодического контура, который может двигаться в рамках одного регистра, двух соседних регистров или по всему частотному диапазону.

Кроме мелодической составляющей, в описании интонации эвенкийской фразы мы уделяем внимание ее акцентной характеристике, относительной силе акцентов в эвенкийском предложении. Интонационная вершина эвенкийской фразы определяется по наиболее сильному акценту.

Материалом для акустического анализа нашего исследования послужили аудиозаписи речи пяти дикторов-женщин в возрасте 55–70 лет, эвенки среднего и молодого возраста этническим языком не владеют (за редким исключением). При описании интонационной системы эвенкийского языка были исследованы акустические характеристики имеющихся мелодических кривых коммуникативных типов предложений, отсегментированных из рамочных конструкций и диалогов, входящих в Речевой корпус эвенкийского языка [6]. Акустика интонационных конструкций изучалась при помощи программы по обработке речевых сигналов PRAAT [7]. Для каждого речевого образца была получена спектрограмма и интонограмма в формате *.eps*. Далее *eps*-файлы обрабатывались в графическом редакторе GIMP, где также были сделаны транскрипционные подписи при использовании шрифта Doulos SIL.

В ходе анализа полученных интонограмм мы столкнулись с проблемой микросегментики – отражением на мелодическом контуре (pitch) перцептивно незначимых изменений тона (например, звонкие шумные, озвончённые участки смычных глухих согласных, гортанная смычка резко понижают основной тон голоса). Для сглаживания мелодического контура был использован «голландский» метод исследования интонации [9]. Перцептивно незначимые пертурбации основной частоты (на участках сегментов, указанных выше) «вырезались» из мелодического контура с целью выравнивания его кривой. Примеры исходного и «стилизованного» графиков показаны на рис. 1 и рис. 2. На рис. 1 показан исходный график реализации основного

тона в специальном вопросе *Окин? – Когда?* (овалами отмечены микросегментные переломы мелодики в начале слова на гортанной смычке и в конце слова на выдохе). На рис. 2 проиллюстрирован «стилизованный» график той же интонограммы, но с «вырезанными» вручную микросегментами.

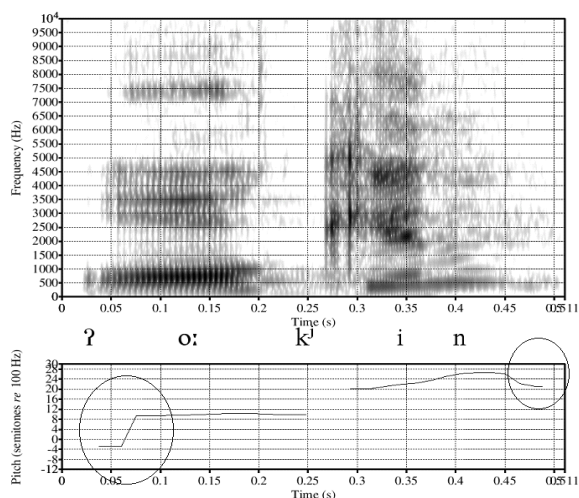

Рис. 1. Исходная интонограмма и спектрограмма специального вопроса *Окин? – Когда?*

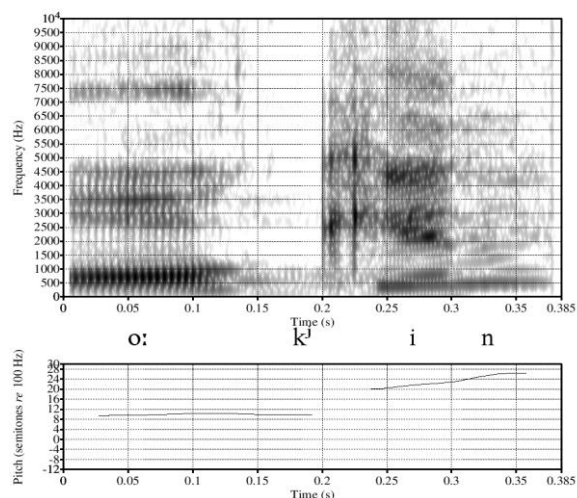

Рис. 2. Стилизованная интонограмма и спектрограмма специального вопроса *Окин? – Когда?*

При установлении набора интонационных конструкций эвенкийского языка нами были использованы признанные методики [10, С. 390–391], которые широко применяются при фонематическом анализе: 1) метод сравнения минимальных контрастов; 2) выявление позиционно обусловленных вариантов, находящихся в отношении дополнительной дистрибуции; 3) метод сравнения модальных контрастов – анализ выражения оценочного отношения говорящего как к сути высказывания, так и к собеседнику. Примеры экспериментальных программ:

1. Минимальные пары. *Эр \дю.* (Это дом.) – *Эр /дю?* (Это дом?) – *Эр /дю, па\латка гу?* (Это дом или палатка?) и т.д.

2. Дополнительная дистрибуция вариантов акцентного центра. *Эр \дю.* (Это дом.) – *Эр \сэксэ.* (Это кровь.) *Эр нерой\кан.* (Это ребенок.) и т.д.

3. Модальные контрасты на различных огласовках эвенкийского слова *улливнэнни* (шьёшь). Далее приведены примеры ситуаций в переводе на русский язык. «Отгадай, что я делаю?» – «Шьёшь.» (спокойный нейтральный ответ на вопрос, громкость средняя, регистр низкий или средний). – «Ага! Шьёшь! А нужно готовить ужин!» (констатация действия, собеседника поймали за занятием, которое не соответствует ожидаемому, громкость большая, регистр высокий). – «Что-что делаешь? Шьёшь?» (общий вопрос, заинтересованность, громкость выше средней, человек знает, что собеседник может и умеет шить). – «Ты шьёшь?» (общий вопрос, удивление от неожиданного, громкость выше средней, повышение мелодики, начиная с низкого регистра и заканчивая высоким, человек не знает, что собеседник умеет шить, он совсем не ожидает увидеть собеседника занятого шитьём).

Как показал акустический анализ, акцентный центр (ядерный тон) эвенкийской фразы может состоять из следующих базовых разновидностей:

1. Низкий/средний нисходящий. Мелодический контур начинается в среднем или низком регистре, падение тона заканчивается на низком уровне. В первом случае тон движется в пределах одного регистра, во втором – в пределах соседних среднего и низкого.

2. Высокий нисходящий. Мелодический контур начинается в высоком регистре, падение тона заканчивается на низком уровне. Мелодический контур имеет максимальный интервал изменения.

3. Восходяще-нисходящий. Восходящая часть локализуется в среднем или высоком регистре, нисходящее движение доходит до глубокого нижнего регистра. Мелодический контур имеет широкий интервал изменения.

4. Низкий/средний восходящий. Мелодический контур начинается в низком или среднем регистре, повышение тона заканчивается на высоком уровне. В первом случае тон движется в пределах всех трёх регистров, во втором – в пределах соседних среднего и высокого. Имеет широкий диапазон изменения.

5. Ровный. Может реализоваться на любом уровне (низком, среднем, высоком).

В качестве заключения хотелось бы отметить следующее. Эвенкийская интонология нуждается в экстренных акустических исследованиях по причине исчезающего статуса данного языка. Современные программы по обработке звукового сигнала обеспечивают автоматическое получение объективного иллюстративного материала (графиков частоты основного тона) с поправкой на микросегментные явления, которые требуют тщательного контроля экспериментатора. В ходе предпринятого нами акустического анализа коммуникативных типов эвенкийских предложений были выявлены пять базовых разновидностей акцентного центра эвенкийской фразы: простые контуры (нисходящий, восходящий, ровный) и сложный (восходяще-нисходящий). Перспективой исследования станет дальнейший поиск релевантных признаков и их возможных сочетаний интонационной системы эвенкийского языка.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Bulatova, N. Evenki / N. Bulatova, L. Grenoble // Languages of the World / Materials 141 / Lincom Europa. 1999. – 64 p.*
2. *Захаров, Л. М. Интонация диалога (на материале аудиозаписей кетской, селькупской, и эвенкийской речи) : доклад / Л. М. Захаров, О. А. Казакевич // Международная конференция по компьютерной лингвистике и интеллектуальным технологиям «Диалог 2007». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа : – URL : <http://www.philol.msu.ru/~otipl/SpeechGroup/publications/zakharov-2007/zakharovl.pdf> – Дата доступа : 18.12.2018.*

3. *Морозова, О. Н.* Интонационные модели эвенкийского языка / О. Н. Морозова, С. В. Андросова // Теоретическая и прикладная лингвистика. Вып. 1(2). – Благовещенск : Амурский гос. ун-т, 2015. – С. 55–70.
4. *Карачева, О. Б.* Интонация утвердительного предложения в русском и эвенкийском языках / О. Б. Карачева, О. Н. Морозова // Теоретическая и прикладная лингвистика. – 2018. – Вып. 4. – № 3. – С. 39–58.
5. *Морозова, О. Н.* Просодическое оформление побудительных предложений в эвенкийском и ороchonском языках (основной тон) [Текст] / О. Н. Морозова, С. В. Андросова, Е. А. Процукович // Теоретическая и прикладная лингвистика. – 2019. – Вып. 5.(2) – С. 100–114.
6. *Карачева, О. Б.* Сравнение интонационных контуров повествовательных предложений в русском и эвенкийском языках / О. О. Карачева // сб. тр. Третьей международной междисциплинарной Тунгусской конференции «Социальные взаимодействия, языки и ландшафты в Сибири и Китае (эвенки, эвены, ороchonны и другие группы)» / глав. ред. С. В. Андросова. – Благовещенск : ООО «ИПК «Одеон», 2019. – С. 110–119.
7. Речевой корпус эвенкийского языка (аннотированный) [Электронный ресурс]. – 2017. – Режим доступа : <http://www.linguacorporus.amursu.ru> – Дата доступа : 15.03.2020.
8. *Boersma, P.* Praat: Doing phonetics by computer (Version 6.0.33) [Computer program] / P. Boersma, D. Weenink. – 2014. – [Electronic resource]. – Retrieved from <<http://www.fon.hum.uva.nl/praat/>>.
9. *Ode, C.* Russian Intonation: A Perceptual Analysis. Amsterdam, 1989, p. 180.
10. *Кодзасов, С. В.* Общая фонетика: учебник / С. В. Кодзасов, О. Ф. Кривнова. – М. : Рос. гос. гуманит. ун-т, 2001. – 592 с.
11. Corpus of Contemporary American English [Электронный ресурс]. – Режим доступа : – URL: <http://corpus.byu.edu/coca> – Дата доступа : 01.04.2020.

Т. М. Насонова
г. Минск, МГЛУ

К ВОПРОСУ О ПРОСОДИЧЕСКОЙ РЕАЛИЗАЦИИ ДВУХАКЦЕНТНЫХ СЛОВ В АНГЛИЙСКОЙ ФРАЗЕ

Двухакцентные слова в английском языке представляют собой большой пласт лексики, включающей несколько разнообразных лексико-грамматических групп слов, особенностью которых является наличие в слове двух ударных слогов, обозначаемых главным и второстепенным словесным ударениями. К данным группам относятся составные прилагательные, составные числительные, составные наречия, фразовые глаголы, а также многосложные слова с суффиксами и префиксами, притягивающими к себе ударение или меняющими его положение в слове.

Исторически возникновению данной категории слов способствовали все акцентные тенденции английского языка (рецессивная, ритмическая, ретен- тивная, семантическая), каждая из которых оказала свое влияние на сохране- ние или появление второго ударного слога в многосложных словах. Так,

в группе составных слов, а также в словах со смысловыми приставками (*dis-*, *extra-*, *inter-* и т.п.) сохранение второго ударения отвечает семантическому критерию, в группе многосложных слов с притягивающими ударение суффиксами (*-tion*, *-bility*, *-tee*, *-sque* и т.п.) второе ударение появляется благодаря особенностям ритмической организации английской речи, чьей характерной чертой является стремление к чередованию ударных и безударных слогов. При этом место второго ударения обусловлено действием ретентивной тенденции, сохраняющей ударным тот слог, который был носителем главного ударения в исходном слове.

Традиционно, что получило отражение в произносительных словарях, в двухакцентных словах оба ударных слога отмечены неравной степенью слоговой выделенности – либо главной, либо второстепенной. Общим для обоих слогов является сохранение полного качества гласного, различия же данных двух градаций словесного ударения связаны с их реализацией во фразе и корреляцией с фразовой акцентуацией. Фонологическое неравноправие главного и второстепенного словесных ударений проявляется в том, что слог, несущий главное словесное ударение, будет с наибольшей вероятностью выделен в речи ядерным фразовым ударением, в отличие от слога, отмеченного второстепенным словесным ударением. При этом в перечисленных выше группах слов второстепенное ударение всегда предшествует главному, то есть второстепенным словесным ударением отмечен первый ударный слог, в то время как следующий за ним ударный слог несет главное ударение. В таких словах, как составные существительные, в которых основной акцент, в том числе и в ядерной позиции во фразе, всегда получает первая основа, а вторая дезакцентируется, но сохраняет полное качество гласного, отмечается так называемое третьестепенное ударение, которое никогда не получает полную просодическую выделенность во фразе. Необходимо отметить, что акцентная модель составных существительных является смысловоразличительной и отличает эту группу слов от омонимичных словосочетаний, в частности.

Вопрос фонетической реализации слогов, отмеченных как главным, так и второстепенным словесным ударением, представляет интерес и остается актуальным ввиду того, что фразовая акцентуация слога, отмеченного второстепенным ударением, а также степень выделения фразовым ударением обоих словесноударных слогов не в ядерной позиции во фразе очень вариативна. Значимость этой проблемы очевидна при обучению английскому произношению носителей русского/белорусского языков, для которых двухакцентные слова не являются произносительной нормой и представляют фонетическую трудность.

С целью установления тенденций и закономерностей в просодической реализации двухакцентных английских слов в речи носителей языка нами была проведена серия исследований с применением аудитивного и статистического методов анализа, в которых на первом этапе рассматривалась фразовая акцентуация первого словесноударного слога, отмеченного второстепен-

ным ударением, на втором этапе – реализация обоих словесноударных слогов в предъядерной позиции. Фразовое ударение в нашем исследовании понимается в соответствии с англоязычной традицией и ассоциируется не только с конечным ударным словом во фразе, а с каждым выделенным элементом, в связи с чем исследуемые единицы рассматриваются не только в ядерной, но и в предъядерной позиции с точки зрения их фразовой акцентуации.

Для первого этапа исследования были выбраны односложные фразы, состоящие из одного слова, являющиеся звуковыми иллюстрациями двухакцентных английских слов в современном произносительном онлайн словаре издательства Longman (www.ldoceonline.com). Для анализа были отобраны 25 примеров многосложных слов с суффиксами, притягивающими ударение (*-tion*, *-bility*, *-tee*, *-sque* и т.п.), 25 многосложных слов со смысловыми приставками (*dis-*, *extra-*, *inter-* и т.п.), а также 25 составных прилагательных. Все слова имеют акцентную структуру “второстепенное ударение + главное ударение” (j-^l-). Каждое слово начитано диктором-носителем британского варианта английского языка и диктором-носителем американского варианта английского языка. Таким образом, для каждого слова проанализировано два варианта прочтения, что составило в общей сложности 150 реализаций. Все реализации были прослушаны аудиторами-фонетистами, в результате чего получена их просодическая разметка. Поскольку все слова прочитаны во фразе, состоящей только из одного слова, очевидно, что в данной ситуации ядерное фразовое ударение падает на последний словесноударный слог, отмеченный главным ударением. Интерес представляет предшествующий слог, отмеченный в словаре второстепенным ударением. Его фразовая акцентуация оказывается неоднозначной.

Результаты анализа показали, что для каждой группы слов наблюдаются как схожие, так и различные закономерности в произнесении второстепенноударного слога. Так, первое ударение, являющееся второстепенным в акцентной структуре многосложных слов с суффиксами (*-tion*, *-bility*, *-tee*, *-sque* и т.п.), реализуется как полное фразовое (^lm) в речи британцев в 64 % и в речи американцев в 52 %. Второстепенное ударение на смысловой приставке (*dis-*, *extra-*, *inter-* и т.п.) произносится как полное фразовое в речи британцев в 36% и в речи американцев в 88 % реализаций. Составные прилагательные демонстрируют предпочтение реализации второстепенноударного слога с полной степенью фразовой выделенности в речи британских дикторов (56 %) и частичной в речи американских дикторов (56 %) (табл. 1).

Различия в степени фразовой выделенности второстепенноударного слога в речи обоих дикторов находятся в пределах статистической погрешности и не демонстрируют четкой зависимости от типа двухударного слова или национального варианта английского языка, за исключением слов со смысловыми приставками, которые в речи американского диктора получают яркую акцентуацию на приставке намного чаще, чем в речи британца. Данный факт можно объяснить тем, что семантический фактор выделения меняющей смысл слова приставки оказался для американского диктора ведущим.

Т а б л и ц а 1

Степень фразовой выделенности второстепенноударного слога в двухударных словах, произнесенных в односложной фразе, в речи дикторов разных национальных вариантов английского языка, (%)

Многосложные слова	Британский английский		Американский английский	
	полная выделенность	частичная выделенность	полная выделенность	частичная выделенность
С суффиксами	64	36	52	48
С приставками	36	64	88	12
Составные прилагательные	56	44	44	56

Тем не менее, для установления этого факта как постоянного требуется более детальное исследование. В целом, можно сделать вывод, что степень выделения второстепенного словесного ударения во фразе перед ядерным ударением не подчиняется четким требованиям. Единственным необходимым условием при реализации второстепенного ударения является отсутствие редукции гласного в слоге, что автоматически соотносится с фразовой выделенностью. Выделение же данного слога в отдельную ритмогруппу не является обязательным, но встречается часто во всех группах двухударных слов.

При произнесении двухударного слова в предъядерной позиции вариативность затрагивает не только реализацию второстепенноударного слога, но также и главноударного слога (табл. 2).

Т а б л и ц а 2

Степень фразовой выделенности словесноударных слогов двухударных слов в предъядерной позиции, (%)

Многосложные слова	Тип фразового ударения в первом и втором словесноударном слоге		
	полное+частичное	частичное+полное	полное+полное
С суффиксами	36	20	44
С приставками	38	8	52
Составные прилагательные	72	24	4

На данном этапе анализа фактор территориальной принадлежности диктора не принимался во внимание ввиду отсутствия свидетельства его влияния на распределение фразового ударения в двухударных словах. Полученные нами данные подтверждают известный факт о том, что просодическое выделение обоих словесноударных слогов подвержено ритмическому чере-

дованию и зависит от ритмической организации конкретной фразы, от темпа речи, а также, возможно, подвержено межиндивидуальному варьированию, поскольку в нашем речевом материале встречались идентичные по лексико-грамматической структуре фразы, имеющие разную ритмическую структуры в речи разных дикторов (сравните: *The ¹University of ¹Warwick*. ‘Университет Уорика’ и *The ¹University of ¹Texas* ‘Университет Техаса’). Таким образом, в данной позиции оба слога фонологически равноправны во всех рассмотренных группах двухударных слов и могут быть реализованы с различной градацией предъядерного фразового ударения.

Подводя итог, необходимо еще раз отметить, что предметом нашего исследования выступает реализация акцентной структуры слова во фразе при различных просодических условиях. Словесное ударение в данной взаимосвязи рассматривается как предпосылка для фразовой акцентуации, степень которой может варьироваться. Как подтвердили результаты анализа, единственным отличием в реализации главного словесного ударения от второстепенного является его способность получать ядерную выделенность во фразе. В ином положении оба слога равноправны в степени фразовой акцентуации – полной или частичной. Общим является обязательное наличие просодического выделения. Степень выделения подвержена влиянию ритмического фактора, темпа речи, а также межиндивидуальному варьированию. Можно сказать, что реализация рассмотренных двухударных слов во фразе отвечает тем же требованиям, что и реализация двухсловных словосочетаний.

Принимая во внимание прикладную задачу преподавания иноязычного произношения носителям русского языка, в родном языке которых сложные слова не сохраняют двухакцентную структуру и имеют фонетическую редукцию одной из основ, главная рекомендация для овладения акцентной нормой двухударных слов английского языка состоит в сохранение фразового акцентирования в обоих слогах, включая слог с второстепенным словесным ударением, поскольку его редукция является нарушением произносительной нормы английского языка, а его полное фразовое выделение вполне соответствует наблюдаемым тенденциям в речи носителей как британского, так и американского вариантов английского языка.

Т. И. Шевченко

г. Москва, ФГБОУ ВО МГЛУ

ФОНЕТИКО-ФОНОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ПРОСОДИИ НА ОСНОВЕ КОРПУСНОГО АНАЛИЗА

Корпусный анализ как метод лингвистического исследования стал активно развиваться в 80-е годы прошлого столетия для нужд речевых технологий: автоматического распознавания речи, машинного перевода и искусственного интеллекта. Вместе с тем корпусный анализ внес значительные изменения в процесс создания лингвистических теорий и процесс описания

языка. Новые лингвистические теории рождались и верифицировались на базе изучения естественного языка, который реализовался в процессе естественного общения; выводы становились более достоверными.

Составление корпуса звучащей речи, в отличие от корпуса письменных текстов, значительно сложнее и требует гораздо больше времени на аннотирование, составление скриптов и транскрибирование силами фонетистов-экспертов [1]. Первые корпуса, составленные для фонетического анализа речи, изучались с целью выявления степени редукции гласных и элизии согласных в потоке речи по сравнению с изолированным произношением слов, отраженным в словарях [2; 3]. Просодия и интонация в их связи со структурой дискурса и информацией означали следующий этап применения корпусного метода в фонетике и фонологии дискурса, когда спонтанная речь стала важнее специально составленных и начитанных предложений [4].

Рассмотрим основные направления современного подхода к корпусному анализу просодии:

- изучение *предсказуемости* определенных просодических (акцентных) структур, существенной для *распознавания речи* [5; 6];
- поиск *национальной и социальной идентичности* на основе просодических характеристик речи [7; 8; 9];
- выявление фактов *развития языка* в онтогенезе и филогенезе в «видимом времени» или путем сопоставления с архивными записями [10];
- изучение характера *взаимодействия* собеседников в диалоге и полилоге, включая взаимную *аккомодацию* и выбор различных речевых стратегий [11; 12].

Характерно, что во всех указанных направлениях отмечается внимание к *когнитивному* аспекту проявлений языковой личности в дискурсе.

Основное преимущество корпуса при условии его репрезентативности в отношении стиля речи, определяемого ситуацией, учетом географического происхождения и социального статуса информантов, в том числе их уровня образования, пола и возраста, состоит в установленной *частотности* слов-носителей смысла, необходимых для распознавания и понимания звучащей речи. А. Катлер и ее соавторы, изучив характер акцентуации в двух корпусах, утверждают, что фонетическая сегментация слов в английском языке носит метрический характер. Это означает, что каждый акцентированный слог в потоке речи соответствует либо краткому знаменательному слову, либо первому ударному слогу в многосложном слове, что и обеспечивает лексический выбор, необходимый для понимания речи [5]. На материале речи американских бизнесменов-сетевиков было установлено, что просодические максимумы в синтагме (ЧОТ и длительность) неизменно концентрируются в финале, способствуя выделению ключевых слов убеждающей речи [6].

Корпус IViE, записанный в девяти британских городах, отразил большое многообразие интонационных форм даже в чтении определенных синтаксических типов предложений, что навело исследователей на мысль о возмож-

ном непонимании в процессе межэтнической коммуникации англичан, валлийцев, ирландцев и, тем более, жителей города Бредфорд, которые говорят по-английски с пенджабским акцентом [7]. Валлийский акцент в английской интонации, в свою очередь, может выявить индексную социальную черту, соответствующую региону проживания, социально-экономическому статусу, возрасту и гендеру говорящего, т.е. быть реальным идентифицирующим средством в общении [8].

Изучение канадской идентичности в акцентуации [9] потребовало обращение к трем национальным корпусам, британскому, американскому и канадскому, что выявило много общего в частотности слов, акцентуация которых была установлена на основе лексикографических источников: только часть слов с различающейся акцентной структурой ($n=79$) имеет средний уровень частотности (50 единиц на миллион); остальные слова из списка ($n=1400$) оказались малочастотными, а, значит, не существенными для межнационального общения [13; 14; 15]. Дальнейший опыт исследования канадских акцентных моделей потребовал привлечение целого ряда других методов: традиционных методов акустического компьютерного анализа и перцептивно-слухового анализа, а также использования современных технологий (интернета) для экспресс-опроса жителей Канады, проявивших свои межъязыковые различия, характерные для поликультурной страны [9].

Не только детская речь, но и просодия речи разных поколений может предоставить новые данные о развитии языка в процессе психофизиологических изменений человеческого организма и социализации личности. Так, например, сопоставление речи трех возрастных групп жителей Америки, сбалансированных по гендеру, показало, как мужчины и женщины меняют ритм речи, какие акустические средства используют для сохранения и усиления акцентуации с возрастом благодаря накоплению социального опыта на фоне угасающих возможностей голоса [10]. Столь же информативна оказалась просодия речи в криминалистике, медицине и телекоммуникациях.

Теория аккомодации, как и прочие теории о речевых стратегиях говорящих в диалоге, в частности в электронных играх, были изучены американскими исследователями на материале корпуса телефонных переговоров Switchboard [2] и других корпусов [11]. Было показано, как важна взаимная настройка и согласие собеседников при выполнении общего задания. Просодическим проявлением согласия или его отсутствия могут служить показатели частотности и длительности пауз, наложения реплик, высотных характеристик на стыках реплик. Включение социально значимых ролевых отношений собеседников и гендерных стратегий в общении помогает раскрыть всю сложность речевого взаимодействия собеседников в зависимости от состава участников [12]. Эта область просодического анализа больших корпусов нуждается в использовании современных самообучающихся компьютерных программ типа DNN и CNN, хотя роль фонетистов-экспертов при аннотировании и транскрибировании звучащих текстов остается необходимой.

Современные речевые технологии в эпоху «больших данных» открывают новые возможности и требуют совершенствования методологии, совмещающей ML (machine learning) и экспертный анализ фонетически подготовленного исследователя.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Harrington, J.* Phonetic Analysis of Speech Corpora / J. Harrington. – Oxford : Wiley-Blackwell, 2010. – 403 p.
2. *Godfrey, J.* SWITCHBOARD: telephone speech corpus for research and development / J. Godfrey, E. Holliman, J. McDaniel // Proc. of the IEEE International Conference on Acoustics, Speech and Signal Processing. – 1992. – P. 517–520.
3. *Lamel, L.* Speech Database development: design and the analysis of the acoustic phonetic corpus / L. Lamel, R. Kassel, and S. Seneff // Proc. DARPA Speech Recognition Workshop. – 1986. – P. 100–109.
4. *Anderson, A.* The HCRC map task corpus / A. Anderson [et al.] // Lang. a. Speech. – 1991. – Vol. 34. – P. 351–356.
5. *Cutler, A.* The role of strong syllables in segmentation for lexical access / A. Cutler, D. Norris // J. of Experimental Psychology : Human Perception and Performance. – 1988. – Vol. 14(1). – P. 113–121.
6. *Shevchenko, T. I.* Algorithm of persuasive talk in pitch and duration / T. I. Shevchenko, N. A. Sadovnikova, L. N. Sibileva // Экономика, статистика и информатика. Вестн. УМО. – 2011. – № 4. – С. 105–108.
7. *Grabe, E.* The Intonation of native accent varieties in the British Isles: potential for miscommunication? / E. Grabe, G. Kochanski, J. Coleman // English Pronunciation Models : A Changing Scene / eds. : K. Dziubalska-Kalaczyk, J. Przedlacka. – Bern : Peter Lang, 2005. – P. 311–337.
8. *Shevchenko, T.* Welsh English intonation and social identity / T. Shevchenko [et al.] // Socioling. Studies. – 2017. – Vol. 11. – №1. – P. 153–174.
9. *Shevchenko, T.* Canadian English word stress: a corpora-based study of national identity in a multicultural community / T. Shevchenko, D. Pozdeeva // Lecture Notes in Computer Science. – LNAI 10458. – 2017. – P. 221–232.
10. *Shevchenko, T.* Corpus data on adult life-long trajectory of prosody development in American English, with special reference to middle age / T. Shevchenko, T. Sokoreva. – Lecture Notes in Computer Science. – LNAI 11096. – 2018. – P. 606–614.
11. *Gravano, A.* Turn-taking cues in task-oriented dialogue / A. Gravano, J. Hirschberg // Computer Speech and Language. – Vol. 25 (33). – 2011. – P. 601–634.
12. *Горбылева, А. В.* Просодическая конвергенция как результат взаимодействия собеседников в спонтанном диалоге / А. В. Горбылева // Теор. и приклад. лингв. – Вып. 5, № 3. – 2019. – С. 41–52.
13. British National Corpus [Электронный ресурс]. – Режим доступа : – URL: <http://www.natcorp.ox.ac.uk/> – Дата доступа : 01.04.2020.
14. Canadian English Corpus [Электронный ресурс]. – Режим доступа : – URL: <http://corpus.byu.edu/can/> – Дата доступа : 01.04.2020.
15. Corpus of Contemporary American English [Электронный ресурс]. – Режим доступа : – URL: <http://corpus.byu.edu/coca>. – Дата доступа : 01.04.2020.

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ПРОСОДИИ С ЯЗЫКОВЫМИ СРЕДСТВАМИ ДРУГИХ ПОДСИСТЕМ

А. А. Добринина

г. Новосибирск, ИФЛ СО РАН

ИНТОНАЦИОННЫЕ ПАТТЕРНЫ АЛТАЙСКИХ ВОПРОСОВ С МЕСТОИМЕНИЕМ *НЕ* 'ЧТО' В ФОЛЬКЛОРНЫХ ТЕКСТАХ¹

В докладе впервые делается попытка описать интонационную структуру вопросительных предложений алтайского языка при помощи субъективного и объективного методов экспериментальной фонетики.

Алтайский язык относится к киргизо-кыпчакской группе восточнотюркской ветви тюркских языков и состоит из двух диалектных групп – южной (теленгитский, телеутский, алтай-кижи) и северной (кумандинский, чалканский, тубаларский) [1]. На сегодня все идиомы северной группы и телеутский диалект южной группы получили статус самостоятельных миноритарных языков, находящихся под угрозой исчезновения.

Актуальность исследования определяется отсутствием работ, посвященных изучению, системному описанию и сопоставительному исследованию аспектов суперсегментной фонетики алтайского языка.

Материалом исследования послужили диалоги с вопросительным местоимением *не* 'что', выбранные из алтайских фольклорных произведений из академической серии «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока» [2; 3].

Интонация по С. В. Кодзасову определяется как комплекс просодических средств, участвующих в членении потока речи на линейные единицы, выражении степени законченности, самостоятельности и важности этих единиц, а также степени их связанности [4].

В алтайском языке как тема, так и рема имеют связанные с ними интонационные показатели. Для выражения вопросительности употребляются различные вопросительные слова и частицы: *кем* 'кто', *не* 'что', *кандый* 'какой', *ненинг учун* 'почему', *качан* 'когда', *кайда* 'где', *канча* 'сколько', *кайдан* 'откуда', *канайдар* 'что делать' и т.д. Вопросительное слово выполняет синтаксическую функцию отсутствующих членов предложения. Общеизвестно, что при употреблении предложения с вопросительным словом цель всегда одна: определить неизвестные предметы, явления, состояния, действия, признаки и т.д. Таким образом, можно предположить, что именно

---

¹Исследование выполнено в рамках проекта Института филологии СО РАН «Культурные универсалии вербальных традиций народов Сибири и Дальнего Востока: фольклор, литература, язык» по гранту Правительства РФ для государственной поддержки научных исследований, проводимых под руководством ведущих ученых (соглашение № 075-15-2019-1884).

вопросительное слово будет нести смысловую нагрузку и выделяться интонационно, являясь ремой данного предложения.

Интонация играет ведущую роль в выражении вопросительности в алтайском языке. Анализ звукового материала фольклорной речи алтайцев показал, что инклинация высказывания происходит именно на вопросительном слове с последующей деклинацией к концу фразы. В предложениях, в которых вопросительное слово находится в начале, отмечается высокое начало, за которым следует довольно резкое ступенчатое падение тона до конца высказывания с монотонными задержками на отдельных участках. В предложениях, где вопросительное слово *не?* ‘что?’ расположено в конце звучания отмечается волнообразное движение тона. В предложениях с вопросительным словом, расположенным в середине, отмечается волнообразное нисходяще-восходяще-нисходящее движение тона.

Выявление интонационных паттернов в рассматриваемых текстах затрудняется качеством голоса и манерой речи дикторов: при незначительных перепадах интонационного контура речь является очень напряженной и малоэмоциональной. Требуется дальнейшая работа для верификации выдвинутой гипотезы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Баскаков, Н. А. Алтайский язык / Н. А. Баскаков. – М. : изд-во АН СССР, 1958. – 116 с.
2. Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока. – Том 21. Алтайские народные сказки. – Новосибирск : Наука, 2002. – 455 с.
3. Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока. – Том 30. Несказочная проза алтайцев. – Новосибирск : Наука, 2011. – 576 с.
4. Кодзасов, С. В. Общая фонетика : учебник / С. В. Кодзасов, О. Ф. Кривнова. – М. : Рос. гос. гуманитар. ун-т, 2001. – 590 с.

Е. Б. Карневская, Е. Д. Долматова
г. Минск, МГЛУ

ПРОСОДИЧЕСКИЕ КЛЮЧИ К РАСПОЗНАВАНИЮ МЕЖСЛОВНОГО И ВНУТРИСЛОВНОГО СОЕДИНЕНИЯ ФОНЕМ

Фонетическая сегментация речевого потока относится к проблемам, интерес к которым со стороны исследователей-фонетистов не ослабевает в течение целого ряда десятилетий. Выделение единиц сегментации, установление их состава и иерархии, а также средств их делимитации вызывали и продолжают вызывать дискуссии и разногласия среди авторов многочисленных работ по проблеме. В этом плане к наиболее обсуждаемым относятся фонетические маркеры интеграции и дезинтеграции смежных речевых единиц в соединениях типа ‘согласный + гласный’ (СГ). Как показывают результаты экспериментов, такие соединения обнаруживают наибольшее количе-

ство смещений морфологических типов стыка (межсловный, внутрисловный/внутрислоговой), по сравнению с другими фонемными последовательностями, т.е. оказываются наиболее функционально нагруженными. Вместе с тем словоразграничительный потенциал фонетической реализации иерархически различных морфологических типов стыка в соединении сегментных единиц требует дальнейшего изучения и экспериментального доказательства с целью устранения неоднозначности в решении.

Расхождения в результатах исследований касаются, в первую очередь, установленных различительных параметровых признаков, маркирующих межсловную границу. В работах Л. Накатани и К. Дьюкс с привлечением синтезированной речи было показано, например, что значимую информацию о локализации межсловной границы несут различия количественного характера между аллофонами согласных в инициальной и финальной позиции в слове [1]. Как основной критерий разграничения слов *a tease* ‘поддразнивание’ и *at ease* ‘непринужденно’ они приводят, вслед за А. Гимсоном [2] и Э. Селкирк [3], степень аспирации, отмечая, что [t] в *a tease* ‘поддразнивание’ произносится с аспирацией, в то время как в сочетании *at ease* ‘непринужденно’ – без аспирации. Эксперимент показал также, что в стимулах СГ, содержащих сонант [l], например, (*we loan* ‘мы занимаем’ vs *we’ll own* ‘мы будем владеть’, ведущая роль принадлежит не количественным, а качественным, формантным, модификациям сонанта, связанным с его аллофоническим варьированием – твердостью в словоконечной позиции и некоторой палатализированностью в словоначальной.

В экспериментальных исследованиях, в том числе выполненных ранее авторами настоящего доклада по обсуждаемой проблеме [4; 5; 6; 7], были выявлены различия между элементами сочетания СГ на внутрисловном (внутрислоговом) и межсловном стыках по длительности и интенсивности фазы взрыва согласного. Было показано, что, чем более длительным и интенсивным является взрыв словоконечного согласного, тем выше вероятность перцептивного смещения этого звука со словоначальным, и, соответственно, чем менее интенсивен взрыв словоначального согласного, тем выше вероятность его смещения со словоконечным и, значит, недифференциации внутрисловного и межсловного соединения СГ [6].

В ходе одного из этапов исследований авторами было установлено, что перцептивная дифференциация словоначальных и словоконечных аллофонов согласных, фонетически реализованных идентичным субаллофоном (например, сильно/средне аспирированным глухим смычным), может быть объяснена модификациями длительности переходных участков по F2 на согласном и последующем гласном [7]. Была выявлена прямая корреляция между большей длительностью и насыщенностью по спектру переходного участка на согласном и вероятностью его восприятия как внутрислогового (словоначального), и наоборот: уменьшение длительности (вплоть до полного отсутствия) этого участка, повышает вероятность идентификации согласного как словоконечного (рис. 1).

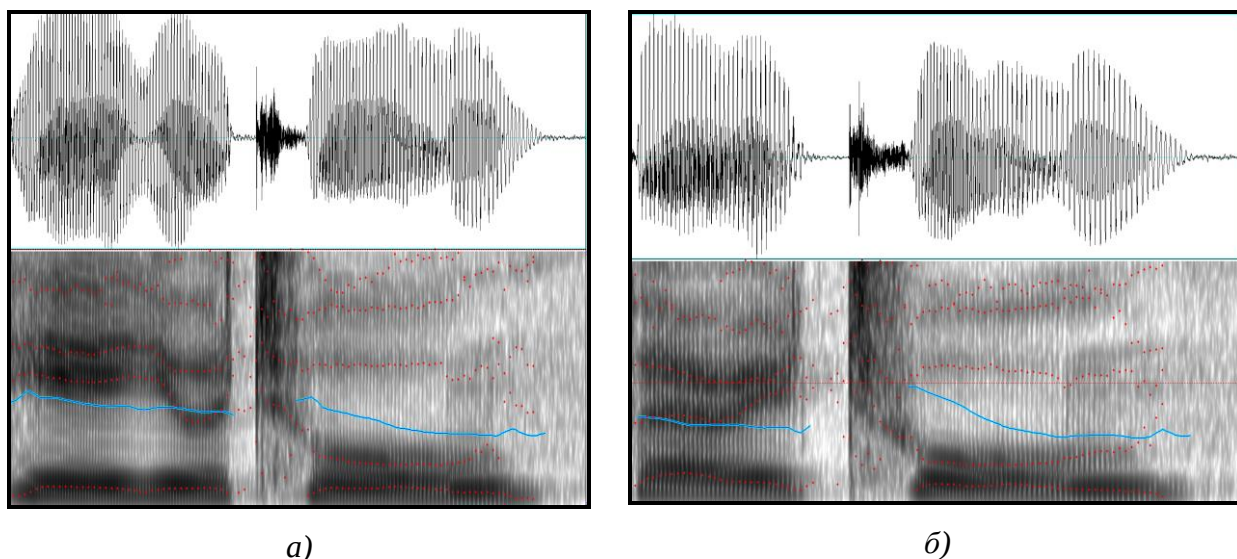

Рис. 1. Модификации длительности переходных участков по F2 на согласном и последующем гласном а) в сочетании С_Г во фразе <...> *hear you at all* и б) в сочетании СГ во фразе <...> *very tall*.

Было установлено также, что маркером различий в анализируемых соединениях служит и начальная частота формантного перехода (по F2) на гласном: на внутрисловном стыке она оказывается более высокой (например, 1687 Гц перед гласным [ɪ]), чем в аналогичной позиции на межсловном стыке (1600 Гц). Конечный уровень перехода на гласном ниже в сочетаниях СГ (949 Гц), по сравнению с сочетаниями С_Г (1139 Гц).

Наряду с качественно-количественными модификациями смежных сегментных единиц, способствующими распознаванию морфологического типа стыка СГ, обращает на себя внимание вовлеченность в создание специфики структуры соединения и некоторых фразово-просодических признаков, в частности, конфигурации изменения ч.о.т. на акцентной единице, точнее, на ударном слоге акцентной единицы. Падение ч.о.т. на гласном демонстрирует варьирование в степени гладкости и однонаправленности нисходящей линии ч.о.т., которая в достаточно большом числе случаев коррелирует с большей/меньшей степенью дискретности/непрерывности звуковой последовательности. Иными словами, конфигурация падения ч.о.т. может служить одним из ключей к распознаванию морфологического типа соединения СГ.

Отмеченные особенности изменения ч.о.т. находят правомерное объяснение в специфике формирования слога как сегментной интегративной единицы и одновременно минимальной просодической единицы, в создании целостности которой важную роль играет просодия. Данная единица в этом отношении характеризуется синхронизацией всех акустических параметров признаков, составляющих её просодическую структуру, а именно: ч.о.т, интенсивность, длительность, форматная структура гласного слогаосителя [8, с. 181]. Полную временную совмещенность мы обнаруживаем только на внутрисловном стыке СГ. На межсловном стыке наблюдаются

нарушения единой направленности высотного изменения, в частности, имеют место сигналы запаздывания начала нисходящего движения ч.о.т., поскольку согласный, предшествующий справа в соединении ГСГ (а именно это соединение фонем характеризует межсловный стык) в действительности не примыкает к нему в полном смысле этого понятия, а относится к предшествующему слогу. Иными словами, конечный согласный предшествующего слова не входит в планирование последующего элемента акцентной единицы (рис. 2).

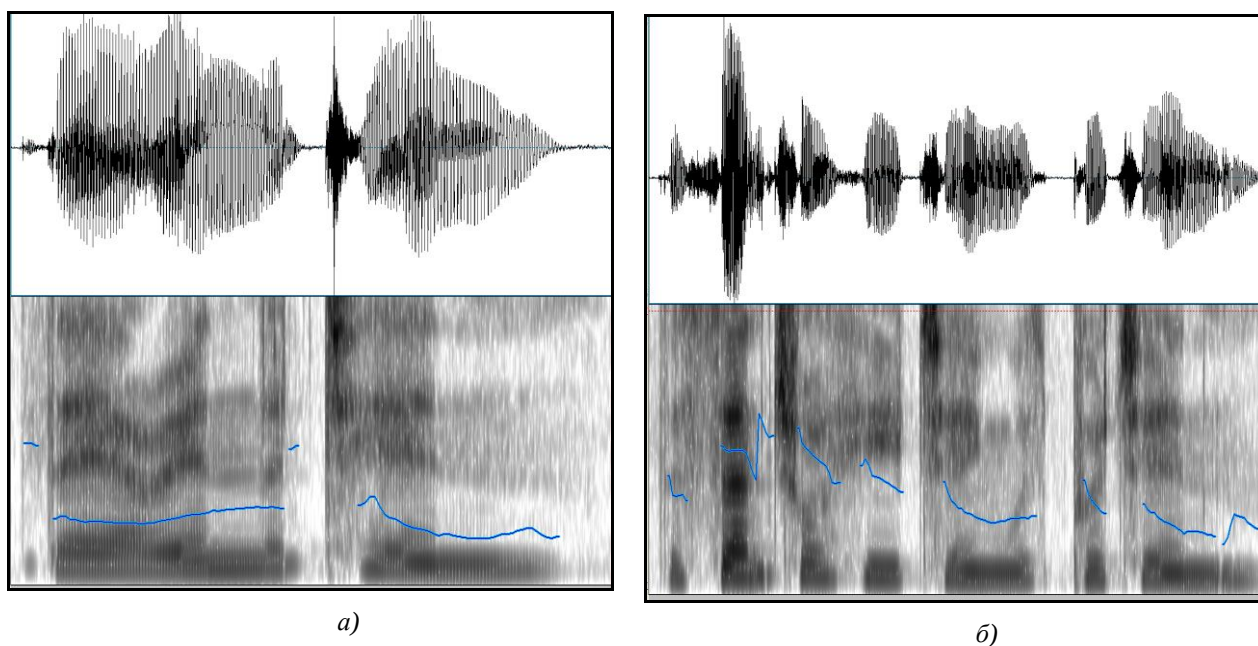

Рис. 2. Модификации акустических параметровых признаков, составляющих просодическую структуру а) сочетания С_Г и СГ во фразе *They are in the tin*. б) сочетания СГ во фразе *The central heating was put in*.

Обобщение результатов исследования показывает, что можно считать доказанным наличие индивидуального (свободного) варьирования в фонетической реализации соединения СГ на внешнем межсловном стыке – тесного или свободного, в зависимости от сложившихся у говорящего речевых стратегий и привычек. В теоретическом плане важно подчеркнуть, что на межсловном стыке ожидаемая, когнитивно-предсказуемая дискретность может не подтверждаться фонетически, и, наоборот, акустическая ‘разорванность’ может не мешать перцептивной непрерывности, и в этом и состоит главное принципиальное отличие межсловного стыка от внутрисловного (внутрислогового), не обладающего подобной вариативностью.

Интерес вызывает несовпадение акустических показателей с перцептивной идентификацией типа соединения, наблюдаемое в случаях, когда при акустической непрерывности речевого сигнала воспринималась реальная, соответствующая действительности, межсловная, а не внутрисловная связь. Аналогичное явление, как известно, типично для безпаузального синтагматического стыка, но его отождествление обеспечивается предстыковой временной ‘растяжкой’ и модификациями ч.о.т. – высотно-мелодическим

завершением интонационной группы. Можно предположить, что в рассматриваемом случае внешнего сегментного стыка при отсутствии разрыва речевой цепи ключом к распознаванию становится отмеченная выше особенность конфигурации изменения ч.о.т. на ударном слоге последующего акцентированного слова.

Существенным для раскрытия исследуемой проблемы оказывается не только признание возможности такой фонетической реализации сегментных единиц в идентичных условиях стыка, когда фонетическая форма противоречит морфологической структуре сочетания. Важно признать, что акустическая структура соединения, несмотря на непрерывность, тем не менее, содержит определенные физические сигналы, обеспечивающие достаточно высокую вероятность правильного, и при этом неслучайного, распознавания морфологической дискретности фонемной последовательности вне контекста. Особого внимания в рассматриваемом плане заслуживает взаимодействие фонетических средств дискретности и непрерывности в пределах минимальных по самостоятельности смысловых блоках – акцентных единицах, т.е. в реализации внутриакцентного межсловного стыка типа *at all* ‘вовсе’, *at ease* ‘непринужденно’ и др.

Как подчеркивалось выше, экспериментальные данные доказывают существование разных способов передачи внутриакцентной межсловной связи. Один из них, “лингвистически правильный”, идентифицируемый как реальный межсловный разрыв, предполагает осознанное фокусирование внимания со стороны говорящего на межсловности морфологической структуры соединения СГ и маркировании ее соответствующими сегментными и просодическими средствами. При втором способе реализации соединения превалирует установка на сбалансированность обеих сторон двуединого явления стыка: разъединении и связи. С одной стороны, между компонентами стыка может иметь место физический разрыв, но он, как уже отмечалось, не ассоциируется с межсловной паузой, даже минимальной. С другой стороны, наблюдаемое сокращение длительности словоконечного согласного, особенно на фазе взрыва, с достоверностью отличается от показателей межакцентного членения. Это наиболее полный (сильный) репрезентант внутриакцентного межсловного соединения СГ, где фонетически тесная связь смежных слов, обусловленная зависимостью служебного слова от знаменательного, направлена на создание фонетического слова, целостность которого оказывается для успешной коммуникации важнее, чем разграничение его элементов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Nakatani, L. H. Locus of segmental cues for word juncture / L. N. Nakatani, K. D. Dukes // The J. of the Acoustical Soc. of America. – 1977. – Vol. 62, № 3. – P. 714-719.
2. Gimson, A. C. An introduction to the pronunciation of English / A. C. Gimson. – 3th ed. – London : Edward Arnold, 1980. – XVI, 352 p.

3. *Selkirk, E.* The syllable / *E. Selkirk* // The structure of phonological representation : in 2 pt. / ed.: H. van der Hulst, N. Smith. – Dordrecht, 1982. – Pt. 2. – P. 337–383.
4. *Карневская, Е. Б.* Взаимодействие объективных и субъективных факторов в аллофонии сегментных единиц / *Е. Б. Карневская, Е. Д. Долматова* // Язык и дискурс в статике и динамике : тезисы докл. Междунар. науч. конф., Минск, 14–15 ноября 2008 г. / редкол : З. А. Харитончик (отв. ред.), А. М. Горлатов [и др.] – Минск : МГЛУ, 2008. – С. 96–97.
5. *Karnevskaya, E.* The Role of Plosive Consonants in the Perception of Word Boundaries / *E. B. Karnevskaya, E. D. Dolmatova* // SPECOM 2009 : proceedings of 13th International Conference Speech and Computer, June 21–25, 2009. – S.-Petersburg : Anatolya Publishers. – P. 426–429.
6. *Долматова, Е. Д.* Модификации английских согласных в связной речи (экспериментально-фонетическое исследование на материале британского варианта современного английского языка) : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / *Е. Д. Долматова.* – Минск, 2014. – 206 л.
7. *Карневская, Е. Б.* Словоразграничительный потенциал аллофонического варьирования английских согласных в речи / *Е. Б. Карневская, Е. Д. Долматова* // Вариативность в языке и речи : тез. докл. междунар. науч. конф., Минск, 4–5 апр. 2019 г. / редкол. : Л. М. Лещева (отв. ред.) [и др.]. – Минск : МГЛУ, 2019. – С. 98–100.
8. *Xu, Y.* Speech prosody – theories, models and analysis / *Y. Xu* // Courses on Speech prosody / ed. : A. R. Meireles : Cambridge Scholars Publishing. – 2015. – P. 146–187.

Л. П. Морозова

г. Минск, МГЛУ

О СООТНОШЕНИИ СИНТАКСИЧЕСКОГО И ПРОСОДИЧЕСКОГО ЧЛЕНЕНИЯ ВО ФРАНЦУЗСКОЙ СПОНТАННОЙ РЕЧИ

Возобновление интереса к проблеме соотношения синтаксического и просодического членения связано с появлением работ по анализу устного дискурса. Как известно, для исследователей дискурса исходным положением является представление о его иерархической организации: каждый фрагмент дискурса состоит из совокупности более мелких сегментов, логически связанных между собой [9; 11].

Применительно к устному дискурсу это положение формулируется в виде ряда вопросов. Что представляют собой фрагменты дискурса и составляющие их элементы? Какова их просодическая организация? Возможно ли вычленение макро-единиц, подобных абзацам в письменной речи, и выявление в них некоторой структуры и средств ее выражения [1]?

Несмотря на то, что практически все исследователи просодии французского устного дискурса сходятся во мнении о невозможности безоговорочного использования предложения, в основе которого лежат отношения

синтаксического подчинения (*relation de type rectionnel*), в качестве базовой дискурсивной единицы, они считают необходимым обращение не только к просодии, но и к синтаксической стороне вопроса. Это, по их мнению, обусловлено тем, что теоретическое осмысление проблемы единиц дискурса предполагает четкое понимание их «двойственного статуса: как единиц языка (в виде синтаксических конструкций, наделенных определенным интонационным контуром) и как единиц дискурса (в виде контекстуализованных единиц информации или речевых актов)» (перевод наш – Л. М.) [5, с. 145], т.е. устный дискурс одновременно понимается как процесс (конструирование дискурса говорящим в реальном времени в более или менее интерактивной ситуации) и как продукт, требующий наличия завершенных структур, поддающихся интерпретации [11, с. 45].

Данное положение предопределяет логику анализа просодии устного дискурса современными французскими авторами [2; 3; 4; 7; 9; 10], суть которого заключается в поиске характера взаимоотношений между единицами синтаксического, дискурсивного и просодического членения. На нынешнем этапе исследователей в большей степени интересует не вопрос о степени конгруэнтности просодии и синтаксиса, а о том, каким образом просодия и синтаксис проясняют друг друга и взаимодействуют в формировании смысла высказывания в контексте [2].

Необходимо подчеркнуть, что теоретическое осмысление результатов исследований, проводимых французскими авторами на материале неподготовленной спонтанной речи, наталкивается на значительные трудности, вызванные большим разнообразием подходов к определению единиц синтаксического, просодического и дискурсивного членения.

Что касается синтаксической структуры, то всеми авторами единицей микро-синтаксического членения считается предложение, представленное глагольным ядром с его валентностями. Наряду с этим привлекается понятие макро-синтаксиса, поскольку признается, что даже самые крупные единицы микро-синтаксиса (глагол и его валентности) не обязательно соответствуют минимальным дискурсивным единицам [6; 8]. При толковании содержания минимальной макро-синтаксической единицы наблюдаются два основных подхода: 1) единица макро-синтаксиса не сводится к предикативной группе, состоящей из субъекта и предиката, а включает различные периферические составляющие и анафорические элементы, обеспечивающие его семантическую интеграцию в контекст и указывающие на определенный этап в развертывании дискурса [6, с. 60]; 2) единица макро-синтаксиса представляет собой иллокутивную единицу, участок дискурса, заключающий в себе иллокутивный акт, т.е. утверждение, вопрос, побуждение. Иллокутивная единица распадается на иллокутивные составляющие, одна из которых является носителем иллокутивной силы и способна к автономизации, т.е. может вычленяться и идентифицироваться как синтаксически и просодически оформленное высказывание без изменения смысла [2].

Анализ соотношения синтаксиса и просодии строится авторами в зависимости от того, какие единицы – микро- или макро-синтаксические – служат для него отправной точкой. Так, П. Мертенс на основании анализа характера синтаксических связей (*relations de type rectionnel*) между линейно выстраиваемыми единицами и видов синтаксических конструкций определяет интонацию предложения «по умолчанию», под которой понимает немаркированную интонацию, вытекающую из синтаксических отношений между элементами линейной цепи и ограничивающуюся их отражением. При этом речь не идет об обязательной, или «нормальной», просодической форме: немаркированная интонация служит объективной основой для выявления маркированных интонационных структур в естественной речи и установления семантического содержания наблюдаемых «отклонений» [9, с. 107].

Существует иной подход, согласно которому в зависимости от полноты синтаксической структуры осуществляется дифференциация микро-синтаксических единиц (*unités de rection*) и затем устанавливается их соотношение с просодическим членением. В частности, в неподготовленной спонтанной речи предлагается выделять несколько видов единиц (*unités de rection*), основанных на отношениях синтаксического подчинения: полные, полные «плюс», безглагольные, незавершенные, эллиптические. *Полной* единицей (URC) считается структура, завершенная в синтаксическом и семантическом отношениях, в которой присутствуют обязательные дополнения и начатые последовательности слов характеризуются полнотой:

je reviens sur cette <euh> ce problème qui est un problème <euh> voilà de d'être chez moi (URC).

Единица *полная «плюс»* (URC+) – вариант полной единицы, содержащий элементы, не находящиеся в отношениях подчинения с глаголом, но относящиеся к нему (дискурсивные маркеры, вставки и т.п.):

c'est une habitude <en tous cas> que j'aimerais changer (URC+)

В отличие от полной, ядром *безглагольной единицы* (URA) оказывается не глагол, а существительное, местоимение, прилагательное, наречие, междометие:

sur ce domaine oui (URA)

Незаконченной единицей (URI) считается такая, в которой не заполнена одна из обязательных валентностей или не завершена одна из синтагм:

faudrait je] URI [*c'est une habitude <en tous cas> que j'aimerais changer*] (URC+) [11].

Сопоставление синтаксического и просодического членения позволяет авторам предложить типологию базовых дискурсивных единиц, которая включает: 1) конгруэнтные БДЕ, в которых границы синтаксического и просодического членения совпадают; 2) синтаксически объединенные БДЕ, включающие одну синтаксическую единицу, расчлененную на несколько просодических единиц; 3) интонационно объединенные БДЕ, состоящие из нескольких синтаксических единиц, входящих в одну большую интонационную единицу; 4) регулятивные БДЕ, содержащие элементы, не находящиеся

в отношениях синтаксического подчинения, (например, обстоятельства, относящиеся ко всему предложению); 5) БДЕ, в которых синтаксические и интонационные единицы «наступают» друг на друга, при этом их границы не совпадают. Согласно авторам, виды БДЕ соответствуют разным дискурсивным тактикам и непосредственно связаны с прагматическим содержанием высказывания. Так, конгруэнтные БДЕ используются при прямой, нейтральной, подаче информации; интонационно объединенные БДЕ призваны создавать информационные (коммуникативные – Л.М.) макро-единицы; синтаксически объединенные БДЕ характеризуют эмфатический стиль, дидактический дискурс или являются результатом процесса планирования речи. Назначение регулятивных БДЕ – регулирование интеракции и мета-дискурсивная функция.

Исследования французских авторов продемонстрировали неправомерность прямолинейной постановки вопроса о конгруэнтности синтаксиса и просодии. Просодия выполняет «синтаксическую» функцию – функцию отражения синтаксической иерархии – и в условиях отсутствия факторов, связанных с субъектностью высказывания (выражение прагматических установок субъекта, обеспечение интеракции, интенционально обусловленной организации информации и др.), успешно справляется с этой функцией. В дискурсе, «речи, погруженной в жизнь», просодическая организация высказывания оказывается результатом воздействия множества факторов, соотношение которых определяется в том числе жанровой принадлежностью. Анализ взаимодействия синтаксиса и просодии, выявление характера «нарушений» их конгруэнтности и его семантико-прагматического эффекта представляется перспективным направлением исследования просодических характеристик типов и жанров дискурса.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Delais-Roussarie, E.* Quand frontières prosodiques et frontières syntaxiques se rencontrent / E. Delais-Roussarie, H. Yoo, B. Post // *Langue française*. – 2011. – № 170. – P. 29–44.
2. *Lacheret-Dujour, A.* Oui mais elle est où la coupure, là ? Quand syntaxe et prosodie s'entraident ou se complètent » / A. Lacheret-Dujour et al. // *Langue française*. – 2011. – № 170. – P. 61–79.
3. *Lacheret-Dujour, A.* Rhapsodie : un Treebank annoté pour l'étude de l'interface syntaxe-prosodie en français parlé / A. Lacheret et al. // *Actes du 4e Congrès Mondial de Linguistique Française*, Berlin, Jul 2014. – Berlin, 2014. – P.2675–2689.
4. *Lacheret-Dujour, A.* Modélisation de la structure prosodique du français parlé basée sur l'usage : l'expérience Rhapsodie / A. Lacheret-Dujour // *Langue française*. – 2016. – №191. – P. 67–82.
5. *Lefeuvre, F.* Unités syntaxiques et unités prosodiques : Bilan des recherches actuelles / F. Lefeuvre, E. Moline // *Langue française*. – 2011. – № 170. – P. 143–157.
6. *Le Goffic, P.* La phrase « revisitée » / P. Le Goffic // *Le français aujourd'hui*. – 2005. – № 148. P. 55–64.

7. *Martin, Ph.* La structure prosodique opère-t-elle avant ou après la syntaxe ? [Электронный ресурс] / Ph. Martin // TIPA. Travaux interdisciplinaires sur la parole et le langage. – 2013. – № 29. – Режим доступа : <http://journals.openedition.org/tipa/943>. – Дата доступа : 14.01.20.
8. *Martin, Ph.* Analyse macroprosodique et macrosyntaxique d'un exemple en français [Электронный ресурс] / Ph. Martin // Modèles linguistiques. – 2016. – № 74. – Режим доступа : URL : <http://journals.openedition.org/ml/2049>. – Дата доступа : 10.11.2019.
9. *Mertens, P.* Syntaxe, prosodie et structure informationnelle : une approche prédictive pour l'analyse de l'intonation dans le discours / P. Mertens // Travaux de linguistique. – 2008. – № 56. – P. 97–124.
10. *Mertens, P.* Prosodie, syntaxe et discours : autour d'une approche prédictive / P. Mertens // Interfaces Discours & Prosodie : Actes d'IDP 09. sous la direction de / edited by Hi-Yon YOO & Elisabeth Delais-Roussarie, Paris, 9-11 septembre 2009. – P. 19–32.
11. *Simon, A. C.* L'analyse en unités discursives de base : pourquoi et comment ? / A. C. Simon, L. Degand // Langue française. – 2011. – № 170. – P. 45–59.

О.В. Ниживинская

г. Минск, МГЛУ

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ КОНФИГУРАЦИОННЫХ МОДИФИКАЦИЙ Ч.О.Т. И АКТИВНОСТИ ЖЕСТА НА ЯДЕРНОЙ АКЦЕНТНОЙ ЕДИНИЦЕ (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОГО МЕДИАДИСКУРСА)

Предпосылкой исследования было наличие в рамках высотно-диапазональных разновидностей основных мелодических типов перцептивно значимого варьирования формы и конфигурации изменения ч.о.т., ассоциируемого с эмоционально-модальным аспектом, а именно, степенью экспрессивности высказывания.

Для обеспечения корректности исследования сравниваемые по конфигурации ч.о.т. контуры должны были совпадать по перцептивной идентификации высотной разновидности терминального тона, а также по внутренним сегментно-слоговым признакам акцентной единицы. Различие между сравниваемыми контурами сводилось, таким образом, только к степени экспрессивности фраз, в которых они были употреблены.

На рисунках 1-3 представлены контуры трех высотно-диапазональных разновидностей нисходящего терминального тона при разных степенях экспрессивности фразы. Во всех фразах анализируемые акцентные единицы содержали в своем составе все структурные элементы: предупредные слоги, ударный слог и заударные слоги. На рисунке 1, в частности, представлены реализации *высокого нисходящего тона* во фразах высокой и средней степени экспрессивности. Ввиду отсутствия случаев перцептивно зафиксирован-

ного высокого нисходящего тона во фразах низкой степени экспрессивности сравнение его реализаций оказалось возможным только во фразах высокой и средней степени экспрессивности.

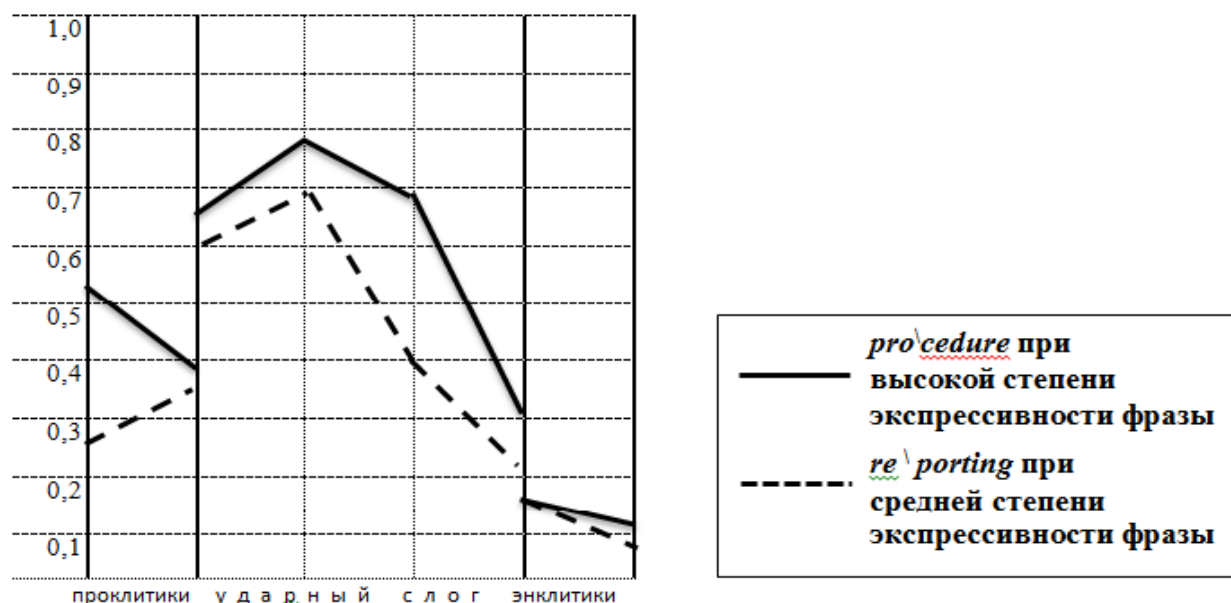

Рис. 1. Конфигурация и форма изменения ч.о.т. в реализации *высокой* разновидности нисходящего тона на ядерной акцентной единице при высокой и средней степени экспрессивности фразы

Как видно из рисунка 1, высокий нисходящий тон как при высокой, так и при средней степени экспрессивности характеризуется разнонаправленной (восходяще-нисходящей) конфигурацией, нисходящая часть которой демонстрирует неравномерную скорость падения ч.о.т. на ударном слоге и контраст между конечным уровнем ч.о.т. ударного слога и начальным уровнем заударных слогов. В то же время высокий нисходящий тон при высокой степени экспрессивности характеризуется более высоким начальным уровнем в пределах единой для данной высотной разновидности зоны в диапазоне ч.о.т. (0,7 н.е. и выше). Более того, выпуклая форма падения ч.о.т. при высокой степени экспрессивности отличается от выпукло-вогнутой реализации высокого нисходящего тона при средней степени экспрессивности большей шириной интервала изменения ч.о.т. на центральной части ударного слога с некоторым замедлением скорости падения ч.о.т. на последней части и большей крутизной падения. Достижение нижней точки падения ч.о.т. в обоих случаях осуществляется на энклитической части, и соединение этих двух элементов структуры ядерного тона происходит путем скачка, который оказывается более резким при высокой степени экспрессивности.

Для *средней высотно-диапазональной разновидности нисходящего тона* оказалось возможным сравнение реализации терминального нисходящего тона во фразах всех трех степеней экспрессивности (рис. 2).

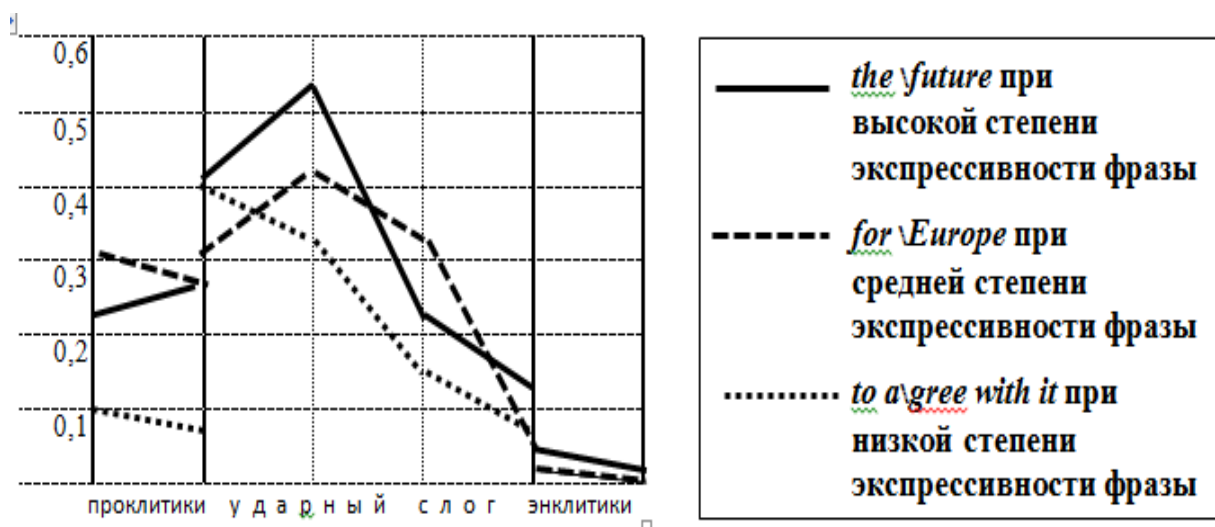

Рис. 2. Конфигурация и форма изменения ч.о.т. в реализации средней разновидности нисходящего тона на ядерной акцентной единице при разной степени экспрессивности фразы

Реализации средней разновидности нисходящего завершения, как и высокой, во фразах разных степеней экспрессивности выявляют различия, затрагивающие начальный уровень изменения ч.о.т. (который градуально понижается в пределах единой регистровой зоны ч.о.т с понижением степени экспрессивности). Модификации в сравниваемых реализациях состоят также в наличии участков с большей крутизной падения при высокой и средней степенях экспрессивности и более пологих участков падения ч.о.т. при низкой (рис. 2).

Сравнение реализации *низкого нисходящего тона* во фразах разных степеней экспрессивности представлено на рисунке 3.

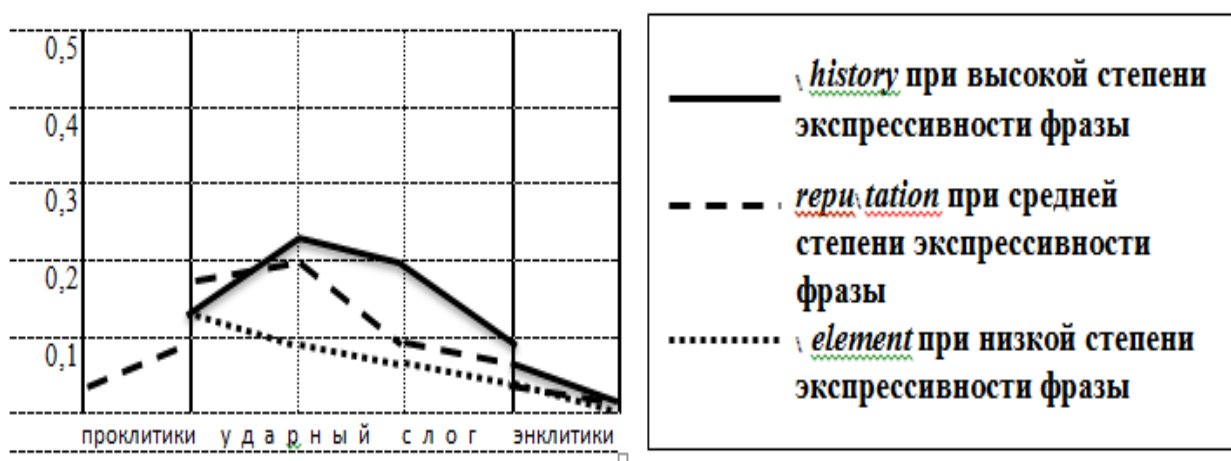

Рис. 3. Конфигурация и форма изменения ч.о.т. в реализации низкой разновидности нисходящего тона на ядерной акцентной единице при разной степени экспрессивности фразы

Контуры на рисунке 3 показывают, что при низком варианте нисходящего терминального тона во фразах всех сравниваемых степеней экспрессивности падение ч.о.т. реализуется в рамках низкого регистра диапазона высоты голоса, не превышая по начальному уровню 0,3 н.е. даже при высокой степени экспрессивности. Тем не менее, различия между степенями экспрессивности наблюдаются и в этой высотной разновидности: начальный уровень падения ч.о.т. при низкой степени экспрессивности имеет наименьшее количественное значение, не превышающее 1,5 н.е. Реализация низкого нисходящего тона при низкой степени экспрессивности, кроме того, отличается от средней и высокой степеней экспрессивности сужением интервала падения ч.о.т. в рамках низкого регистра ч.о.т. и формой нисходящего движения, которая может быть охарактеризована как пологая или слабо вогнутая. Реализации рассматриваемого мелодического типа при высокой и средней степени экспрессивности совпадают по ширине интервала и начальной точке падения, но различаются между собой конфигурацией движения ч.о.т., которая при высокой степени экспрессивности характеризуется разнонаправленностью, т.е. наличием восходящего участка, предшествующего нисходящему изменению ч.о.т. на ударном (ядерном) слого, в то время как при средней степени экспрессивности конфигурация движения ч.о.т., как правило, однонаправленная и имеет вогнутую форму с разными по скорости и, соответственно, по крутизне участками (рис. 3).

Таким образом, перцептивно идентичные высотно-диапазональные разновидности нисходящего терминального тона, зафиксированные в просодической разметке, могут иметь разную конфигурацию и разную форму нисходящего движения ч.о.т.: более плавную, более резкую или пологую, т.е. более или менее выразительную. Эти качественные модификации обладают потенциалом для передачи степени экспрессивности речи, и представленные выше контуры трех разновидностей нисходящего завершения во фразах трех степеней экспрессивности (рис. 1–3) подтверждают высказанное выше предположение.

Различные конфигурационные модификации на ядерной акцентной единице были далее соотнесены с жестовым сопровождением данного речевого отрезка, которое по результатам анализа присутствовало в 90 %–95 % случаев в речи испытуемых.

Были отобраны фразы разной степени экспрессивности, совпадающие по высотно-диапазональной разновидности терминального тона, и на этом материале было проанализировано участие жестовых параметров с точки зрения их интенсивности и насыщенности. При этом фразы должны были совпадать по оценке экспрессивности как невербального поведения говорящих, так и просодической структуры высказывания.

Тело		
Лицо, взгляд		
Голова		
Руки		
	а) ... <i>reality.</i>	б) ... <i>response.</i>

Рис. 4. Реализации жестовых параметров на ядерных акцентных единицах при среднем нисходящем тоне при а) *высокой* и б) *низкой степени экспрессивности фразы*

Из рисунка 4 видно, что жестовые фигуры, сопровождающие ядерные акцентные единицы при средней разновидности терминального завершения при высокой и низкой степени экспрессивности отличаются степенью интенсивности (высокая при высокой степени экспрессивности и малая при низкой степени экспрессивности), а также резкостью и крутизной движения руки (более крутое и резкое движение характеризует высокую степень экспрессивности, в то время как низкой степени экспрессивности присуще более плавное, спокойное движение руки вниз).

Таким образом, проведенный сопоставительный анализ для обоих компонентов речевого поведения (просодического и невербального) показал дифференциацию степеней экспрессивности и их тесную корреляцию между собой, что составляет сущность взаимодействия просодии и невербальных средств.

И. И. Панова

г. Минск, МГЛУ

ЛЕКСИКО-МОРФОЛОГИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ АКЦЕНТНОЙ ВАРИАНТНОСТИ АНГЛИЙСКИХ СЛОВ В НОРМЕ И РЕЧЕВОЙ РЕАЛИЗАЦИИ

Акцентная вариативность слова в языках с разноместным словесным ударением есть объективный факт существования системных языковых изменений в целом как в плане эволюции слоговыделенности, так и функционально-коммуникативного проявления различных форм разнослоговой проминантности слова в речи. Трудность установления универсальных закономерностей в хронологической динамике акцентных типов слов в английском языке обусловлена в известной степени отсутствием единых формализованных критериев их орфоэпической кодификации в произносительных слова-

рых, которые основаны либо на лингвистической интуиции профессиональных фонетистов [1], или же базируются в ряде случаев на данных анкетирования при установлении конкурирующих вариантов их произнесения [2].

Следует признать, что, начиная с XVIII века, получившее в английских словарях широкое распространение, графическое обозначение трех степеней перцептивно дифференцируемой акустической проминантности слогов, независимо от лингвистического подхода в представлении акцентных словоформ в последующих редакциях произносительного словаря Д. Джоунза [3], в определенной мере нарушило принцип орфоэпической абсолютизации образов полиакцентных слов.

В рамках данного исследования был проведен сравнительный анализ хронологической трансформации орфоэпической нормативности трех количественно наиболее распространенных в английском языке двухакцентных типов слов как равноценной $\perp \perp$, так и неравноценной выделенности слогов двух комбинаторных видов $\top \perp$ и $\perp \top$. Объектом сравнения были фиксируемые в каждой последующей редакции произносительного словаря варианты представления всех указанных акцентных типов 2000 словарных статей разной частеречной принадлежности лексем: производные существительные префиксального и суффиксального образования (*'disres'pect*, *'vivi'section*); сложносоставные существительные лексико-морфологической композиции – N + N, A + N, Ving + N, N + Ving (*'court-'martial*, *'good'will*, *'wind-'surfing*, *'zebra 'crossing*); отрицательные прилагательные префиксального образования (*'unfor'gettable*, *'incon'venient*); производные глаголы (*'disre'gard*, *'mis'pronounce*). Динамика их лексикографической закреплённости первого (предпочтительного) акцентного типа рассматривалась в направлении а) сокращения или увеличения количества ударных слогов; б) изменения степени выделенности слогов; в) сдвига первичного ударения в слове.

Усредненные количественные показатели случаев изменения акцентного типа всех классов лексем показали действие однонаправленной тенденции к устойчивой частотной закреплённости двухакцентной модели разной по степени выделенности слогов и увеличению их количества в каждой последующей редакции произносительного словаря. с одним первичным и одним вторичным ударениями. Предпочтительная рекуррентность (74% случаев) замены акцентного типа $\perp \perp$ на $\top \perp$ тип словесного ударения создает сильную зону системной стабильности в динамике акцентной вариантности всех рассматриваемых слов относительно их собственно частеречной принадлежности к тому или иному классу им подобных. При этом как неизбежное следствие эволюционного процесса имеет место разное количественное проявление акцентной трансформации во всей парадигме и их каждого класса при большой устойчивости всех типов английского словесного ударения в целом.

В общем объеме количественного сокращения случаев редукции первичных ударений в каждой последующей редакции словаря менее интенсивное их проявление имело место в глаголах типа *'mis'calculate*, *'un'screw*, *'over'estimate* и существительных, содержащих причастный отглагольный

компонент (*'boarding, school u ,pound/sterling*) в силу значимости составляющих их компонентов, которые в 73 % случаев сохраняют первичное ударение на первом и в 24 % случаев на втором компоненте.

Как известно, установление универсальных тенденций в речевой актуализации слоговыделенности с необходимостью предполагает учет влияния множества взаимодействующих факторов лексико-морфологической, синтагматической и акцентно-ритмической организации высказываний, функционирующих в идентичном эмотивно нейтральном речевом контексте независимо от потенциальных модально-прагматических коннотаций и вариативности межиндивидуального характера.

В процессе речепроизводства и декодирования высказывания, как известно, определяющей дискретной единицей является акцентно-ритмическая субструктура слова как самостоятельный языковой знак. Интегрирующая корреляция слоговыделенности в слове и фразовыделенности слова во фразе, актуализируя тема-рематическую нагрузку ее элементов, с одной стороны, обеспечивает разборчивость речи и выполняет смыслоразличительную функцию, присущую всему слову при сохранении синтагматического контраста слогов по степени их выделенности в слове и слов во фразе, с другой. Для сравнения степени сохранения орфоэпических стандартов слов в речевой реализации 400 частеречно разные лексемы были озвучены пятью носителями британского нормативного произношения в их изолированном предъявлении, а также в их начальной, срединной и финальной локализации в ритмически трехакцентных фразах. Общая выборка словоформ составляла 1600 единиц (400 однословных и 1200 трансформированных трехакцентных фраз). Например, *Manufacture means to produce. These factories **manufacture** soap. This soap is hard to **manufacture**.* Акцентно-ритмическая представленность слова с минимальной долей индивидуального расхождения в показателях регистрировалась опытными аудиторами-фонетистами как одно- или двухакцентный тип слова с равной или разной степенью интенсификации слогов в его составе.

Воспринимаемые акцентные структуры слов аудиторы-фонетисты соотносили с одним из разграничиваемых во всем объеме их знаний разных по степени выделенности слогов одно или двухакцентным прототипом слов как в изолированном произнесении, так и в просодической структуре фразы и выборочной идентификации, вычлененных из их позиционно разной актуализации во фразе. В каждом случае свобода идентифицируемых аудиторами вариантов основана на когнитивной оценке подобия одноударному или двухударному стереотипу слов с равной или разной степенью выделенности.

В таблице ниже представлены в процентном выражении относительно совокупного количества реализаций каждого лексико-морфологического класса в их однословно фразовом (изолированном) произнесении и позиционно разной локализации идентичных слов во фразе (И – изолированно, Н – начало, С – середина, К – конец). Число усредненных величин как симпатоматически значимых совпадений с их орфоэпически нормативными типами

в 17-ом издании произносительного словаря Д. Джоунза носят достаточно устойчивый прогнозирующий характер в плане их вариантной закономерности (табл.).

Совпадение акцентных типов с орфоэпическим стереотипом, (%)

Лексико-морфологический класс	Акцентный тип											
	┐ ┐				┐ ┐				┐ ┐			
	И	Н	С	К	И	Н	С	К	И	Н	С	К
Существительное	40	58	10	20	40	30	20	30	76	18	27	64
Прилагательное	30	40	10	0	50	0	0	20	0	10	10	70
Глагол	62	74	18	56	90	66	82	41	89	20	60	90
Среднее	44	57	13	25	60	33	34	30	55	16	32	75

Количественные показатели перцептивной идентификации всех 1600 слов приводят к признанию однотипной зависимости дистрибуции, количества и степени слоговыделенности от акцентно-ритмической организации фразы, а именно: сохранение их самого раннего двухакцентного типа с двумя первичными ударениями в 44 % в изолированных словах и 57 % случаев при их фразоначальной локации всех акцентных типов слов. Вариативность слоговыделенности частеречно разных слов во всей выборке их реализаций варьирует в диапазоне от 0 до 90 % случаев.

Наибольшая количественная императивность позиционной вариантности характерна для произнесения сложных существительных с двумя первичными ударениями в фразоначальной позиции и их одноударности в финальной ритмогруппе (Ср.: *A 'green'fly lives on a plant. vs The insect is called a 'greenfly.'*)

Наиболее продуктивной моделью реализации негативных прилагательных префиксального образования является: а) устойчивое позиционное сокращение количества ударений в середине фразы; б) сдвиг первичного ударения в финальной позиции; в) равносильная выделенность двух слогов в начале фразы. (Ср.: *'Impo'lite means rude. vs Being impolite is unacceptable. vs His words sounded 'impolite.'*)

Следует также учитывать, что количественная стабильность восприятия двухакцентной равновыделенности слогов в начальной фразовой позиции существительных и прилагательных и их одноакцентных вариантов в финальной ритмогруппе является результатом взаимодействия акцентного и высотно-мелодического структурирования начальной ритмогруппы с высоким ровным тоном и усилением одного слога в слове в зоне его тонального завершения ядерным кинетическим тоном, акцентная вариантность которых также обусловлена относительной автономностью элементов контура.

При действии указанной акцентной вариантности слов как элементов просодической структуры фразы менее вариативный спектр отклонения от их орфоэпической нормы имеют глаголы, изолированное воспроизведение которых не превышает 19 % и 26 % случаев во фразах всех акцентных типов. Ограничение сдвига первичного ударения и изменение степени выделенности слогов незначительно затрагивает перцептивную субстанцию их нормативного варианта, гипотетически в силу их рематической нагрузки как актуализаторов действия. Отсутствие значимого расслоения в частеречной модификации акцентных словоформ в срединной позиции свидетельствует о проявлении онтологической идентичности действия принципа релятивной изохронности следования ритмогрупп в сравниваемых эмотивно-нейтральных фразах.

Исходя из объективных данных проведенного сравнения позиционной вариантности английских полисиллабических слов как результата их интеграции в просодическую структуру фразы, следует признать лексикоморфологические границы диапазона допустимого сдвига, сокращения или увеличения количества ударных слогов и их акустического контраста в каждом отдельном парадигматическом типе акцентных структур. Речевая вариантность полисиллабических слов, следовательно, предполагает либерализацию требований к сохранению в речевой актуализации их нормативно-орфоэпических эталонов в силу действия множества их детерминирующих факторов.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Jones, D. Longman Pronouncing Dictionary (10th edition) / eds. J. C. Wells. – Longman, 1997. – 802 p.*
2. *Jones, D. Cambridge English Pronouncing Dictionary (18th edition) / eds. Peter Roach, James Hartman & Jane Setter. – Cambridge, 18th edition, 2011. – 694 p.*
3. *Jones, D. Everyman's English Pronouncing Dictionary / D. Jones. – Cambridge Univ. Press, 1958. – 538 p.*

В. В. Устинович

г. Минск, МГЛУ

РОЛЬ СИНТАКСИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЫ В ПРОСОДИЧЕСКОМ ВОПЛОЩЕНИИ ТЕМАТИЧЕСКОГО КОМПОНЕНТА ФРАНЦУЗСКОГО ВЫСКАЗЫВАНИЯ

Известно, что просодические характеристики высказывания формируются под влиянием целого ряда факторов, таких как акцентогенность/неакцентогенность слова и его метрические характеристики, синтаксическая структура, коммуникативная структура, модальность и др. [9]. В дискурсе к этим факторам добавляется необходимость обеспечения связности,

мены коммуникативных ролей, реализации прагматических функций, специфичных для определенного типа дискурса. В связи с этим встает вопрос о том, какой из факторов и в каких ситуациях оказывается определяющим. В современных исследованиях французской устной речи авторы дают на него достаточно противоречивые ответы, касающиеся, в первую очередь, соотношения синтаксической, коммуникативной и просодической структур.

Проблема соотношения просодии и синтаксиса по-прежнему находится в центре внимания исследователей, и большинство авторов анализируют просодическую структуру высказывания во взаимодействии и взаимообусловленности с его синтаксической структурой [1; 4; 5; 6]. Так, например, М. Росси исследует «законы взаимосвязи интонации и синтаксиса» [11, с. 9] и «характеристики синтаксической интонации» [11, с. 55]. Э. Деле-Руссари и др. также подчеркивают, что просодические синтагмы «выстраиваются на основе синтаксической информации» [3, с. 32]. Наряду с этим многие лингвисты считают первостепенной подчиненность просодической реализации высказывания его коммуникативной структуре (КС) [2] или дискурсивной функции того или иного речевого отрезка [10].

В настоящем исследовании ставилась задача выяснить, влияет ли и в какой мере синтаксическая структура КС высказывания, в частности тематического компонента, на ее просодические характеристики.

В качестве материала для анализа использовались утвердительные высказывания с прямым порядком слов (подлежащее → сказуемое), отобранные из спонтанной речи участников дебатов на французском радио и телевидении, в количестве 202. Все высказывания характеризовались двухкомпонентной нейтральной КС, в которой тематический компонент предшествует рематическому. Определение числа компонентов КС (основных и дополнительных) и установление их границ осуществлялось методами контекстного анализа и постановки вопроса. В исследованном материале тематический компонент представлен двумя видами синтаксических структур: 1) тема совпадает с подлежащим (*a, б, в*), 2) тема включает подлежащее и сказуемое (с зависимыми элементами) (*г, д*):

(a) (*Rachida Dati, qu'est-ce qu'elle fait ?*) Elle (T) compte les coups entre Anne Hidalgo et Agnès Buzyn (R) '(Что делает Рашида Дати?) Она (Т) считает столкновения между Анн Идальго и Аньес Бюзен (R)'

(б) (*Il peut y avoir parfois des reprises.*) Mais ces reprises (T) prennent des millions d'années (R) '(Иногда происходят фазы подъема.) Но эти фазы подъема (Т) растягиваются на миллионы лет (R)'

(в) (*Vous pensez qu'il y a une sorte de stratégie ? Par exemple Fogiel sort son livre au moment où il y a la discussion sur la PMA...*) – D'abord, le débat sur la PMA (T) est régulièrement repoussé (R) '(Вы не думаете, что это своего рода стратегия? Например, книга Фожьеля выходит в момент обсуждения ВРТ...) – Прежде всего, обсуждение ВРТ (Т) регулярно откладывается (R)'

В первом случае подлежащее может быть выражено местоимением (*a*), именем (*б*), именной группой (*в*). Во втором случае подлежащее представле-

но только местоимением (*z*) или именем (*o*), что можно объяснить законом наименьшего усилия, или языковой экономии [8; 7]: тема, как компонент, содержащий активированную информацию, стремится к краткости, и развернутое подлежащее в сочетании со сказуемым высокой степени активированности является нарушением данного закона.

(г) (*Que veulent les arnaqueurs ?*) *Ils veulent* (Т) *récupérer les numéros des passes Navigo* (R) '(Чего хотят мошенники?) Они хотят (Т) узнать номера проездных Navigo (R)'

(д) (*Notre pays n'a pas besoin de cette grève.*) *Notre pays a besoin* (Т) *de préparer l'avenir* (R) '(Нашей стране не нужна эта забастовка.) Нашей стране нужно (Т) подготовить будущее (R)'

Поскольку в исследованном материале не выявлено случаев включения сказуемого в состав темы с подлежащим, выраженным именной группой, просодические характеристики таких высказываний не анализировались.

В ходе семантико-прагматического анализа было установлено, что появление акустической паузы между темой и ремой связано не с потребностью обозначения границы между компонентами КС, а с прагматическими установками говорящего. В связи с этим для выявления роли синтаксиса в просодической реализации темы были отобраны высказывания, в которых тема не отделена паузой от рематической части и образует с ней единый тональный контур, характеризующийся восходяще-нисходящим изменением высоты голоса на участке, представленном первой и второй акцентной группами.

Анализ просодической реализации тематического компонента в высказываниях с *местоименным* подлежащим проводился по следующим признакам: а) тональный интервал между слогом местоимения и ударным слогом сказуемого (входящего, при различном составе темы, в тематический или рематический компонент), б) тональный интервал между ударным слогом сказуемого и следующим безударным слогом. Для высказываний с *именным* подлежащим определялись: а) тональный интервал между начальным и ударным слогами имени, б) тональный интервал между начальным слогом имени и ударным слогом глагола (именной части составного именного сказуемого), в) тональный интервал между ударными слогами имени и глагола, г) тональный интервал между ударным слогом сказуемого и следующим безударным слогом. Кроме того, во всех рассматриваемых случаях определялась локализация тонального пика в синтагме.

В высказываниях с местоименным подлежащим личное местоимение, в силу атонической природы, образует со следующим за ним сказуемым общую акцентную единицу, характеризующуюся восходящим направлением изменения высоты голоса независимо от того, входит ли сказуемое в тематический компонент, и мелодический пик приходится на ударный слог сказуемого. В то же время сопоставление перечисленных выше признаков позволило выявить ряд различий в значениях ч.о.т., в частности в величине тональных контрастов. Так, в высказываниях с темой-подлежащим наблюдается статистически достоверный контраст между слогом местоимения и ударным

слогом сказуемого, а также между ударным слогом сказуемого и следующим за ним безударным слогом, чему соответствует перцептивная рельефность тонального пика на ударном слоге сказуемого. Напротив, в высказываниях, в которых в тему входит сказуемое, происходит «сглаживание» пика, и перцептивное впечатление подтверждается отсутствием достоверных различий между значениями ч.о.т. рассматриваемых слогов.

В высказываниях с именным подлежащим, которые независимо от состава тематического компонента также характеризуются восходяще-нисходящим изменением высоты голоса на первых двух акцентных группах, восходящее движение приходится на подлежащее-имя и соответственно тональный пик – на ударный слог имени. Однако в высказываниях с темой-подлежащим тональные контрасты между начальным и ударным слогами имени, а также между ударным слогом имени и следующим за ним безударным значительно больше по сравнению с высказываниями с темой, включающей сказуемое. Кроме того, значимой оказывается разница в величине тонального контраста между ударным слогом сказуемого и следующим безударным слогом в разных типах КС, свидетельствующая о «сглаживании» восходяще-нисходящего движения в случае присоединения сказуемого к теме.

Таким образом, одноконтурные высказывания, в которых тема совпадает с синтаксическим подлежащим, и высказывания с темой, выраженной местоименным/именным подлежащим и сказуемым, просодически реализуются по-разному. Во втором случае происходит «сглаживание» восходяще-нисходящего движения и границы между компонентами ввиду отсутствия тонального пика на конечном слоге темы (сказуемом).

Проведенный анализ показывает, что синтаксический состав темы, наряду с другими факторами, оказывается значимым для просодической реализации темы французского высказывания. Просодическое воплощение тематического компонента КС коррелирует с прототипическим/непрототипическим характером его синтаксического состава. Отклонение от прототипического соотношения подлежащее/тема, сказуемое/рема находит отражение в мелодической структуре, которая в связной речи, наряду с контекстом, служит средством, указывающим на организацию информации в высказывании.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Avanzi, M.* L'interface prosodie/syntaxe en français. Dislocation, incises et asyndètes / M. Avanzi. – Peter Lang, 2008. – 349 p.
2. *Beyssade, C.* Prosodic marking of information focus in French / C. Beyssade, B. Hemforth, J.-M. Marandin, C. Portes // Actes de l'IDP (Paris, 9–11 septembre 2009). – 2009. – P. 109–122.
3. *Delais-Roussarie, E.* Quand frontières prosodiques et frontières syntaxiques se rencontrent / E. Delais-Roussarie et al. // Langue française. – 2011. – № 170. – P. 29–44.

4. *D'Imperio, M.* Interface entre structure syntaxique et structure prosodique: le syntagme intermédiaire en français / M. D'Imperio, A. Michelas // Actes de l'IDP (Paris, 9–11 septembre 2009). – P. 145–156.
5. *Feldhausen, I.* La structuration prosodique et les relations syntaxe / prosodie dans le discours politique / I. Feldhausen, E. Delais-Roussarie // Actes de la conférence conjointe JEP-TALN-RECITAL (Grenoble, 4–8 juin 2012). – 2012. – Vol. 1. – P. 9–16.
6. *Laenzlinger, C.* Le rôle de l'interface syntaxe-structure informationnelle dans la variation de l'ordre des constituants dans la phrase / C. Laenzlinger // Nouveaux Cahiers de Linguistique Française. – 2006. – № 27. – P. 51–87.
7. *Mahmoudian, M.* Linguistique fonctionnelle: origines, parcours et perspectives / M. Mahmoudian / Contextos – 2007–2008. – № 49–52. – P. 29–56.
8. *Martinet, A.* Eléments de linguistique générale / A. Martinet. – Armand Colin, 1980. – 221 p.
9. *Mertens, P.* Syntaxe, prosodie et structure informationnelle: une approche prédictive pour l'analyse de l'intonation dans le discours / P. Mertens // Travaux de linguistique. – 2008. – № 56. – P. 97–124.
10. *Morel, M.-A.* Grammaire de l'intonation. L'exemple du français oral / M.-A. Morel, L. Danon-Boileau. – Ophrys, 1998. – 231 p.
11. *Rossi, M.* L'intonation, le système du français: description et modélisation / M. Rossi. – Ophrys, 1999. – 237 p.

И. Н. Шпаковская

Минск, БГУ

ВНУТРИФРАЗОВЫЕ ЗНАКИ ПРЕПИНАНИЯ В СОЦИАЛЬНОЙ СЕТИ ИНСТАГРАМ

Интернет-коммуникация стала одним из наиболее распространенных видов общения в современном мире. С точки зрения интересующей нас проблемы нельзя не заметить, что в изучении Интернет-коммуникации значительное внимание уделяется особенностям графического оформления текстов и, в частности, особенностям использования пунктуации.

При этом среди авторов нет единого мнения об общих тенденциях пунктуирования онлайн-текстов. Так, с одной стороны, отмечается характерный для них минималистический подход к пунктуированию, указывается также на отсутствие какого-либо общего тренда, характерного для пунктуации в Интернет-коммуникации [1, с. 50]. Дэвид Кристал, с другой стороны, пишет о двух диаметрально противоположных подходах к пунктуации в британской онлайн-среде – минимализме и максимализме. В первом случае пунктуация игнорируется практически целиком: исчезают запятые, точки и заглавные буквы, что отражает стремление добиться краткости письменной речи, а при максималистическом подходе сообщение может быть перегружено знаками препинания [2, с. 328–329].

Ряд работ, посвященных пунктуированию сетевых текстов, рассматривает вопрос конкретно-языковой специфики использования пунктуационных

знаков как с точки зрения их частотности, так и в плане функциональной нагруженности. В исследовании А. Г. Аврамовой, посвященном графическим особенностям русскоязычной, франкоязычной и англоязычной чат-коммуникации, как и в работе Е. С. Стаценко (2010), на материале сравнения графических маркеров в английских и русских чатах, отмечается, что знаки препинания в чат-сообщениях в данных языках используются для придания высказыванию эмоциональной окраски, т.е. выполняют экспрессивную функцию [3, с. 28; 4, с. 132]. К выводу о приобретении многими знаками препинания нового семиотического и экспрессивного значения в процессе Интернет-общения приходит и М. Р. Нашхоева в исследовании текстов англоязычных блогов и форумов. По мнению автора, пунктуация чаще используется для выражения эмоций и отношения пишущего к высказываемому, т.е. берет на себя просодические функции, что способствует максимальному сближению с устной речью в онлайн общении [5, с. 5–6].

Отдельные авторы отмечают общий для сетевых текстов нерегламентированный характер пунктуации и выявляют отклонения от пунктуационной нормы, особенно в употреблении разделительных и выделительных знаков препинания [6; 7]. При этом выявленные отклонения от пунктуационной нормы оцениваются исследователями по-разному. По мнению Тарасовой, например, такая тенденция не может оцениваться как положительная, поскольку сетевые тексты зафиксированы на письме и, соответственно, должны подчиняться нормам кодифицированного литературного языка [6, с. 15]. Противоположное мнение высказывается в работе Е. В. Холодковской, посвященной использованию пунктуации в социальной сети Facebook. Признавая отход от пунктуационных норм в изучаемых текстах, автор подчеркивает, что он не приводит к коммуникативным неудачам субъектов Интернет-коммуникации [7, с. 101].

Вместе с тем, как показало сопоставительное исследование использования знаков препинания в социальной сети Твиттер, проведенное на материале английского, русского и белорусского языков [8], значительная часть участников процесса коммуникации через Твиттер рассматривает пунктуацию как неотъемлемый структурный признак сообщения, способствующий более однозначному и полному донесению мыслей и эмоций автора до других участников.

На сегодняшний день самой популярной интернет-платформой является Инстаграм – приложение для обмена фотографиями и видеозаписями с элементами социальной сети, позволяющее снимать фотографии и видео, а также распространять их через свой сервис и ряд других социальных сетей, причем часто с текстовым сопровождением.

Для установления конкретно-языковых особенностей употребления внутрифразовых знаков препинания в Инстаграм-сообщениях были проанализированы сообщения из Инстаграм-аккаунтов русскоязычных пользователей, которые дублировали все сообщения на английский язык. Общий объем выборки составил 2000 фраз (1000 фраз для каждого языка). Инстаграм-

аккаунты русскоязычных пользователей, которые ведут их на двух языках: русском и английском, представляют, на наш взгляд, особый интерес с точки зрения влияния системы родного языка на иностранный.

Анализ частотности знаков препинания в двух вариантах сообщения показал, что во внутрифразовой позиции они использовались в 46 % англоязычных сообщений Инстаграм, что превышает частотность пунктуации в англоязычных сообщениях Твиттера, где аналогичный показатель составил лишь 31 % [8, с.26]. На наш взгляд, это различие объясняется отсутствием в Инстаграм ограничений на количество печатных знаков (в отличие от Твиттера). Более того, данный показатель частотности сопоставим с другими типами электронных англоязычных текстов, полученными нами ранее на материале электронных писем и форумных сообщений, где он составил 51 % [9, с. 153] и 42 % [10, с. 162], соответственно. Таким образом, достаточно высокий процент предложений с внутренними знаками препинания в общей выборке свидетельствует о том, что утверждения о полном игнорировании пунктуации участниками Инстаграм-коммуникации являются необоснованными.

Межъязыковое сравнение показало, что, как и следовало ожидать, в Инстаграм-сообщениях на русском языке внутрифразовая пунктуация используется несколько чаще, чем в английском языке, а именно, в 61 % от общего количества предложений. Английские Инстаграм-сообщения также значительно уступают русским и по абсолютному числу внутрифразовых знаков препинания (786 знаков в англоязычных и 1080 знаков в русскоязычных Инстаграм-сообщениях, соответственно).

Заслуживают внимания и установленные различия в соотношении разных видов знаков препинания по частотности в сравниваемых языках (табл.).

Соотношение видов внутрифразовых знаков препинания по частотности в Инстаграм-сообщениях, (%)

Инстаграм	,	–	:	„	—	( )	;
английский	73	11	10	2	0	4	0
русский	67	14	10	5	0	4	0

Как видно из таблицы, общим для обеих выборок является отсутствие знака препинания «точка с запятой» и «двойных тире», одинаковые показатели употребления двоеточия и скобок, а также превалирование запятой, хотя в последнем случае нельзя не заметить конкретно-языковой специфики: двойные запятые используются чаще в русском языке, чем в английском. Можно отметить также более частое употребление одинарного тире в русскоязычных сообщениях.

Анализ с точки зрения нормативности использования знаков препинания позволил выявить несколько тенденций. С одной стороны, отдельные авторы

Инстаграм-сообщений упрощали английский текст, практически не используя сложно-синтаксические конструкции и, соответственно, англоязычные тексты практически не требовали внутрифразовых знаков препинания. С другой стороны, у части пользователей имел место перенос правил пунктуирования родного языка (русского) на английский, и они полностью дублировали внутрифразовые знаки препинания оригинального высказывания в его англоязычной версии, в том числе в случаях, когда это являлось отклонением от пунктуационной нормы английского языка. В качестве примера можно назвать использование тире между подлежащим и сказуемым, что является нормой в рамках русской пунктуации, но явным нарушением с точки зрения пунктуации английского языка, где нет пропуска глагола-связки: *Norway – is a best place to go for real ski and snow lovers. Норвегия – лучшее место для настоящих любителей снега и лыж.* <https://www.instagram.com/dadofun/?hl=ru>.

Нельзя не отметить, что в значительном числе случаев практически полное совпадение пунктуационных знаков в обоих языках оставалось в рамках правил: *Такого микса из танцоров (балет, хип хоп и пр.), музыкального сопровождения (оркестр, хор, барабаны, гитаристы...), световых и динамичных декораций я ещё не видела.*

I have not seen such a mix of dancers (ballet, hip hop, etc.), musical accompaniment (orchestra, choir, drums, guitarists...), light and dynamic sets. https://www.instagram.com/liza_tuktik/?hl=ru.

Пунктуационные ошибки в употреблении русской пунктуации не были частотными (15 % от общего количества предложений) и были в основном связаны с употреблением парных запятых, в частности, при выделении вводных конструкций, деепричастных и причастных оборотов. Другими словами, игнорировались знаки препинания, эксплицирующие семантико-синтаксические связи между частями предложения.

В целом, проведенный анализ позволяет заключить, что в Инстаграм-сообщениях, как и в других видах Интернет-коммуникации, наблюдается тенденция к коммуникативно-функциональному употреблению знаков препинания: для разграничения фразы на смысловые части (синтагмы), т.е. пользователи рассматривали пунктуацию как отражение интонации. Данная пунктуационно-просодическая корреляция еще ярче прослеживается в употреблении межфразовых знаков препинания в Инстаграм. Имеется ввиду, например, широкое использование, в частности, многоточия для отражения длительного разрыва и, следовательно, большей автономизации смежных предложений как между предложениями, так и внутри высказывания.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Greiffenstern, S. The influence of computers, the internet and computer-mediated communication on everyday English / S. Greiffenstern. – Berlin : Humboldt University of Berlin, 2010. – 313 p.*

2. *Crystal, D.* Making a Point: The pernickety story of English punctuation / D. Crystal. – London : Profile Books, 2015. – 378 p.
3. *Аврамова, А. Г.* Лингвистические особенности электронного общения: на материале французского, английского и русского языков : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.20 / А. Г. Аврамова. – М., 2005. – 227 л.
4. *Стаценко, Е. С.* Графические особенности английской и русской чат-коммуникации : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.20 / Е. С. Стаценко. – Пятигорск, 2010. – 209 л.
5. *Нашхоева, М. Р.* Особенности пунктуации в сетевых текстах форумов и блогов: на материале английского языка : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / М. Р. Нашхоева. – М., 2012. – 29 с.
6. *Тарасова, А. Н.* Особенности пунктуации и графики сетевых текстов (на материале татарского, русского и английского языков) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.02 / А. Н. Тарасова. – Казань, 2015. – 27 с.
7. *Холодковская, Е. В.* Пунктуация как средство реализации просодии при общении в социальной сети Facebook / Е. В. Холодковская // Вестн. Волгогр. гос. ун-та. Сер. 2, Языкозн. – 2014. – № 5 (24). – С. 110–106.
8. *Карневская, Е. Б.* Внутрифразовые знаки препинания при общении в социальной сети Твиттер / Е. Б. Карневская, И. Н. Шпаковская // Вестн. МГЛУ. Серия 1. Филология. – 2018. – № 5 (96). – С. 23–30.
9. *Шпаковская, И. Н.* Дистрибутивные и функциональные характеристики английской пунктуации / И. Н. Шпаковская // Теория и практика преподавания иностранных языков в неязыковом вузе : сб. науч. ст. / редкол. : Л. В. Хведченя [и др.]. – Минск : БГУ, 2009. – Вып. 1. – С. 152–157.
10. *Шпаковская, И. Н.* Особенности использования графических средств в некодифицированных текстах / И. Н. Шпаковская, Н. В. Лихачёва // Актуальные вопросы германской филологии и методики преподавания иностранных языков : сб. материалов XVIII Респ. науч.-практ. конф., Брест, 28 февр. 2014 г. : в 2 ч / Брест. гос. ун-т. им. А. С. Пушкина ; редкол.: В. Ф. Сатинова [и др.]. – Брест : БрГУ, 2014. – Ч. 1. – С. 160–163.

ЛИНГВОПРАГМАТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ РЕЧЕВОЙ ПРОСОДИИ

О. А. Вольфовская
г. Киев, КНЛУ

РЕАЛИЗАЦИЯ РИТОРИЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА ПОЛИТИЧЕСКОЙ РЕЧИ НА ПРОСОДИЧЕСКОМ УРОВНЕ

Политическая власть в значительной степени осуществляется посредством языка, поскольку в современном мире невозможно отделить политические взгляды от их языкового воплощения [1, с. 50–51; 3, с. 195]. Язык стал одним из действенных средств борьбы за власть. Не следует забывать также о том, что слушая ораторское выступление, публика прежде всего обращает внимание на внешние факторы, а именно поведение оратора, его мимику, жесты, внешний вид и, конечно же, речь. Успех политического выступления во многом зависит от умения политика правильно подать информацию, используя логические акценты, паузы, варьируя мелодику, изменяя тембр голоса и особым способом ритмизируя своё выступление.

Просодии отводится особая роль в формировании выразительности публичного выступления и влиянии на аудиторию. Исследования, посвященные просодической организации устной речи, свидетельствуют о том, что просодия непосредственно связана со смыслом и степенью эмоциональности высказывания [2, с. 416; 4]. Просодические изменения, активизируя внимание слушателей, способны не только передать замысел автора, но и навязать реципиенту соответствующее видение ситуации, склонить его на сторону оратора. Поэтому просодическое оформление выступления политиков считается одним из аспектов риторического мастерства, анализ которого позволяет объяснить причины убедительности выступления того или иного политического деятеля.

Задача нашего исследования состояла в установлении и описании тех просодических параметров, которые способны оказывать определенное влияние на слушателей политической речи. Специфика просодической организации публичных выступлений немецких политиков изучалась с применением экспериментально-фонетических методов, в частности информантного, слухового и электроакустического анализа.

Перцептивные характеристики политических выступлений изучались путем сравнения ритмико-интонационного оформления речей, произнесенных политическими деятелями Германии и тех же текстов, начитанных дикторами-носителями немецкого языка. Аудиторы-информанты – носители немецкого языка без специального филологического образования – оценили тексты, вошедшие в корпус экспериментального материала, с позиций личного впечатления от способа презентации речи. Полученные данные позволили выделить фрагменты выступлений, в которых лучше всего проявляется риторическое мастерство выступающих.

Аудиторы-фонетисты, прослушав оригинальные и озвученные дикторами фрагменты речей, осуществили сегментацию речевого потока, обозначили направление движения тона в ритмических группах, синтагма, фразы, поставили паузы с указанием их продолжительности. Результаты этого этапа слухового анализа создали предпосылки для выявления специфики просодической организации публичного выступления и определения параметров, оказывающих наибольшее влияние на слушателей. Так, было установлено, что политическая речь, для которой характерно дробное членение устного текста, оформление ритмоединиц преимущественно восходящим мелодическим контуром с частой сменой направления движения тона, наличие более длительных пауз, нормальный, несколько замедленный темп, воспринимается слушателями как уверенная, спокойная, понятная, выразительная речь, которая вызывает у слушателей положительное впечатление от выступления политика. В то время как фрагменты тех же речей, прочитанные дикторами, отличаются значительно более бедным интонационным оформлением, а потому характеризуются аудитором как монотонные, невыразительные, небедительные.

Слуховой анализ политических речей наивными носителями языка подтвердил предположение о важной роли интонации для оказания влияния на слушателя. Аудитивный анализ позволил выявить и описать те просодические параметры, благодаря которым это влияние становится возможным.

Из общего корпуса исследуемого материала были отобраны наиболее яркие фрагменты речей политиков, а именно те, которые характеризовались всеми информантами как убедительные, действенные, выразительные, понятные и приятные для восприятия. Отобранные фрагменты составили корпус экспериментального материала, подлежащего акустическому анализу.

Слуховой анализ показал, что на восприятие публичной речи слушателями существенно влияют тональные и темпоральные изменения, отсутствие или наличие пауз, модуляции громкости, а также членение выступления на ритмоединицы различной продолжительности. Электроакустический анализ текстов политических речей позволил получить объективные данные о специфике просодической организации публичных выступлений немецких политических деятелей и сравнить полученные результаты с данными перцептивного анализа. Цель акустического анализа заключалась в установлении параметров частотной, временной и динамической составляющих просодии, наиболее значимых для реализации политической риторики.

В ходе исследования было установлено, что вариативность акустических параметров связана со смысловой значимостью того или иного фрагмента речи. Отклонение от инвариантных показателей не только позволяет оратору избегать монотонности, но и привлекает внимание слушателей к важной информации.

Полученные данные экспериментально-фонетического исследования речей немецких политиков позволяют сделать следующие выводы:

1. Устная реализация политической речи обусловлена рядом экстралингвальных факторов, в частности официальной обстановкой общения, численностью аудитории, интенцией говорящего на убеждение слушателей в важности изложенных в выступлении проблем и правильности предложенных путей их решения. Это находит свое отражение в интонационном строении публичного выступления. Реализациям просодических параметров в устной речи присущи признаки повторяемости и регулярности, за счет чего создается особый ритм выступления. Говорящий изменяет ритм высказывания, прежде всего, на информативно значимых фрагментах речи, чем привлекает внимание слушателей к важной по его мнению информации сообщения. Кроме того, вариативность ритма позволяет оратору избегать монотонности и придает выступлению черты непринужденной, естественной речи.

2. Политической речи, так же как фрагментам политических выступлений, прочитанным дикторами, свойственно членение текста на короткие ритмические группы продолжительностью от трех до шести слогов, реализованных в диапазоне изохронности (500–1000 мс), благодаря чему формируется определенный ритмический фон выступления. Однако, в отличие от прочитанных текстов, ритмика произнесенной оратором речи периодически нарушается за счет употребления очень коротких (одно-, двусложных) или более длительных (более 10 слогов) ритмогрупп. Именно наличие таких аритмичных фрагментов качественно отличает ораторское выступление как вид речевой деятельности.

3. Ударения в ораторском политическом выступлении повторяются через относительно равномерные периоды времени продолжительностью 400–1000 мс, делая ритм более стабильным. Ритмизация высказывания нарушается периодически вследствие существенного продления или сокращения временной продолжительности междударных интервалов, оживляя ораторское выступление. Установлено, что фрагменты речи с нерегулярным чередованием ударных слогов привлекают внимание слушателей, а потому содержащаяся в них информация лучше воспринимается слушателями.

4. Согласно результатам проведенного исследования, политики, выступая с публичными речами, в большинстве случаев выделяют ударением такие части речи, как существительное, глагол, прилагательное, наречие, поскольку именно выраженные этими частями речи понятия передают основной смысл сообщения. Однако, выступая перед аудиторией, политику необходимо не только сообщить информацию, но и заинтересовать слушателей своим вступлением, сконцентрировать их внимание на деталях, значимых для самого оратора. Поэтому периодически политики используют эмфатическое, нетипичное ударение, выделяя служебные слова – местоимения, модальные и вспомогательные глаголы, артикли. Например:

Ich sage vo'raus / dass 'diese / Zu'sammengehörigkeit / sich in den nächsten 'Jahren / noch 'sehr viel stärker / zeigen 'wird / vielleicht auch zeigen 'muss / – Ангела Меркель.

5. Тональное оформление публичного выступления политиков характеризуется функционированием преимущественно восходящего тона и частой сменой мелодического контура. Фрагменты речи, на которые оратор желает обратить особое внимание слушателей, произносятся в более широком тональном диапазоне с резким перепадом ЧОТ.

6. Паузация политической речи является тем просодическим параметром, который существенно отличает публичную речь от чтения текстов речей дикторами, поскольку паузация тесно связана с семантикой и прагматикой сообщения. Паузы во время публичного выступления более длительные и используются политиками с целью усиления информационно значимых фрагментов выступления. Частая паузация облегчает восприятие сказанного, поскольку с помощью перерыва в звучании говорящий выделяет те фрагменты, на которые слушателям стоит обратить внимание. Такое использование пауз способствует установлению контакта с публикой и положительно влияет на качество речи.

7. Темп речи политика непосредственно связан с семантикой и прагматикой сообщения и существенно влияет на восприятие речи слушателями. Согласно данным перцептивного эксперимента установлено, что слишком быстрая или слишком медленная речь докладчика не воспринимается публикой. Наиболее приемлемым для публичного выступления является нормальный темп (330 слогов в минуту), который несколько ускоряется на информационно менее важных участках речи (410 слогов в минуту) и существенно замедляется (до 170 слогов в минуту) при сообщении важной информации.

Проведенное исследование доказывает, что политическим речам присуща специфическая просодия, вариативность которой непосредственно связана с семантико-прагматической нагрузкой того или иного фрагмента речи. Так, фоновая информация сообщается докладчиком нейтрально, без резких изменений просодических параметров, создавая впечатление плавного, стабильного ритма. Содержательно важные фрагменты речи характеризуются высокой вариативностью просодических параметров, ломаным, стремительным ритмом, привлекающим внимание слушателей к важной с точки зрения оратора информации.

Исходя из вышеизложенного, можно утверждать, что просодия играет чрезвычайно важную роль в формировании выразительности политического выступления и может быть отнесена к ключевым аспектам риторического мастерства оратора.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дейк, ван Т. А. Дискурс и власть: Репрезентация доминирования в языке и коммуникации / Т. А. ван Дейк ; пер. с англ. – М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013. – 344 с.
2. Калита, А. А. Система фонетичних засобів актуалізації смислу висловлювання (експериментально-фонетичне дослідження англійського емоційного мовлення) : дис. ... доктора філол. наук. : 10.02.04 / А. А. Калита. – К., 2002. – 566 л.

3. *Нагорна, Л. П.* Політична мова і мовна політика: діапазон можливостей політичної лінгвістики / Л. П. Нагорна. – К. : Світогляд, 2005. – 315 с.
4. *Steriopolo, O.* Die Macht der Rhetorik im Gottesdienst / O. Steriopolo, T. Skrupniak // Записки з романо-германської філології. – Одеса : Фенікс, 2008. – Вип. 22. – С. 134–147.

Е. А. Кучугурная, Д.О. Корнега
г. Минск, МГЛУ

ПРОСОДИЧЕСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ИСПАНОЯЗЫЧНЫХ ТЕЛЕНОВОСТЕЙ

В современной лингвистике медиадискурс (дискурс СМИ) является объектом повышенного исследовательского внимания, в частности в связи с особым интересом к изучению языковых средств, обеспечивающих донесение информации до реципиента и оказывающих воздействие на него. В устных (звучащих) жанрах медиадискурса особая роль среди такого рода средств отводится просодическим характеристикам. Проведенные исследования на материале русского, английского, немецкого, французского языков убедительно продемонстрировали, что просодическое оформление дикторской речи обусловлено двумя основными функциями новостного дискурса: сообщения и воздействия. При этом, как представляется, просодические характеристики обладают не только жанровой, но и национально-культурной спецификой. В связи с этим мы обратились к анализу просодической организации испаноязычного теленовостного дискурса, который является одним из наименее изученных в данной области.

Материалом для исследования послужили фрагменты теленовостей длительностью до 3 минут на общественно-политическую тематику, отобранные из наиболее популярных новостных программ на испанском телевидении Telediario, Noticias 24 horas, Informe semanal, Diario 24. Всего было отобрано и проанализировано 25 фрагментов. Для проведения анализа была использована программа Speech Analyzer.

Как известно, просодия речи включает в себя ряд компонентов, а именно интонацию (мелодику), ударение, ритм, скорость (темп) речи, паузацию [8] и тембр [4]. Отметим, что в ряде исследований понятие интонации трактуется широко и выступает синонимом термина «просодия» [1; 7]. Однако в нашем исследовании, вслед за большинством испанских фонетистов (см., например, [5; 6]), мы понимаем интонацию в узком смысле, только как изменение тона голоса.

Основной интонационной единицей в испанской лингвистике принято считать *мелодическую группу* (*grupo fónico, unidad melódica* [6]), понимаемую как часть высказывания между двумя паузами (при этом наличие пауз не всегда признается обязательным критерием) с определенной интонацией и смыслом. В отечественной лингвистике широко используется термин *син-*

тагма [1; 3], обозначающий фонетическую структуру с определенными дифференциальными признаками, представляющую собой часть (сегмент) фразы [3, с. 133]. Вне зависимости от терминологии, в данной интонационной единице выделяются три отрезка: начальный (*inflexión inicial*), внутренний (*cuerpo del sintagma*) и конечный (*inflexión final*). При этом все типовые характеристики сосредоточены, главным образом, в конце мелодической группы, на последнем ударном слоге. В испанском языке выделяется ряд интонационных моделей, каждая из которых обладает множеством реализаций в зависимости от цели говорящего. Среди наиболее характерных интонационных особенностей испаноязычного теленовостного дискурса можно выделить следующие.

Довольно частым явлением в испаноязычных теленовостях является замена нисходящего тона голоса восходящим. Подобные повышения можно наблюдать, например, между частями сложносочиненного предложения с противительными союзами (обычно данная интонационная модель характеризуется понижением тона):

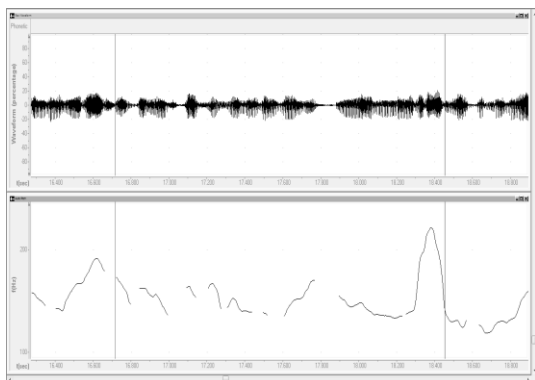
La Organización Mundial de Salud considera que la amenaza de pandemia es "muy real" ↑ pero dice que el virus podrá controlar (Telediario, 09.03.2020). Как правило, понижение тона голоса имеет место между не зависящими друг от друга мелодическими группами и указывает на завершенность высказывания. Наличие же тесной связи между синтагмами, незаконченность высказывания выражаются повышением тона. Следовательно, повышая тон голоса, диктор теленовостей демонстрирует тесную связь между частями высказывания, незавершенность сообщения, удерживая таким образом внимание аудитории.

Для испаноязычных новостей также довольно характерно повышение тона между членами перечисления (*enumeración intensificativa*):

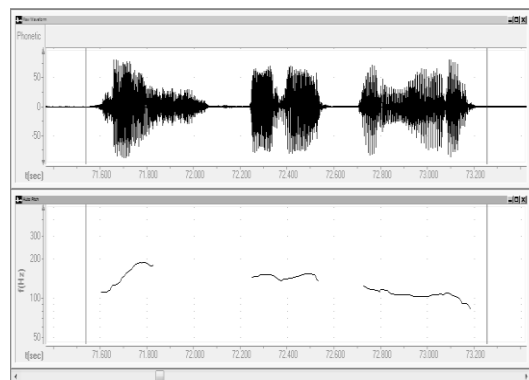
La Comunidad de Madrid presenta el mayor número de contagios ↑, 577, seguida de País Vasco con 149 ↑, 102 en La Rioja ↑ y 101 en Cataluña (Telediario, 09.03.2020).

Хотелось бы обратить внимание на особенности интонации в конце предложения. Как известно, характерным видовым признаком испанской повествовательной синтагмы является относительно ровная внутренняя мелодическая линия (от первого до последнего ударного слога). На последнем ударном слоге происходит резкое понижение тона голоса (*cadencia*), которое продолжается на последующих безударных слогах. В теленовостях же на последнем ударном слоге в конце предложения довольно часто наблюдается не понижение, а резкое повышение тона (рис. 1,а и 1,б).

Рисунок 1 наглядно демонстрирует различия в интонации двух предложений, которые заканчиваются одним и тем же словом *Madrid*. При этом если пример 1б соответствует типичной интонационной модели повествовательного предложения, то в примере 1а очевидно резкое повышение тона на последнем ударном слоге. Подобные повышения, на наш взгляд, обусловлены логической либо эмфатической выделенностью.

а) *Y es otra cifra que también ha aumentado en los últimos minutos: 30 fallecidos con coronavirus, últimos casos en Aragón y en Madrid.*

б) *Luis vive en Madrid.*

Рис. 1. Интонация мелодической группы в конце предложения
а) в теленовостном дискурсе и б) в нейтральной речи

Как известно, словесное ударение в испанском языке не связано с повышением тона голоса, наоборот, весьма распространенным явлением в повествовательном предложении является повышение тона не на ударном, а на постударном слоге. В отличие от словесного ударения, логическое и эмфатическое характеризуются повышением тона голоса.

Акцентуация, несомненно, является одним из важнейших просодических средств воздействия на адресата. «Говорящий сознательно выделяет самые значимые с позиции коммуникативной установки слова в сообщении, чтобы не только передать смысловое содержание более точно, но и повлиять на восприятие текста реципиентом» [2, с. 42]. Как уже было отмечено выше, слог, на который падает логическое или эмфатическое ударение, выделяется по высоте тона над остальными:

Ya conocemos más de mil ↑ doscientos casos de contagio en nuestro país (Telediario, 09.03.2020).

Довольно распространённым явлением в речи испанских дикторов является так называемое *риторическое ударение* – дополнительное ударение, возникающее либо на первом слоге как лексического (*fundamentales*), так и фонетического (*con coronavirus*) слова, либо за два слога от основного ударения (*fundamentales*). Помимо этого, специфической особенностью новостного теледискурса является акцентуация слов (союзов, простых предлогов, энклитик, безударных числительных и т.д.), которые в потоке речи обычно теряют ударение:

El fin de los contratos de temporada turística ha afectado a todas las Comunidades Autónomas, pero ↑ sobre todo a Cataluña, Andalucía, Comunidad Valenciana y a Baleares (Telediario, 04.09.2018); *La Comunidad de Madrid presenta el mayor número de contagios, quinientos setenta y siete...* (Telediario, 09.03.2020).

Специфика просодической организации испаноязычного теленовостного дискурса проявляется не только в интонации и акцентуации, но и в использовании пауз. Так, можно отметить отсутствие пауз, выделяющих вставные конструкции, обращения и т.п. Паузы в конце предложений очень краткие, иногда отсутствуют вовсе. И наоборот, часто встречаются паузы внутри ритмических групп между знаменательными и зависимыми от них служебными частями речи:

Agosto deja varios récords negativos en el empleo. (паузы нет) Hay 47.047 nuevos parados (Telediario, 04.09.2018); Estas son las últimas cifras, las más actualizadas (0,045 сек.). Ya conocemos más de 1.200 casos de contagio en (0,436 сек.) nuestro país (Telediario, 09.03.2020).

Анализ темпоральных характеристик показал, что средний темп в теленовостях существенно не отличается от среднего темпа испанской речи. При этом менее важные фрагменты новости (вводные и вставные конструкции, несущие дополнительную информацию, длинные названия учреждений, должностей и т.д.) произносятся значительно быстрее (около 20 звуков в секунду). Ключевые же фрагменты произносятся заметно медленнее, темп речи снижается практически в два раза (10–14 звуков в секунду). Таким образом, темп в новостях выполняет функцию противопоставления более и менее важной информации. Одновременно с замедлением темпа при сообщении наиболее важных сведений увеличивается количество пауз, долгота произнесения звуков, появляется дополнительная логическая и эмфатическая акцентуация.

В заключение хотелось бы подчеркнуть, что в данной работе были обозначены лишь некоторые общие тенденции в реализации просодических характеристик испаноязычного теленовостного дискурса. Разумеется, каждый из просодических компонентов требует дальнейшего детального изучения, в том числе с учетом таких факторов, как индивидуальные особенности речи диктора, специфика сообщаемой информации и т.п.

ЛИТЕРАТУРА

1. Баршак, М. А. Испанский язык: практическая фонетика : учебник / М. А. Баршак. – М. : Высш. шк., 1989. – 222 с.
2. Демина, М. А. Просодические средства воздействия в речи дикторов информационных программ / М. А. Демина // Вестн. Моск. гос. лингв. ун-та. – 2013. – Вып. 1 (661). – С. 41–50.
3. Карпов, Н. П. Фонетика испанского языка: теоретический курс : учеб. пособие / Н. П. Карпов. – М. : Высш. шк., 1969. – 232 с.
4. Моисеенко, С. И. Теоретическая фонетика испанского языка : курс лекций / С. И. Моисеенко. – 2-е изд. – Минск : МГЛУ, 2009. – 91 с.
5. Cantero Serena, F. J. Teoría y análisis de la entonación / F. J. Cantero Serena. – Barcelona : Edicions Univ. de Barcelona, 2002. – 234 p.
6. Navarro Tomás, T. Manual de entonación española / T. Navarro Tomás. – N.Y. : Hispanic Institute in the United States, 1944. – 306 p.

7. Quilis, A. Curso de fonética y fonología españolas para los estudiantes angloamericanos / A. Quilis, J. M. Fernández. – Madrid : Instituto Miguel de Cervantes, 1979. – 520 p.
8. Prosodia // Diccionario de términos clave de ELE [Recurso electrónico]. – Modo de acceso : https://cvc.cervantes.es/ensenanza/biblioteca_ele/diccio_ele/diccionario/prosodia.htm. – Fecha de acceso : 15.03.2020.

В. В. Лопатько, Л. И. Трибис
г. Минск, МГЛУ

МОДИФИКАЦИЯ ПРОСОДИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЫ ОЦЕНКИ ПОВЕДЕНИЯ СОБЕСЕДНИКА В УСТНОМ ДИАЛОГЕ

Исследование разнообразных речевых ситуаций диалогического дискурса, проводимых на материале различных языков, свидетельствуют о том, что высказывания оценочного характера относятся к разряду высокочастотных элементарных типов речевых актов и трактуются как своеобразный ход, актуализирующий сознательное и действенное отношение собеседников. Оценка поведения коммуникантов в конкретный момент времени означает, что оговариваемый его поступок был воспринят позитивно или негативно, а в процессе интеракции предполагает возможность одобрения или критики партнера, что может проявляться в самой разной форме [1, с. 73–77]. Если одобрение ведет к признанию компетентности успешного выполнения поставленной задачи и повышению авторитета собеседника, что активизирует его деятельность и повышает его самооценку, то критика предполагает нанесение морального или психологического ущерба адресату, понижение его социального статуса выражением недоверия и деструктивно влияет на его эмоциональное состояние.

Известно, что общекоммуникативный аспект содержания речевого общения включает в себя как средства лингвистические, так и экстралингвистические, подчеркивающие значимую роль прагматического аспекта в раскрытии семантики оценочных предикатов и системы средств субъективной модальности, поскольку проявление оценочного речевого акта определяется прагматической ситуацией, в которой он реализован [5, с. 164].

В процессе коммуникации вся информация пропускается сквозь призму ее аксиологического восприятия и предстает в качестве человеческой оценки, которая “отражает личное мнение и вкусы говорящего, отвечает мнениям и ощущениям, желаниям и потребностям, долгу и целенаправленной воле” [2, с. 32], а к словам и поступкам других мы более чувствительны нежели к тому, что говорим и делаем сами [3, с. 12]. Согласно данным американского психолога Дж. Скотта в диалогической речи более 50 % информации мы получаем от неречевого общения, которое сопровождает речевой контакт

(мимика, жесты), около 7 % составляет лексическое содержание сказанного и более 38 % информации дают нам модификации голоса, высоты тона, голосового тембра, длительности звуков, частоты пауз и темпа речи [4, с. 325–26].

Структурно-семантический анализ коммуникативно-оценочных высказываний в диалогических единствах, отобранных нами из 23 англоязычных художественных фильмов, выявил некоторые закономерности их оформления и использования разноуровневых языковых единиц. Ведущими признаками при определении реплик были коммуникативные целеустановки, функциональные свойства, модально-прагматическая нагрузка и наличие семы оценочности, отношения субъекта к действию партнера. Спектр речевых ситуаций с негативно-экспрессивным потенциалом (в пределах этикетной нормы и без инвективов) в оценке поведения собеседника оказался весьма разнообразным, из которого наиболее активными единицами в актуализации негативно оценочной семантики выступают просодические параметры тональных, динамических, темпоральных и тембральных характеристик, определяющих “речевой портрет” и просодическую структуру выделенных типов высказываний.

Наиболее ярким вариантом негативно-оценочной семантики отмечен речевой акт **угрозы**, как устное предупреждение о нежелательных последствиях для адресата в случае его неблагоприятного поступка или своего рода запугивание, посредством которого говорящий стремится изменить поведение собеседника, вызывая у него чувство страха за последующее наказание и полное подавление его желаний аналогичных действий в будущем. Такое высказывание имеет синтаксическую структуру сложного побудительного предложения с придаточным условия или следствия, что обуславливает его двусинтагменное построение. Эмоциональное состояние говорящего способствует некоторому сдвигу артикуляции гласных и значительную аспирацию глухих согласных, что придает “темную” окраску голосовому тембру. Зафиксировано появление шумовых элементов, увеличение длительности гласных и сонантов. В тональном контуре отмечено преобладание среднего (23 %) или высокого (38 %) нисходящего тона (в ряде случаев эмфатического) с предшествующей высокой ровной (18 %), постепенно восходящей (36 %) или нарушенной (21 %) шкалой, создающей значительную напряженность общения. Зафиксировано также наличие сложного тонального контура с нисходящим тоном в синтагме (11 %). Некоторое нарастание интенсивности произнесения реплики с замедленным темпом ее реализации свидетельствуют о высоком статусе и особой важности говорящего, придающего большую значимость речевой ситуации.

Father – From now on keep your goddamn hands off my daughter. Do you understand? If I ever see you round her again, I'll break every bone in your body.

Несправедливо причиненное огорчение и негативно оцененное действие собеседника вызывает у него чувство **обиды**, в устной реализации которого

преобладает ровный (18 %), низкий восходящий (32 %) или восходяще-нисходящий (28 %) тональный контур в сочетании с предъядерной постепенно нисходящей шкалой (58 %) в среднем диапазоне, но с высоко произнесенной предшкалой. Темп речи варьирует от замедленного до среднего при большом колебании интенсивности с весьма четкой артикуляцией звуков и значительной акцентной выделенностью значимых слов в синтагме.

M. – What is the matter with you?

K. – He started it. He ate my pizza on purpose. He knows I hate sausage and olives...

Аналогичную темпоральную картину вариативности от медленного (35 %) до среднего (22 %) уровня произнесения наблюдаем в речевом акте **сожаления**, отражающего состояние легкого неудовлетворения и печали, которые испытывает говорящий от того, что действие уже произошло и его нельзя изменить. Ведущую роль в мелодической структуре высказывания выполняет высокий нисходящий тон плавного характера (44 %) или нисходяще-восходящий разделенный (32 %) в сочетании с предшествующей скользящей (48%) или постепенно нисходящей шкалой (18 %), произнесенные в диапазоне от низкого до повышенного уровня громкости.

J. – How dare you to speak to me like that?

M. – You can strike me, you can swear at me, you can yell the roof off. The fact remains that your acting has gone to hell.

В диалогическом общении весьма редкое место занимает речевой акт **презрения**, поскольку оно носит четко выраженный антиэтикетный характер с ярким ликоущемляющим эффектом и отражает полное пренебрежение, крайнее неуважение и жесткую критику интерактанта, причиняя вред его позитивному статусу. В комплекте нашего отобранного речевого материала обнаружено несколько данных речевых ситуаций, которые предполагают не просто негативную направленность интенции говорящего, а особую экспрессивность речевого воплощения, что определяет некоторую специфику его просодической реализации. Подчеркнуто строгое неодобрение и негативная оценка действий собеседника характеризуются фаукальным сужением согласных, сокращением длительности гласных и сонорных звуков, ларингальным или фарингальным тембром, сопровождаемым делабиализацией, увеличением шумовых элементов и мелким паузальным членением реплики. Доминирующее место в мелодической структуре занимает высокий нисходящий тон (в ряде случаев эмфатический) (52 %), звучащий с наибольшей категоричностью и решительностью, а также возможен нисходяще-восходящий терминальный тон (22 %) допускающий значительную импlicative суждения. Предъядерная часть реализована в расширенном диапазоне с использованием скандентной или скользящей шкалы, выражающей сильное раздражение и нетерпение адресанта, или в резко суженном диапазоне

с предшествующей ровной шкалой. Говорящий обычно придает своим словам особую значимость с замедлением темпа, особой ритмичностью и сильной слоговыделенностью.

B. – You give the impression of being all moral and noble... and helpful but you're just as bad as the rest of them.

B. – What?

S. – Nothing.

B. – Well, that's what you are. A big nothing!

Негативный речевой акт **сарказма**, выражающий злую иронию, яркую и открытую язвительную насмешку над собеседником, находит воплощение в одно– двусинтагменном мелодическом контуре с преобладанием восходяще-нисходящего (38 %) или нисходяще-восходящего (28 %) терминальных тонов, выражающих большую степень импликаций, реализованных в нормальном темпе и средней интенсивности. Отмечено некоторое увеличение длительности гласных и сонорных звуков, а также четкая слоговая выделенность в речи говорящего.

B. – Before you go to bed just give the frame of the painting a little wipe with a clean cloth.

N. – Certainly. Anything else? You wouldn't like a forged passport or some counterfeit money... You are mad, utterly mad.

Результаты проведенного аудитивного анализа различных типов речевых актов, отражающих негативную оценку поведения собеседника, свидетельствуют о просодической дифференциации негативных высказываний в зависимости от коннотативного варианта аксиологической интенции и эмоционального состояния говорящего. При идентификации типа речевого акта первостепенное значение имели коммуникативная цель и концепция коммуникантов, событийное содержание и речевая ситуация, которые допускают значительную вариативность в выборе фонетических средств в ходе естественного общения партнеров по коммуникации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Григорьев, Е. И. Просодия оценки. Экспериментально-фонетическое исследование на материале современного немецкого языка / Е. И. Григорьев. – М. : МГИМО – Университет, 2018. – 237 с.
2. Арутюнова, Н. Д. Типы языковых явлений. Оценка. Событие. Факт / Н. Д. Арутюнова. – М. : Наука, 1988. – 341 с.
3. Шейнов, В. П. Конфликты в нашей жизни и их разрешение / В. П. Шейнов. – Минск : Амалфея, 1997. – 288 с.
4. Скотт, Дж. Г. Сила ума. Способы разрешения конфликтов / Дж. Г. Скотт. – СПб. : ВИС, 1994. – 430 с.
5. Вольф, Е. М. Функциональная семантика оценки / Е. М. Вольф. – М. : Едиториал УРСС, 2006. – 280 с.

Т. М. Надеина
г. Москва, МГЮА

ПРОСОДИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА МАРКИРОВАНИЯ ЛОЖНЫХ ВЫСКАЗЫВАНИЙ

Исследования феномена лжи осуществляются в различных областях научного знания – философии, социологии, психологии, юриспруденции, лингвистике. В языкознании соответствующее направление получило название «лингвистика лжи». Исследователи сходятся во мнении о том, что ложь представляет собой коммуникативное явление, реализуемое единицами разных уровней языка. Наиболее изученным при этом является функционирование единиц высших уровней, в то время как фонетический аспект ложных высказываний, связанный с их просодическим оформлением, нечасто попадает в фокус внимания лингвистов. Между тем в силу своей антропофонической основы именно фразовая просодия является одним из важнейших средств диагностики неискренности говорящего.

Теоретической основой изучения просодии лжи, на наш взгляд, могут являться исследования А. Р. Лурии [1], посвященные психофизиологическому состоянию субъекта при даче им ложных показаний.

Как известно, предложенный им «метод сопряженной моторики», предназначенный для исследования «вторичных аффектов», т.е. следов тех аффективных состояний, которые имели место в момент воздействия криминогенной (противоправной) ситуации на данное лицо, много позднее модифицировался на Западе и применяется как метод оценки лжи на «лай-детекторах» [2].

Экспериментально-фонетические исследования просодии ложных высказываний сопряжены, как правило, с изучением психоэмоциональных состояний субъекта. Так, А. С. Волков изучал роль просодических средств при реализации речевых актов ложного гнева и ложного удивления в немецком языке [3; 4].

В результате инструментального анализа экспериментальных образцов речи было установлено, что:

1) в ложных реализациях удивления наблюдается общая тенденция к увеличению всех основных тональных показателей в целом по сравнению с искренними реализациями;

2) средняя длительность и среднеслоговая длительность ложных реализаций удивления увеличивается на 10 % и 12 % соответственно;

3) в ложных реализациях удивления наблюдается общая тенденция к незначительному увеличению динамических показателей, а в ложных реализациях гнева – снижение уровня интенсивности в начале фонации, а также на предъядерном слоге.

Как видим, в результате эксперимента не наблюдается просодических признаков, стабильно маркирующих ложные эмоции независимо от их типа. Другими словами, если для ситуации ложного гнева наблюдаются одни

параметры, а для ситуации ложного удивления – другие, то это может означать, что результаты характеризуют скорее изучаемые эмоции, а не искренность говорящего.

В лингвистических исследованиях те или иные просодические характеристики анализируются в связи с особенностями речевого поведения субъекта, в частности, Т. А. Алексеева изучала просодию ложных показаний в процессе производства допросов людей, относящихся к различным психологическим типам (по типологии акцентуированных личностей К. Леонгарда) [5]. Результаты показали, что просодические характеристики могут существенно варьировать в речи людей, относящихся к разным психологическим типам. Например, громкость речи при даче ложных показаний уменьшается у гипертимов, застревающих, сензитивов, но увеличивается у истероидов, а у параноидов может проявляться двояко: увеличиваться или уменьшаться. Подобные несовпадения при маркировании ложных высказываний наблюдаются также и для других просодических характеристик [6].

Таким образом, можно сделать вывод о том, что в настоящее время вопрос о вкладе просодических средств в маркирование ложных высказываний остается открытым, поскольку в немногочисленных работах, посвященных данной теме, получены противоречивые результаты. Это может объясняться, в частности, проблемами получения аутентичного материала, а также разными методическими подходами к анализу просодии. Кроме того, исследованию, как правило, не подвергались тембральные характеристики речи, в то время как они во многом определяют эмоциональную окраску высказывания, имплицитно отражая истинное отношение говорящего к предмету речи, в противовес эксплицитно выраженному содержанию.

Мы провели пилотное исследование, в котором попытались преодолеть указанные проблемы. Прежде всего, в качестве материала была использована пранкерская речь, т.е. высказывания человека, разыгрывающего своего собеседника по телефону и сообщаящего ему заведомо ложную информацию. Анализировалась фонограмма розыгрыша певицы Джамалы пранкером Лексусом (15.03.2016). Просодические характеристики речи пранкера мы сопоставляли с характеристиками его «нормальной речи», зафиксированной в интервью корреспонденту телеканала Россия-24.

Тональные характеристики речи анализировались с помощью программы OTExpert 5.1, вычислялись среднее, медиальное, максимальное, минимальное значения ЧОТ и относительный диапазон, а также средняя скорость увеличения и уменьшения тона.

Результаты показали, что существенных различий в средних значениях минимального, максимального значений ЧОТ, а также относительного диапазона ЧОТ не наблюдается. В то же время средние значения медианного и среднего значения ЧОТ в пранкерской речи выше, чем в нормальной (на 21% и 13% соответственно), причем доверительные интервалы средних

не пересекаются. Кроме того, существуют различия и в средних значениях скорости изменения тона, которые стабильно выше в пранкерской речи (в среднем на 14 % при увеличении и на 22 % при уменьшении).

Тембральные характеристики пранкерской речи мы рассматривали на примере ударных гласных [а] и [и]. С помощью программы Speech Analyzer 3.0.1. На стационарном участке ударных гласных определялись значения F1, F2, F3 и F4. Как показали результаты, в пранкерской речи частоты F3 и F4 понижаются по сравнению с нормальной речью: в ударном гласном [а] F3 на 97 Гц (3 %) и F4 на 121 Гц (3 %); в ударном гласном [и] F3 на 69 Гц (2 %) и F4 на 243 Гц (6 %).

Таким образом, можно сделать вывод о том, что диагностическими признаками ложных высказываний могут являться следующие просодические показатели: значения частот F3 и F4 ударных гласных, которые понижаются в пранкерской речи; среднее значение ЧОТ в высказываниях, которое повышается в пранкерской речи; средняя скорость изменения тона (как увеличения, так и уменьшения), значения которой превышают соответствующие показатели в нормальной речи.

Полученные нами результаты свидетельствуют о том, что мелодические и тембральные характеристики голоса отражают психофизиологическое состояние субъекта при продуцировании ложных высказываний (в соответствии с гипотезой А. Р. Лурия) [1]. Однако набор таких характеристик и их конкретные показатели нуждаются в уточнении и должны стать предметом дальнейших исследований.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Лурия, А. Р.* Сопряженная моторная методика в исследовании аффективных реакций / А. Р. Лурия // Труды Института психологии. – М., 1928.
2. *Леонтьев, А. А.* Речь в криминалистике и судебной психологии / А. А. Леонтьев, А. М. Шахнарович, В. И. Батов. – М. : Наука, 1977. – 62 с.
3. *Волков, А. С.* Роль динамического компонента просодической структуры при реализации речевых актов ложного гнева / А. С. Волков // Вестн. Челябинск. гос. ун-та. – 2013. – № 29 (320). Филология. Искусствоведение. – Вып. 83. – С. 17–20.
4. *Волков, А. С.* Роль тонального компонента просодической структуры высказывания при реализации речевых актов ложного удивления // Вестн. Вятск. гос. гуманит. ун-та. – Филология. – 2014. – С. 139–143.
5. *Алексеева, Т. А.* Криминалистическая структура устной речи // Вестн. Томск. гос. ун-та. – 2014. – № 381. – С. 167–170.
6. *Алексеева, Т. А.* Особенности речи представителей отдельных психологических типов, свидетельствующие о лжи при производстве допроса // Вестн. Томск. гос. ун-та. – 2015. – № 1 (15). – С. 21–28.

ТЕМПОРАЛЬНЫЕ СОСТАВЛЯЮЩИЕ РЕЧИ КАК КОГНИТИВНЫЕ ПРИЗНАКИ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ

Одним из значимых параметров темпоральной организации речи является паузация. Паузы в ходе речевой коммуникации выполняют, как минимум, следующие несколько функций: поддерживают процесс дыхания (физиологическая функция); отражают время, затрачиваемое на обработку информации, в том числе время её восприятия, подбора слов и их извлечения из памяти и т.д. (когнитивная функция). Кроме того, данный временной показатель выполняет социальную функцию. Так, паузы могут определять порядок взаимодействия между коммуникантами согласно принятым правилам очередности; они помогают подчеркнуть важное слово в фокусе, то есть служат для риторических целей; наконец, паузы могут помочь распознать принадлежность говорящего к определенному сообществу, идентифицировать социальный статус человека, его роль в обществе, а также указать на возраст и пол собеседника [1; 2].

Когнитивные исследования механизмов образования и восприятия речи также сосредоточены на изучении значений средней длительности слога и общей скорости речи, которая, в свою очередь, отлична от параметра скорости артикуляции. Данный показатель измеряется количеством речевых единиц (слов, слогов) в минуту или секунду [3; 4].

Пытаясь проверить гипотезу о влиянии возраста собеседника на скорость артикуляции и на соотношение пауз в речи представителей среднего поколения в сравнении с речью молодых и пожилых говорящих [5; 6], нам особенно важен показатель длительности речевой единицы между двумя физическими паузами – непрерывного отрезка звучания, называемого также IP (intonation phrase) [7]. Данный параметр необходим для оценки объема рабочей памяти говорящего, который будет зависеть от длительности речевого отрезка, а также от количества слов или слогов его составляющих.

Цель данного исследования, таким образом, состоит в изучении звукового портрета говорящего с когнитивной точки зрения, основанного на анализе темпоральных характеристик диалогической речи, образцы которой взяты из начала телефонных переговоров жителей США из лингвистического корпуса «Switchboard» [8]. Сопоставив длительность пауз и звучащих отрезков речи в группах информантов, можно оценить такие параметры, как объем оперативной памяти, скорость оперативной обработки информации, а также беглость речи относительно индивидуальных особенностей говорящего.

Для анализа темпоральных параметров американской диалогической речи с учетом гендерно-возрастных различий говорящих автором исследования были отобраны звуковые образцы речи тридцати американцев. Материал исследования насчитывает от пяти до пятнадцати начальных реплик каждого

участника диалога и составляет первую минуту разговора каждого из собеседников [8]. Количество говорящих равно представляет две гендерные (15 мужчин и 15 женщин) и три возрастные (по пять информантов молодого, среднего и старшего возраста) группы. Общее время звучания проанализированного материала составило 30 минут.

Длительность отрезков фонации, паузации и других речевых явлений была определена и посчитана с помощью компьютерной программы PRAAT.

Темпоральные характеристики речи, проанализированные в настоящем исследовании, включают следующие показатели:

- длительность пауз – длительность отрезка с отсутствием какого-либо звучания равная 100 мс и более;
- соотношение «фонация : паузация» – доля времени, затраченного на говорение, по отношению к длительности физических пауз;
- скорость артикуляции – среднее количество слогов, произнесенных за одну секунду времени по всему отрезку звучания (исключая длительность физических пауз);
- длина синтагмы – среднее количество слогов в отрезке звучания между двумя паузами, равными 100 мс и более.

Статистическая обработка полученных данных включала проведение однофакторного дисперсионного анализа (ANOVA), который позволил определить наличие значимых различий вышеупомянутых временных показателей в речи мужчин и женщин трех возрастных групп.

Результаты проведенного исследования значений темпоральных показателей диалогической речи американцев двух гендерных и трех возрастных групп представлены в сводной таблице.

Средние значения темпоральных параметров речи
американских мужчин и женщин трех возрастных групп

Испытуемые	Возраст	Параметры речи			
		Средняя длительность паузы (мс)	Соотношение «фонация: паузация»	Скорость артикуляции (слоги/сек)	Длина синтагмы (слоги)
Мужчины	Молодой	465	6,6	4,8	7,3
	Средний	417	6,7	5,1	8,6
	Старший	458	7,4	5,2	10,1
Женщины	Молодой	413	8,3	5,4	12,1
	Средний	352	13,8	4,4	8,4
	Старший	410	9,5	4,6	10,5

Согласно статистике показатели средней длительности пауз значительно отличаются в трех возрастных группах информантов, причем наиболее низкие значения длительности пауз выявлены у информантов среднего возраста

($F=2,969$, $p<,05$). В ходе анализа были также обнаружены существенные различия данного показателя в речи мужчин и женщин ($F=7,436$; $p<,01$) – в разговорах мужской группы информантов паузы длиннее, чем в речи женщин.

Что касается параметра соотношения общей длительности фонации к длительности паузации, результаты статистической обработки показывают только наличие гендерных различий в данных показателях ($F=10,220$; $p<,01$). Женщины-информанты тратят гораздо меньше времени на паузы, чем мужчины, что повторяет результаты анализа предыдущего параметра.

Значения показателей скорости артикуляции значительно отличаются в двух гендерных группах ($F=4,054$; $p<,05$). Согласно результатам, самой быстрой скоростью артикуляции обладают молодые американки, а представительницы среднего и старшего поколений, напротив, говорят медленнее всех. В речи мужчин, однако, можно наблюдать плавное увеличение значений данного показателя с возрастом.

Схожую траекторию изменений значений показателей по возрастам с учетом гендера можно наблюдать и в полученных данных относительно средней длины синтагмы. Обнаруженные тенденции нашли подтверждение и в ходе статистической проверки – в результате дисперсионного анализа показателей длины синтагмы были установлены значимые возрастные ($F=3,001$; $p<,05$) и гендерные различия ($F=7,491$; $p<,01$), причем в результате попарного сравнения показателей трех возрастных групп разница показателей в средней и старшей возрастной группах оказалась наиболее значима.

Таким образом, в результате анализа исследуемого звукового материала было обнаружено, что все четыре темпоральные параметра речи обладают гендерной вариативностью, в то время как возрастные изменения были зафиксированы лишь в двух показателях – средняя длительность пауз и длина синтагмы. Траектория изменений проанализированных параметров в двух гендерных группах информантов также вызывает особый интерес: за исключением показателей средней длительности пауз все остальные характеристики постепенно нарастали с возрастом в речи мужчин, в то время как в женской речи был обнаружен ярко выраженный контраст показателей среднего возраста на фоне других двух возрастных групп говорящих.

Полученные в ходе настоящего исследования результаты акустического и статистического анализов американской диалогической речи свидетельствуют о наличии индивидуально обусловленной вариативности темпоральной организации речи в процессе осуществления определенной когнитивной задачи – начала разговора на заданную тему. Просодические характеристики первой минуты разговора, по нашему предположению, содержат в себе информацию о способности человека контролировать и соразмерять время говорения, длину пауз, скорость артикуляции и длину высказывания в соответствии с накопленным социальным опытом и физическим состоянием индивида.

С точки зрения когнитивной лингвистики значимым оказался тот факт, что американские мужчины тратят больше времени на обдумывание фразы, то есть на оперативную обработку информации, что отражено в значениях показателей длительности пауз.

Наиболее яркие возрастные изменения были обнаружены у информантов среднего возраста по сравнению с молодыми и пожилыми говорящими. Сокращая длину пауз, а также количество слов в высказывании, представители среднего поколения ставят своей целью использование более делового и энергичного стиля общения. И поскольку люди среднего возраста обладают более высоким социальным положением, чем молодежь, и лучшей физической формой по сравнению со старшим поколением, их темпоральная организация речи, по американским стандартам, является наиболее успешной с точки зрения соотношения говорения и молчания. Речь американцев молодой и старшей возрастных групп обладает схожими значениями длительности пауз и длины синтагмы, что может свидетельствовать об объеме оперативной памяти представителей данных групп.

Несмотря на ограничения настоящего исследования, состоящие в изучении определенной коммуникативной ситуации – начала телефонного разговора, в результате работы было установлено, что коммуникативные стратегии говорящего оказывают непосредственное влияние на темпоральную организацию его речи, а также на стиль и характер, который хочет продемонстрировать человек.

ЛИТЕРАТУРА

1. Шевченко, Т. И. Социофонетика: Национальная и социальная идентичность в английском произношении / Т. И. Шевченко. – 2-е изд., доп. – М. : ЛЕНАНД, 2016. – 240 с.
2. Шевченко, Т. И. Теоретическая фонетика английского языка : учебник для бакалавров / Т. И. Шевченко. – 3-е изд. – М. : Изд-во Юрайт, 2012. – 191 с.
3. Durand, J. Phonetics, Phonology and Cognition / J. Durand, B. Laks . – Oxford : Oxford Univ. Press, 2004. – 338 p.
4. Nathan, G. S. Phonology: A cognitive grammar introduction / G. S. Nathan. – Amsterdam / Philadelphia : John Benjamin Publishing Company, 2008. – 171 p.
5. Amerman, J. Speech timing strategies in elderly adults / J. Amerman, M. Parnel. – J. of Phonetics, 20. – 1992. – P. 65–76.
6. Linville, S. E. Vocal aging / S. E. Linville. – San Diego : Singular Publishing Group, 2001. – 320 p.
7. Качковская, Т. В. Синтагмы и паузы в спонтанной речи и чтении: статистика по крупным речевым корпусам / Т. В. Качковская, П. А. Скрелин // Анализ разговорной русской речи (АРЗ-2019) : Труды восьмого междисциплинарного семинара / отв. ред.: Д. А. Кочаров, П. А. Скрелин. – СПб. : Политехника-принт, 2019. – С. 46–54.
8. Godfrey, J. Switchboard-1 Release 2 LDC97S62 [Электронный ресурс] / J. Godfrey, E. Holliman. – Philadelphia : Linguistic Data Consortium, 1993. – Режим доступа : – URL: <https://catalog.ldc.upenn.edu/LDC97S62> – Дата доступа : 01.02.2020.

АКТУАЛИЗАЦИЯ ЭМОЦИОНАЛЬНО-ПРАГМАТИЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА ЗВУЧАЩИХ СОНЕТОВ В. ШЕКСПИРА

Эмоции, как известно [5, с. 58], считаются первичными явлениями в реализации речемыслительной деятельности человека. Именно поэтому все большую актуальность приобретают вопросы определения закономерностей взаимодействия эмоциональных и прагматических факторов при выражении эмоций и чувств, а также их корректного декодирования слушателем. При этом достаточно высоким уровнем эмоционально-прагматического потенциала характеризуется лирическая поэзия, среди которой, в свою очередь, музыкальностью и «интенсивной драматургичностью» [4, с. 634] отличается сонет, который, пройдя через всю историю европейской и мировой литературы, наиболее полно раскрылся в творчестве Шекспира.

Целью данного исследования является определение динамики изменения эмоционально-прагматического потенциала звучащих сонетов Уильяма Шекспира как результата взаимодействия их эмоциональных, прагматических, структурных и семантических факторов.

Методологической основой исследования послужили концептуальные положения энергетической теории речи, изложенные в работах А. А. Калиты [1; 2; 3]. Эмпирической апробацией этих положений доказана возможность объективной оценки инварианта устной актуализации различных видов речевых отрезков только по двум параметрам порядка: прагматическим и эмоциональным потенциалами [3, с. 106–112]. Кроме того, изучение специфики функционирования просодических средств в сонетах В. Шекспира базировалось на понимании фонетических явлений как результата порождения речи, движущей силой которого является психофизиологическая энергия с присущей ей свойственностью перераспределяться между средствами всех уровней языка, участвующими в реализации этого речевого отрезка [3, с. 35].

Описание особенностей просодического выражение эмоционально-прагматического потенциала сонетов В. Шекспира осуществлялось в соответствии с их структурным построением: «тезис» (тема сонета) → «антитеза» (развитие темы) → «синтез» (введение противоположной темы) → «развязка» (решение противоречия). В качестве энергетической характеристики каждого сонета использовалась информация, предоставленная информантами, согласно которой обобщался уровень его эмоционально-прагматического потенциала (высокий, средний, низкий).

Анализируя специфику устной актуализации сонетов, мы также обращали внимание на то, что динамика изменения их эмоционально-прагматического потенциала отображает взаимодействие комплекса выразительно-изобразительных средств всех языковых уровней, функционирующих в структурных элементах этих лирических произведений. Рассмотрим изло-

женное на примере сонета № 1 [6], являющегося лирическим описанием-размышлением о неповторимости красоты любимого человека. Этот сонет написан пятистопным ямбом, о чем свидетельствуют такие эвфонические средства, как рифмованные созвучия в первых трех четверостишиях (перекрестная рифма) и в заключительном двустишии со смежной рифмой.

Изучение взаимодействия выразительных средств разных уровней языка свидетельствует о том, что созданию целостной картины изображаемого способствует оформление дистантно расположенных эпитетов (*fairest creature, tender churl, tender heir, world's fresh ornament*) тональным контрастом, создаваемым фразовым ударением или специальным подъемом. При этом эпитет *the 'world's ↑fresh 'ornament*, который превозносит адресата поэзии, одновременно противопоставляется метафорой *With'in 'thine 'own 'bud 'buriest | thy 'content*, в структуре которой каждая лексическая единица является проминантной за счет выделения фразовым ударением или ядерным тоном, что, в свою очередь, служит постепенному повышению эмоционально-прагматического потенциала этого катрена до среднего уровня.

*From 'fairest 'creatures ξ we 'desire in'crease, |
That 'thereby ξ 'beauty's 'rose ξ might 'never 'die |,
But 'as the 'riper ξ should by 'time de'cease, |
His 'tender 'heir ξ might 'bear his 'memory: ||*

*But 'thou, | con'tracted to thine ↑own 'bright 'eyes, |
Feed'st ξ thy 'light'st 'flame ξ with 'self-sub↑stantial 'fuel, |
'Making a 'famine ξ where a 'bundance 'lies, |
Thy'self thy 'foe, | to 'thy 'sweet 'self too 'cruel. ||*

*'Thou that →art now ξ the 'world's ↑fresh 'ornament |
And 'only 'herald ξ to the 'gaudy 'spring, |
With'in 'thine 'own 'bud 'buriest | thy 'content |
And, 'tender 'churl, ξ mak'est 'waste in 'niggard'ing. ||*

*'Pity the 'world, ξ or 'else this 'glutton 'be, |
To 'eat the ↑world's 'due, | by the 'grave and 'thee. ||*

В произведении представлены также и другие метафоры («*But 'thou, | con'tracted to thine ↑own 'bright 'eyes*», «*Feed'st ⇒ thy 'light'st 'flame ⇒ with 'self-sub↑stantial 'fuel...*»), выстраивающие контрастную линию с антитезой *'thy 'sweet 'self too 'cruel*. Последовательность метафор «*Within thine own bud buriest thy content*», «*And, tender churl, mak'st waste in niggarding*» и «*or else this glutton be*» постепенно формирует кульминационный элемент сонета, приобретающий соответственно с развитием интонационно-смысловой нагрузки всего сонета высокий уровень эмоционально-прагматического потенциала. Особое эмоциональное нагнетание создают оксюморон «*tender*

churl» и антитезы «*Making a famine where abundance lies*», «*mak'st waste in niggarding*». На интонационном уровне указанные средства приобретают эмфатическое выделение за счет оформления сложным мелодическим контуром, ускоренным темпом (в третьем катрене) и повышением громкости.

В заключительном структурном компоненте сонета, квалифицированном информантами как наиболее весомый с точки зрения его прагматической направленности, используется гипербола «*To eat the ↑world's ↓due, | by the ↓grave and ↓thee*». На просодическом уровне данная гипербола актуализируется нисходящей ступенчатой шкалой с нарушенной постепенностью, сочетанием в одной синтагме нескольких нисходящих тонов разных тональных уровней широкого диапазона и сложной конфигурации, что в сочетании с другими языковыми средствами служит реализации высокого уровня эмоционально-прагматического потенциала «развязки». Указанное взаимодействие разных средств языка в финальном катрене сонета подчеркивает идею всего произведения – красота как сверхмощная стихия способная испепелять тех, кто ею наделен. Как видим, просодические средства выполняют функцию акцентного выделения ключевых слов сонета, а его общая интонационная аранжировка свидетельствует о повышении эмоционально-прагматического потенциала к высокому уровню в развязке.

Изложенные выше результаты аудитивного анализа сонетов свидетельствуют о том, что они характеризуются постепенной динамикой увеличения эмоционально-прагматического потенциала к среднему уровню в первых двух катренах («тезис» и «антитеза»), средне-повышенному – в третьем («синтез»), достигая высокого уровня и затухая к концу «развязки».

Ведущим фактором, влияющим на однонаправленное взаимодействие разных языковых средств актуализации сонета, является его эмоционально-прагматический потенциал, динамика изменения которого позволяет осуществить суггестивно-коммуникативное воздействие на слушателя, направляя его на корректное декодирование смысла текста.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Калита, А. А.* Актуалізація емоційно-прагматичного потенціалу висловлення / А. А. Калита: монографія. – Тернопіль : Підручники і посібники, 2007. – 320 с.
2. *Калита, А. А.* Критерий уровня актуализации эмоционально-прагматического потенциала высказывания / А. А. Калита, Л. И. Тараненко // Наукові записки. – Вип. 105 (1). – Серія: Філологічні науки (мовознавство) : У 2 ч. – Кіровоград : РВВ КДПУ ім. В. Винниченка, 2012. – С. 476–484.
3. *Калита, А. А.* Энергетика речи : монография. – Киев : Кафедра, 2016. – 292 с.
4. *Квятковский, А. П.* Поэтический словарь [Электронный ресурс] / А. П. Квятковский. – Режим доступа : URL : <http://litmaster.net/index.php?book=1&slovo=526>. – Дата доступа : 20.04.2020.
5. *Таранов, П. С.* Анатомия мудрости: 120 философов : [в 2-х т.]. – Симферополь : Реноме, 1997. – Т. 2. – 624 с.
6. *Шекспир, В.* Сонет № 1 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : URL : <https://www.youtube.com/watch?v=m2FPQdc5ACQ> – Дата доступа : 20.04.2020.

СОПОСТАВИТЕЛЬНО-КОНТРАСТИВНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ. НАЦИОНАЛЬНОЕ И РЕГИОНАЛЬНОЕ ВАРИИРОВАНИЕ В ПРОИЗНОШЕНИИ

Воробьёва Л.Г.
г. Минск, МГЛУ

ТЕРРИТОРИАЛЬНАЯ ВАРИАТИВНОСТЬ ПРОСОДИИ КОСВЕННОЙ ПОБУДИТЕЛЬНОСТИ В АНГЛИЙСКОЙ ДИАЛОГИЧЕСКОЙ РЕЧИ

Сложную совокупность современного английского языка определяет множественность его территориальных вариантов, и в первую очередь, нормативная закреплённость функционирования языковых средств его внутреннего круга. Национальная ограниченность определённого видоизменения коммуникативного поведения носителей языка на отдельных территориях объективно допускает возможность вариантности языкового выражения и в том числе просодического структурирования устной речи. В этом плане изучение имплицитных прагматических значений устных речевых структур потенциально способствует расширению фактологической базы данных при типологизации территориального расслоения в структурированных вариантах речевых единиц на различных уровнях их лингвистического анализа. Так, в частности широкий спектр лексико-синтаксических конструкций, используемых в английском языке с целью реализации имплицитного прагматического смысла директивного намерения в письменном тексте неоднократно был объектом специальных лингвистических изысканий.

В нашем экспериментально-фонетическом исследовании акцент делался на выявление национально обусловленной специфики просодических средств в дифференциации прагматической интенции директивного воздействия на адресата в форме, косвенно сигнализирующей истинный посыл говорящего в процессе контактного диалогического общения.

Объектом сравнительного анализа территориальной вариативности являлись фразы, семантико-прагматическое значение которых определяло коммуникативное намерение смягчения степени категоричности речевых актов — квазиимперативов, — которые имеют имплицитную директивную направленность.

Выборка семантико-синтаксических форм, регулируемых требованием соблюдения вежливой побудительности посредством не повелительного семантико-синтаксического построения речевого акта, формировалась на основе их частотной представленности в художественных произведениях британских и американских авторов.

Косвенное побуждение в рассматриваемых художественных произведениях британских авторов представлено 13-ю и в американском — 9-ю лексико-синтаксическими образованиями. Наиболее частотными в британских произведениях являлись структуры *I thought / think* (22 %) и *You'd better* (16 %), а в американском — структуры с *will / would / won't / wouldn't* (18 %) и разделительные вопросы типа *I wish you paid attention, will you?* (21 % слу-

чаев). В обоих вариантах все косвенные речевые единицы были направлены на поведенческую деятельность адресата и различались по степени вежливости иллокутивного намерения коммуниканта согласно оценке носителей английского языка как наиболее вежливые/ вежливые/ менее вежливые.

Сравнительный анализ просодических структур выбранных 180 наиболее частотных фраз в американском и британском вариантах проводился на материале звуковых образцов аудиоверсий в исполнении профессиональных актёров-носителей британской и американской произносительных норм. Все сравниваемые устные фразы воспринимались носителями языка как преимущественно умеренной (37,5 %) или сильной (36,8 %) степени настойчивости. Наиболее категоричный потенциал побуждения в британском варианте содержат фразы, инициируемые словами *you'd better* и *would you*; в американском варианте носители языка отмечали наиболее категоричное звучание высказываний типа *You are moving without delay, will you?* и *You'll send the samples to my office, will you?*

Проведение слухового восприятия фраз опытными аудиторами-фонетистами было направлено на регистрацию в принятом в англистике транскрибировании показателей их высотно-тональных, акцентно-ритмических и темпоральных признаков.

Как показали количественные данные, значимые контрасты в просодическом структурировании каждой лексико-синтаксической группы обусловлены нормативными требованиями их территориальной специфики, которая в первую очередь заключается в частотной закреплённости выбора высотно-мелодических типов ядерного тона и парадигме типов внутрифразовой слоговыделенности.

Для фактологического подтверждения дифференцирующей закономерности установленных территориальных различий в тональном завершении побудительных фраз приведена таблица цифровых величин перцептивных данных в их процентном соотношении в пределах каждого лексико-синтаксического типа фраз, где BE – британский вариант английского языка, GA – американский вариант английского языка.

Принципиальная высотно-мелодическая особенность имплицитного побуждения в американском и британском коммуникативном пространстве диалогического общения заключается не только в предпочтительной разнонаправленности тонального завершения идентичных лексико-синтаксических фраз, степень частотности которых по-разному контрастирует в вербально разных структурах, а именно: количественно более значимый размах значений характерен для фраз типа *you would/ wouldn't; you can/ could; I think/ thought* в тональном завершении разноуровневым нисходящим тоном и значительной частотностью употребления высокого восходящего тона в американских фразах. Следует также отметить, что тональное тождество вариантов имеет место в предъядерном контуре всех видов фраз, реализуемых на высоком мелодическом уровне при большей рекуррентности употребления кинетических тонов в британском варианте и при допустимости употребления низких кинетических тонов в предъядерной части только в американских побудительных стимулах (табл.).

Направление ядерного тона в завершении фраз, (%)

Структура	Территориальный вариант	Тон						
		\m	\m	/m	/m	vm	vm	^m
You'd better	BE	21	8	—	—	22	—	49
	GA	10	41	3	—	—	—	46
You would / wouldn't	BE	75	0	0	—	13,5	—	11,5
	GA	16	39	37	—	—	—	9
I wish	BE	14	58	—	—	14	14	—
	GA	27	50	—	—	10	2	11
I think/ thought	BE	54	17	—	—	9	—	20
	GA	24	46	—	—	14	19	7
You can / could / couldn't	BE	42	8	—	—	50	—	—
	GA	29	31	6	—	10	—	34
<...>, will you?	BE	—	11	68	21	—	—	—
	GA	46	—	38	16	—	—	—

Вариативность воспринимаемых акцентных структур в обоих территориальных вариантах по данным дистрибуции типов фразового ударения обусловлена степенью имплицуемой настойчивости в лексико-синтаксическом классе фраз содержащих более/ менее категоричные волеизъявления, независимые от характера взаимоотношений коммуникантов и свободы выбора выполнения или невыполнения действия адресатом. Территориальные варианты фраз не обнаруживают значительных количественных контрастов в совокупной выборке фраз по частотности эмфатической слоговыделенности (28 % и 23 % в BE и GA) соответственно, при этом количество частичных ударений в британских аналогичных фразах в два раза превышает их дистрибуцию в американских аналогах.

I ∪ thought you'd like to • see ∪ Tracey's • new port\folio. (BE)
You could ∪ do • something \else, ∪ something \peaceful. (GA)

Прагматическая универсальность косвенных побудительных фраз как самостоятельного специфически вербализованного речевого акта опосредованной настойчивости наряду с территориальной вариативностью актуализуется в устойчивом единообразии общефразовых высотно-мелодических и акцентных признаков с незначительной долей контрастов в их лексико-семантических видах. Просодическую инвариантность экспликации коммуникативной интенции вежливой директивности в обоих территориальных вариантах определяет интуитивное речевое поведение сдержанной эмоциональности говорящих.

ЛИТЕРАТУРА

1. Серль, Дж. Р. Косвенные речевые акты / Дж. Р. Серль // НЗЛ. – Вып. 17. под ред. Б. Ю. Городецкого. – М. : Прогресс, 1986. – 423 с.

2. Герасимова, О. И. Косвенные речевые акты в английской диалогической речи : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / О. И. Герасимова ; Ленингр. гос. ун-т им. А. А. Жданова. – Л., 1986. – 15 с.
3. Неустроев, К. С. Способы выражения побуждения и воздействия : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19, 10.02.04 / К. С. Неустроев ; Пед. инст-т ФГОУ ВПО “Южный федеральн. ун-т”. – Ростов-на-Дону, 2008. – 22 с.

И. А. Лапицкая

г. Минск, МГЛУ

ФОНЕТИЧЕСКАЯ АССИМИЛЯЦИЯ ЛЕКСЕМ НЕМЕЦКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ В БЕЛОРУССКОМ ЯЗЫКЕ И ЯЗЫКАХ-ПОСРЕДНИКАХ

Современный белорусский язык насчитывает около 1300 лексем немецкого происхождения, заимствованных устным либо письменным путем и пополнявших лексический состав белорусского языка в течение многих веков, о чем свидетельствует анализ лексикографических источников – «Слоўніка іншамоўных слоў» А. Н. Булыко (1999, в 2 томах), а также «Этымалагічнага слоўніка беларускай мовы» (1978–2017, в 14 томах). Территориальные и исторические факторы обусловили при заимствовании немецких лексических единиц белорусским языком посредничество двух языков – польского и русского, при этом опосредованный путь заимствования немецких лексем белорусским языком фиксируется словарями лишь для 37 % слов: для 31 % лексем функцию посредника выполнял польский язык, участие русского языка отмечается в словарях значительно ниже – 6 %.

Через польский язык в белорусский поступала прежде всего бытовая лексика, например: н.-в.-нем. *die Bolle* – пол. *bulba* – бел. *бульба*; н.-в.-нем. *der Haftel, Heftel* – см.-пол. *heftlik* – бел. *ганлік*. При этом заимствование осуществлялось преимущественно устным путем, что стало причиной значительных изменений в области консонантизма, вокализма и просодии слова. Лексемы, пришедшие в белорусский язык через русский, в большинстве своем, наоборот, имеют книжное происхождение: н.-в.-нем. *das Packhaus* – рус. *пакгауз* – бел. *пакгаўз*; н.-в.-нем. *der Portwein* – рус. *портвейн* – бел. *партвейн*. О письменном пути их перехода в русский язык свидетельствует транслитерация в графическом отражении фонемного состава слова. Транслитерированные заимствования представляют собой в основном единицы терминологического характера, которые не стали высокочастотными в устной речи и потому не претерпели существенных фонетических модификаций.

Было установлено, что способы фонетической ассимиляции немецких заимствований в белорусском языке обусловлены степенью сходств и различий фонетических систем языка-источника, языков-посредников и языка-реципиента на сегментном и просодическом уровнях. Сопоставление фонетических характеристик исконно немецкоязычных лексем с их звучанием

в современном белорусском языке, а также с их коррелятами в польском и русском языках позволило выявить палитру фонетических модификаций заимствованной из немецкого языка лексики в белорусском языке и языках-посредниках на сегментном и просодическом уровнях.

Анализ материала показал, что фонетическая ассимиляция немецко-язычного слова в белорусском языке и языках-посредниках проявляется в 5 основных фонетических модификациях *гласных* (монофтонгов и дифтонгов) и *согласных*:

– *нейтрализации* дифференциальных признаков гласных «длительность» и «напряженность» в связи с их иррелевантностью в славянских языках: н.-в.-нем. *der 'Rahmen* – бел. *ра́ма*; н.-в.-нем. *die 'Hantel* – бел. *гантэ́ль*; с.-в.-нем. *'dubbelt* – пол. *dubel`towy* – бел. *дубальто́вы*; н.-в.-нем. *das Horn* – рус. *горн* – бел. *горн*;

– *усложнении* фонологической структуры согласных в заимствованных единицах за счет дополнительного фонологического признака гласных в польском, русском и белорусском языках – палатализации: н.-в.-нем. *probieren* – рус. *пробирка* – бел. *прабірка*; н.-в.-нем. *merken* – пол. *miarkować* – бел. *меркаваць*;

– *преобразовании* вокалических и консонантных признаков: ряда и/или подъема гласных, например: н.-в.-нем. *der Koffer* – пол. *kufer* – бел. *ку́фар*, способа или места артикуляции согласных, например: н.-в.-нем. *das Halstuch* – пол. *halsztuk* – бел. *гальштук*.

Среди гласных самыми устойчивыми оказываются основные гласные вокалического треугольника: [a], [i] и [u]; меньшей устойчивостью отмечены гласные монофтонги среднего подъема [e] и [o]: н.-в.-нем. *der Speck* – пол. *szpik* – бел. *шні́г*; н.-в.-нем. *das Blockhaus* – бел. *блакгаўз*.

Было выявлено, что модификационные процессы в сфере ударных гласных монофтонгов тесно связаны с просодической характеристикой слова – позицией словесного ударения. В ассимилятивном процессе морфологически связанное немецкое ударение, выделяющее, как правило, начальные слоги слова, противостоит парокситоническому польскому, привязанному к предпоследнему слогу, и локализованному ближе к концу русскому и белорусскому ударению. Типичное смещение в белорусском языке начального немецкого ударения вправо является определяющим фактором для «аканья» – перехода немецких ударных долгих и кратких гласных [o:] и [ɔ] в белорусское [a] в безударной позиции, например: н.-в.-нем. *die 'Vorstadt* – бел. *фа́рштат*, что не характерно для систем языков-посредников: с.-в.-нем. *'kosten* – пол. *kosz`tować* – бел. *каштава́ць*.

Анализ материала показал, что способ образования модифицируется при заимствовании чаще у взрывных согласных, например, н.-в.-нем. *makeln* – ст.-пол. *tachlować* – бел. *махляваць*, а место образования смещается чаще у альвеолярных: н.-в.-нем. *die Post* – ст.-пол. *poszta* – бел. *пошта*.

– *субституции* не характерных для белорусского языка и языков-посредников немецких огубленных гласных переднего ряда [ø:], [oe], [y:] и [Y]

гласными [o], [e], [y], [i], замене согласных [h], [ç], [ŋ] близкими по артикуляции и звучанию коррелятами – щелевыми согласными [ɣ], [χ], [x], звукосочетаниями [нг]/[нк]: н.-в.-нем. *der 'Stöpsel* – рус. *штéпсель* – бел. *штэ́псель*; н.-в.-нем. *wünschen* – пол. *winszować* – бел. *віншаваць*; н.-в.-нем. *die Heimwehr* – бел. *хэймвер*; н.-в.-нем. *der Abstrich* – бел. *абштрых*; н.-в.-нем. *der Rollgang* – бел. *рольганг*;

– упрощении структуры дифтонгов (монофтонгизации) путем усиления либо первого, либо второго их элемента в ударной и безударной позиции, аффрикат и консонантных цепочек в составе сложных слов за счет выпадения отдельных компонентов: н.-в.-нем. *die Schraube* – пол. *śruba* – бел. *шрубa*; н.-в.-нем. *die Reißkohle* – рус. *рашкуль* – бел. *рашкуль*; н.-в.-нем. *der Zipfel* – пол. *cyfel* – бел. *цыпель*; н.-в.-нем. *die Werkstatt* – пол. *warsztat* – бел. *варштан*.

Следует отметить, что монофтонгизация за счет усиления второго компонента дифтонга наблюдается чаще. Примечательно, что в процессе монофтонгизации дифтонгов максимальным является влияние польского языка.

Ассимиляция заимствованной лексики в сфере *просодии слова* представлена 4 видами преобразований:

– *смещением* словесного ударения с начальных слогов к концу слова в соответствии с тенденциями славянских просодических систем, прежде всего в сложных словах: н.-в.-нем. *die 'Hellebarde* – пол. *hala'barda* – бел. *алеба́рда*; н.-в.-нем. *die 'Perlmutter* – рус. *перламúтр* – бел. *перламúтр*;

– *приспособлением* слоговой структуры заимствований к типичным слоговым моделям языков-реципиентов, т.е. увеличением количества открытых слогов: н.-в.-нем. *der Tanz* – пол. *ta-niec* – бел. *та-нец*; н.-в.-нем. *der Kolben* – бел. *кол-ба*;

– *увеличением* количества слогов в составе заимствованных единиц, например: н.-в.-нем. *das Wachs* – бел. *вак-са*; н.-в.-нем. *das Pfand* – пол. *fan-ty* – бел. *фа́н-ты*;

– *сокращением* в них количества слогов, например: н.-в.-нем. *die Bin-de* – бел. *бінт*; н.-в.-нем. *die 'Kirchmes-se* – пол. *'kier-masz* – бел. *кір-маш*.

В ходе исследования было установлено, что практически каждое второе изменение в области гласных звуков в составе немецких заимствований в белорусском языке восходит к формам, уже частично изменившимся в языках-посредниках. Участие языков-посредников в поэтапной адаптации немецких заимствований значительно и в консонантных изменениях. Польский и русский языки участвуют в приобретении согласными признака мягкости (11 %), изменении способа (48 %) и места образования согласных, в выпадении несвойственных славянским языкам звуковых сегментов, в преобразованиях аффрикат, комбинаторных изменениях звуков (50 %). При ассимилятивных модификациях просодической структуры слов – изменениях типа слога и слогового объема слова – участие языков-посредников составляет соответственно 43 % и 45 %.

Процесс «вживания» немецких заимствований в белорусскую систему облегчается, таким образом, их первичной ассимиляцией в языках-посредниках. Дальнейшее изменение фонетического состава немецких заимствований в белорусском языке происходит по типичным признакам: модификация гласных [o], [e] в безударной позиции по закону «аканья», субституция немецкого фарингального [h] белорусским щелевым согласным [ɣ], смещение ударения по акцентным моделям белорусского языка.

Н. В. Лещенко
г. Минск, МГЛУ

ФОНЕТИЧЕСКАЯ ВАРИАТИВНОСТЬ И НОРМЫ ПРОИЗНОШЕНИЯ СОВРЕМЕННОГО ИСПАНСКОГО ЯЗЫКА

Фонетическая вариативность испанского языка детерминирована его широким территориальным распространением в мире. По данным Института Сервантеса в 2019 г. количество говорящих на испанском языке как родном составило 483 миллиона человек (из которых около 46 миллионов – жители Испании). С учетом пользующихся испанским языком как иностранным, а также изучающих испанский язык в мире эта цифра достигает 580 миллионов человек [1]. Несмотря на территориальный разброс большого количества «пользователей» система испанского языка сохраняет свое единство благодаря вовлеченности его носителей в единое информационное пространство, успешную коммуникацию, чему способствует устойчивость грамматической структуры испанского языка.

Существует более 20 национальных вариантов испанского языка, что позволяет ученым постулировать его как полинациональный язык, включающий неидентичные культуры [2]. Исследования, которые ведутся в области лингвистической историографии и геолингвистики, убедительно подтверждают тезис о единстве стандартизированной модели испанского языка при многообразии форм национальных вариантов, имеющих диалектное расслоение [3]. Относительно испанского языка исторически исходным вариантом считается пиренейский, он же кастильский язык, зародившийся в средневековом королевстве Кастилия и ставший основой формирования литературной нормы.

Национальные разновидности испанского языка находятся под влиянием сразу двух норм: унифицирующей кастильской нормы и национальной нормы каждой страны, несколько отличающейся от нормы Испании. Причем каждая из указанных норм имеет свое расслоение в зависимости от социальной стратификации (профессиональные, молодежные, маргинальные жаргоны, а также стили и регистры речи).

Расхождения между национальными вариантами испанского языка в основном касаются области лексики и фонетики. Исследования фонологической системы испанского языка, отражающие динамику синхронии, показывают, что одним из наиболее важных источников вариативности

произношения является одномерная изолированная оппозиция фонем /s/–/θ/. В кастильской орфоэпической норме дистинктивным признаком данной пары фрикативных фонем является место артикуляции (альвеолярная /s/ – межзубная /θ/). Однако в странах Латинской Америки и некоторых регионах Испании происходит процесс дефонологизации данной оппозиции /s/ – /θ/ вследствие утраты межзубной фонемы /θ/. Данное фонетическое явление получило название *seseo*, заключающееся в произнесении альвеолярного [s] вместо межзубного звука [θ]. Это явление принято считать одним из наиболее ярких примеров фонетической вариативности испанского языка. В зонах распространения *seseo* зачастую фиксируется изменение артикуляционных характеристик звука [s], например, предорсальной артикуляции [s̟], регистрируются варианты аспирированного произнесения [s > h] на конце слога и слова и т.п. Не вступая в дискуссию о территориальной закреплённости указанных разговорных тенденций и соотношении их с нормативным произношением, сосредоточимся лишь на судьбе оппозиции фрикативных /s/ – /θ/. Исходя из этого всех говорящих на испанском языке можно условно разделить на три группы, которые по-испански именуются *hablantes distinguidores*, *seseantes* и *ceceantes*.

К первой группе (*hablantes distinguidores*) относятся говорящие, в речи которых в соответствии с орфоэпической нормой кастильского языка альвеолярный и межзубный звуки дифференцируются, т.е. полностью сохраняется фонологическая оппозиция: *coser* – *cocer*, *ves* – *vez*. Данный вариант кодифицирован Королевской академией испанского языка в качестве орфоэпической нормы. Он распространён на территории Испании, за исключением отдельных зон *seseo* и *ceceo* на юге и севере страны. К этой же группе можно отнести преподавателей и студентов нашего университета, в котором изучается нормативный кастильский вариант испанского языка.

Вторая группа (*hablantes seseantes*) является самой многочисленной, к ней относятся испаноговорящие, в речи которых регистрируется явление *seseo*. Представители данной группы произносят альвеолярный вариант вместо межзубного: *cereza* [seré̞sa], *cierto* [sjér̞to], *zapato* [sapáto]. Нейтрализация фонологической оппозиции /s/ – /θ/ происходит в речи, на письме же в соответствии с правилами испанской орфографии, графемы *s* и *z* сохраняются. География фонетического феномена *seseo* охватывает страны Латинской Америки и США, в Испании же *seseo* представлено спорадически небольшими зонами на юге и севере страны. По количественному и территориальному признаку явление *seseo* несоизмеримо в большей степени характеризует речь жителей Америки, где данный вариант произношения является стандартизированным. Он широко распространён в СМИ и массовой культуре, и не имеет просторечного оттенка.

В современной Испании, *seseo* имеет нейтральную социальную окраску, однако, следует отметить, что в формальных ситуациях общения (СМИ, массовая культура) доминирует дифференцированное произнесение альвеолярного и межзубного звуков. Соблюдение кастильской нормы является престижным внутри страны и маркирует высокий культурный уровень гово-

прящего: “*existen también casos de hablantes seseantes que en conversaciones formales intentan llevar a cabo la distinción fonética, ya que esta es la tendencia que se considera de mayor prestigio*” [4, с. 40].

Самой малочисленной является группа говорящих (*hablantes ceceantes*), в речи которых во всех фонетических позициях вместо альвеолярного [s] реализуется межзубный звук [θ]: *casa* [káθa], *persona* [perθóna]. Данное явление распространено на юге Испании в некоторых регионах автономной области Андалусия. Фонетический феномен *seseo* маркирует речь малообразованных людей, носит просторечный оттенок и является социально непрестижным: образованная часть жителей регионов распространения данного явления избегает его в своей речи.

Корни указанных выше фонетических явлений следует искать в истории испанского языка. Данные диахронической фонологии указывают, что до XVI века в испанском языке было шесть сибилантов, имеющих близкую зону артикуляции от альвеол до твердого неба: зубно-альвеолярные аффрикаты /ts/ и /tʃ/, фрикативные апико-альвеолярные фонемы /s/ и /z/, фрикативные препалатальные фонемы /ʃ/ и /ʒ/. Орфографически это отразилось в использовании следующих буквенных сочетаний: фонема /ts/ передавалась буквами *ç* в любой позиции, *c* перед гласными *e*, *i* и /tʃ/ – *z* во всех позициях (*plaza*, *espaço*, *dezir*); фонемам /s/ и /z/ на письме соответствовали буквы *s*-, *-ss*-, *-s*- (*saber*, *assí*, *guisa*); фонемы /ʃ/ и /ʒ/ передавались графемами *x* и *j*, *g* перед гласными *e*, *i* (*dixo*, *muger*) [5]. Постепенно средневековые аффрикаты утратили смычку и изменили артикуляцию на предорсально-зубную.

Приблизительно между XVI и XVII вв. с появлением вместо аффрикат межзубных звуков система свистящих фонем упростилась до трех в северной и центральной части Испании (/θ/–/s/–/x/), а на юге Испании до двух фонем (/s/–/x/). По способу артикуляции все указанные фонемы являются щелевыми, что в полной мере соответствует закону экономии артикуляторного усилия (А. Мартине). В результате «фонологической революции сибилантов», которая затронула место и способ артикуляции, обозначились существенные отличия в произношении испаноговорящих в мире [6].

Таким образом, можно заключить, что американское *seseo* представляет собой фонетический панамериканизм и является результатом дефонологизации оппозиции /s/–/θ/, чему способствовала незначительная функциональная нагрузка противопоставления (относительно небольшой список минимальных пар, реализующих данную оппозицию). Унификация [s] и [θ] привела к некоторым потерям в фонематической системе испаноамериканской речи, поскольку перестали различаться *casa* и *caza*, *coser* и *cocer* и т.д., которые превратились в омофоны. Во избежание путаницы латиноамериканцы стали прибегать к замене одного из омофонов другим словом: *cocinar* вместо *cocer*, *cacería* вместо *caza*.

Эволюция языка и появление фонетических инноваций определяется взаимодействием как внутриязыковых, так и социолингвистических факторов. Незначительная функциональная нагрузка противопоставления, а также изменение артикуляционного уклада определяют внутреннюю динамику изменений, а скорость распространения инновации и ее устойчивость детер-

минируют такие социолингвистические причины как престижность и степень давления унифицирующей языковой нормы [5, с. 152–167]. Исходя из перспективы диахронического подхода правомерно утверждать, что фонетический феномен *seseo* угасает, экспансия же *seseo* имеет объективные причины и может рассматриваться как фонетическая инновация, сохраняющая устойчивую тенденцию к употреблению во всех слоях общества на территории своего распространения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Anuario del Instituto Cervantes. El español en el mundo 2019 [Recurso electrónico]. – Modo de acceso: https://www.cervantes.es/lengua_y_ensenanza/hispanismo/anuario-del-instituto-cervantes.htm – Fecha de acceso : 12.02.2020.
2. Яковлева, С. А. Испанский язык как полинациональный / С. А. Яковлева // Ученые записки Национального общества прикладной лингвистики. – 2013. – № 3 (3). – С. 86–96.
3. Яковлева, С. А. Лингвистическая историография и геолингвистика испанского языка: Монография / С. А. Яковлева – М. : ТЕЗАУРУС, 2013. – 204 с. [Электронный ресурс] – Способ доступа : https://www.academia.edu/38963413/Лингвистическая_историография_и_геолингвистика_испанского_языка_монография – Дата доступа : 12.03.2020.
4. Rivas Zancarrón, M. Tendencias fonéticas en el español coloquial / M. Rivas Zancarrón, V. Gaviño Rodríguez. – Hildesheim : Georg Olms Verlag AG, 2009. – 154 p.
5. Моисеенко, С. И. Геминированные согласные в испанском языке: (диахрония и синхрония): дис. ... канд. филол. наук : 10.02.05 / С. И. Моисеенко. – Минск, 1980. – 218 л.
6. Azofra, E. Revolución fonológica en español clásico: una explicación multimedia [Recurso electrónico]. – 2012. – Modo de acceso: <https://morflog.hypotheses.org/272> . – Fecha de acceso : 12.02.2020.

Д. Т. Поздеева

г. Москва, МГЛУ

РАЗЛИЧИЯ В ЛОКАЛИЗАЦИИ СЛОВЕСНОГО УДАРЕНИЯ В РЕЧИ ЖИТЕЛЕЙ КАНАДСКИХ ПРОВИНЦИЙ ОНТАРИО И КВЕБЕК

В более ранних исследованиях, посвященных региональной вариативности канадского варианта английского языка, на первый план выходят, как правило, наиболее явные различия на лексическом, грамматическом и произносительном уровнях, позволяющие не только систематизировать черты, характерные для всего варианта в целом, но и определить границы внутренних диалектов [1]. Например, в «Словаре Канадианизмов» собраны специфические слова, заимствованные англоязычным населением Канады из языков Североамериканских племен [2], а в качестве наиболее типичных произносительных особенностей принято выделять Canadian Shift и Canadian Raising [3].

Не меньшего внимания заслуживает также и региональная специфика функционирования английского языка. В данной области интерес представляет сопоставление двух его разновидностей: английского языка, который используется жителями англофонной провинции Онтарио, и английского языка, который используется жителями франкофонной провинции Квебек. Ч. Боберг подробно описал, насколько сильным оказалось влияние французского языка на английский в Квебеке: одним из доказательств является пласт галлицизмов, которые позволяют выделить квебекский английский в отдельный диалект [4].

Словесное ударение также выступает в роли фактора, позволяющего разграничить не только национальные варианты, но и типы произношения внутри одной страны. Несмотря на то, что в целом акцентная система английского языка признана одной из наиболее стабильных языковых подсистем, детальный анализ позволяет установить присущую ей некоторую степень вариативности [5; 6; 7].

В данной работе мы рассматриваем различия в локализации словесного ударения в речи жителей канадских провинций Онтарио и Квебек. В качестве предпосылок исследования выступают следующие положения.

1. Установленная ранее специфика канадского словесного ударения предполагает не только своеобразное сочетание британо-американских черт, но и наличие типично канадских явлений. В то же время представляется необходимым изучить, насколько существенной является разница в акцентуации слов в речи жителей двух близких территориально, но непохожих с точки зрения использования английского языка регионах – англофонном Онтарио и франкофонном Квебеке.

2. Одной из косвенных предпосылок исследования является введение и активное распространение в Канаде языковой программы «Official Languages in Education Program», способствующей приоритетному изучению французского языка в англоязычных провинциях, в то время как в Квебеке английский язык по-прежнему считается языком национальных меньшинств [10].

3. С точки зрения типологического деления английский и французский языки демонстрируют существенные различия, что может, в свою очередь, способствовать проявлению межъязыковой интерференции.

Результатом проведения интерактивного опроса¹, участниками которого стали представители англофонного, франкофонного и аллофонного населения Канады, стал вывод о том, что англофоны ориентируются в основном на канадский произносительный вариант, в то время как для франкофонов предпочтительным стал британский вариант. Особенностью канадской акцентной нормы является частотное использование акцентной структуры *главное ударение + ритмическое ударение*, при этом два типа ударений рас-

---

¹ Опрос включает в себя около 90 высокочастотных слов, акцентные модели которых различаются в британском, американском и канадском вариантах языка. Информантам была предоставлена возможность расставить ударения (главное и второстепенное) в соответствии с тем, как бы они произнесли эти слова.

положены, как правило, на противоположных краях слова, например, главное ударение – на первом слоге, ритмическое – на предпоследнем. Британская акцентная норма предписывает более частотную локализацию главного ударения на первом слоге, при этом ритмическое ударение, расположенное после главного, встречается относительно редко [8].

Что же касается результатов аудиторского эксперимента, в ходе которого мы изучили локализацию ударений в многосложных словах в речи 10 жителей Онтарио и 10 жителей Квебека, то в целом результаты выглядят несколько иначе. В обеих группах информантов более часто встречаются многосложные слова, в которых есть только главное ударение. Относительно слов с ритмическим ударением прорисовывается следующая тенденция: в речи жителей Квебека предтоническое ритмическое ударение наблюдается чаще, чем в речи жителей Онтарио; обратное соотношение характерно, соответственно, для посттонического ритмического ударения. Таким образом, для франкофонной английской речи типично смещение большей выделенности слога к концу слова, что объясняется влиянием французского языка, в котором ударение всегда падает на последний слог в слове или в синтагме.

Важным фактором при рассмотрении локализации словесного ударения в английском языке является и положение исследуемого слова относительно границ синтагмы. Для речи жителей обеих провинций наблюдается прямая зависимость: чем ближе слово расположено к правой границе синтагмы, тем более вероятно, что в нем будет локализоваться не только главное, но и ритмическое ударение.

Исследователи, занимающиеся изучением канадского варианта французского языка, утверждают, что он имеет ряд характеристик, отличающихся от традиционного варианта и наиболее выраженно проявляющихся на произносительном уровне. В частности, относительно выделения ударных слогов было установлено, что «внутри ритмических групп неударные слоги длиннее, а ударный слог менее долог, чем в речи французов. Различие по времени произнесения особенно заметно в звучании предударного и ударного слогов: ударный слог короче, а предударный значительно длиннее по сравнению с нормативным французским произношением. В результате предпоследнее слово, с точки зрения француза, оказывается как бы выделенным» [9, с. 150]. Схожая тенденция наблюдается и в английской речи франкофонов: длительность слога, на котором локализуется предтоническое ритмическое ударение, как правило, больше, чем слога с главным ударением, расположенного ближе к концу слова. Лишь в нескольких случаях наблюдается значительное удлинение последнего ударного слога, связанное, скорее, со спецификой неподготовленной речи. В основном выделенность слога с главным ударением в конце слова достигается за счет изменения высоты тона, причем у женщин-дикторов это, как правило, восходящий тон, а у мужчин-дикторов – нисходящий.

Для речи жителей Онтарио характерно, как уже отмечалось, более частотное использование акцентной модели с главным ударением в начале слова и посттоническим ритмическим – в конце. При этом выделенность главного ударения происходит в основном за счет изменения высоты тона, а посттонического – за счет удлинения слога.

Очевидно, что в речи жителей провинций Онтарио и Квебек есть как схожие черты – преобладание акцентных моделей с главным ударением, увеличение вероятности появления ритмического ударения в конце синтагмы, так и различия – для Квебека более типично предтоническое ритмическое ударение, для Онтарио – посттоническое ритмическое ударение. Полученные данные позволяют сделать вывод о том, что сосуществование английского и французского языков привело к интересному симбиозу тенденций, проявляющихся, во-первых, в локализации английского словесного ударения, и, во-вторых, в средствах его выделенности.

С точки зрения локализации ударений, частотность моделей с главным ударением свидетельствует о наличии германской рецессивной тенденции. В то же время причиной частотного использования ритмического ударения может быть влияние французского языка, что подтверждается преобладанием предтонического ритмического ударения и, соответственно, более явного и тяготеющего к концу слова главного ударения в речи жителей Квебека, где интерференция с французским языком сильнее, чем в англофонном Онтарио, для которого типично посттоническое ритмическое ударение.

С точки зрения выделенности главноударных слогов, в речи как франкофонов, так и англофонов она достигается в большинстве случаев посредством изменения высоты тона, что свидетельствует о том, что жители обеих провинций используют, скорее, «английские акустические ключи», т.к. французское ударение характеризуется только удлинением слога, а английское – иерархией ключей, где на первом месте чаще оказывается изменение высоты тона. Следовательно, мы можем предположить, что на уровне локализации и выделенности словесного ударения в речи франкофонов и англофонов происходит взаимовлияние и перенос правил из французского языка в английский и наоборот; результатом этого непрекращающегося процесса стало многообразие форм существования одного языка на смежных территориях.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Шевченко, Т. И.* Социофонетика. Национальная и социальная идентичность в английском произношении. / Т. И. Шевченко. – Изд. 2-е, доп. – М.: Ленанд, 2016. – 240 с.
2. *Telfer G.* Dictionary of Canadianisms: how to speak Canadian, eh! / G. Telfer // Folklore Publishing, 2009. – 352 p.
3. *Boberg, Ch.* The English Language in Canada / Ch. Boberg. – Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2010. – 272 p.
4. *Boberg, Ch.* English as a Minority Language in Quebec / Ch. Boberg // World Englishes. – New Jersey: Wiley, 2012. – P. 493–502.
5. *Буряя, Е. А.* Словесное ударение в канадском варианте английского языка в мультикультурном мире / Е. А. Буряя // Вестн. Моск. гос. лингвист. ун-та. – 2019. – № 821. – С. 9–23.
6. *Шевченко, Т. И.* Фонетическая форма и частотность «третичного» ударения в британском, американском и канадском вариантах английского языка / Т. И. Шевченко, Д. Т. Поздеева // Вестн. Моск. гос. лингвист. ун-та. – 2019. – № 821. – С. 259 – 269.

7. *Berg, T. Stress Variation in British and American English / T. Berg // World Englishes. – 1999. – Vol. 18, № 2. – P. 123–143.*
8. *Поздеева, Д. Т. Канадская идентичность в словесном ударении / Д. Т. Поздеева // Вестн. Моск. гос. лингвист. ун-та. – 2017. – № 771. – С. 67–80.*
9. *Вишневская, Г. М. Канадский языковой разлом (англо-французский билингвизм) / Г. М. Вишневская, А. А. Абызов. – Иваново : ИВГПУ, 2016. – 200 с.*
10. *Hayday, M. Bilingual Today, United Tomorrow / M. Hayday. – McGill-Queen's Univ. Press, 2005. – 256 p.*

И. Я. Селютина

г. Новосибирск, ИФЛ СО РАН

АРТИКУЛЯЦИОННЫЕ КОДЫ ЯЗЫКОВ НАРОДОВ СИБИРИ КАК ОБЪЕКТ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Артикуляционно-акустическая база (ААБ) как система произносительных навыков в совокупности с их акустическими эффектами является одной из основных лингвистических универсалий, определяющих культурный код этноса.

Целью инструментальных исследований звуковых систем языков миноритарных народов Сибири, осуществляемых с 1960-х гг. сибирскими фонетистами, является изучение артикуляционных баз этносов и выявление принципов структурно-таксономической организации сегментных и суперсегментных составляющих фонетических систем, общность и специфика которых детерминирована особенностями ААБ.

ААБ как динамический стереотип, формирующийся на ранней стадии существования этноса, видоизменяясь, сохраняется в своих доминантных чертах до тех пор, пока этническая общность не утрачивает компактность проживания [1]. Эта способность к закреплению ААБ в коллективном сознании этноса, к передаче из поколения в поколение делает её не только одним из наиболее информативных исторических и лингвистических источников, но и хранителем культурного кода, важнейшим маркером этноязыковой идентичности [2].

Актуализация теории ААБ как информационного источника в области культурной антропологии возможна лишь при достаточной разработанности типологической классификации ААБаз, основанной на корректном и всестороннем описании потенциальных доминант – определяющих артикуляционных настройках в единстве с их акустическими соответствиями.

ААБ складывается из следующих компонентов: консонантизм – С, вокализм – V, силлабика – S, гармония гласных – H, акцентуация – A, тональность – T, ритмомелодика – R□M. Объём понятия «артикуляционно-акустическая база» можно представить в виде формулы: ААБ {CVS(H)A(T)R□M}.

Потенциальными детерминантами ААБаз являются следующие соматические параметры: 1. Степень напряженности: 1) согласных: а) сильный / слабый/сверхслабый; б) слабый / сверхслабый; 2) гласных: а) сильный / слабый; б) слабый / сверхслабый. 2. Глухость / звонкость: глухой /звонкий / сонорный. 3. Степени длительности: 1) согласных: долгий / краткий / долготно-неопределённый; 2) гласных: а) долгий / краткий / сверхкраткий; б) долгий / краткий. 4. Аспирированность/неаспирированность. 5. Артикуляторная рядность: 1) согласных: губной/переднеязычный/ среднеязычный/ межзубно-язычный/ заднеязычный/велярно-увулярный/верхнефарингальный / нижнефарингальный/эпиглоттальный/ гортанный; 2) гласных: переднерядный / центральнорядный / центральнозаднерядный / заднерядный / смешаннорядный. 6. Тип переднеязычной настройки согласных: апикальный/какуминальный / ретрофлексный/дорсальный. 7. Тип активности артикулирующих органов. 8. Преградность (согласные): 1) смычность; 2) щелинность; 3) вибрантность; 4) смычно-щелинность. 9. Сочетаемость согласных. 10. Работа дополнительного активного органа: 1) лабиализация (круглая, плоская); 2) палатализация; 3) веляризация; 4) назализация; 5) фарингализация; 6) аспирация. 11. Акцентуация: 1) локализация ударения; 2) тип ударения. 12. Силлабика. 13. Гармония гласных (сингармонизм): 1) по твердорядности // мягкорядности (палатальная); 2) по твердорядности (// мягкорядности) // нейтральнорядности (палатальная); 3) по лабиализованности // нелабиализованности (лабиальная); 4) по фарингализованности // нефарингализованности (фарингальная). 14. Ритмомелодика. 15. Тоны [1; 3, с. 38–46].

Поскольку адекватное описание особенностей произносительных укладов носителей языков и определение места фонико-фонологических систем в типологической классификации можно получить лишь с применением объективных инструментальных методов, фонетисты Сибири используют комплексную междисциплинарную методику, включающую как собственно лингвистические методы фонологического анализа, так и экспериментально-фонетические методы рентгено-, дентопалато-, лабио-, лингвографирования. С 2009 г. используется высокотехнологичный метод МРТ. При проведении акустических исследований применяются компьютерные программы создания и обработки звуковых файлов Speech Analyzer, Praat и др.

Инструментальные данные по фонетике языков различных семей – тюркских, монгольских, тунгусо-маньчжурских, самодийских, обско-угорских, енисейских и палеоазиатских, описанные и интерпретированные в монографиях и статьях в журналах и сборниках научных трудов [см. список публикаций: <https://www.philology.nsc.ru/departments/lefi/books/index.php>], послужили теоретической и фактологической базой для теоретических обобщений.

Сопоставительно-типологические исследования с использованием данных инструментальной фонетики свидетельствуют о том, что в языках народов Сибири функционируют 4 типа консонантных систем: 1) системы, структурируемые оппозицией по степени напряженности артикулирующих органов,

представленные двумя подтипами: а) системы с бинарной оппозицией слабых и сверхслабых согласных (уральские угро-самодийские языки: энецкий, ненецкий, нганасанский, селькупский, хантыйский) и б) системы с тройным противопоставлением сильных, слабых и сверхслабых согласных (байкало-саянские тюркские и монгольские языки: тувинский, тофский, уйгуро-урянхайский, саларский, сарыг-югурский; халха-монгольский, калмыцкий); 2) системы, базирующиеся на противопоставлении по количественному признаку: краткие, долгие и долготнонеопределенные консонанты (тюркские языки алтае-саянского региона: алтайский, теленгитский, бачатско-телеутский, кумандинский, чалканский, тубинский; сагайский диалект хакасского языка); 3) системы с оппозицией по звонкости-глухости (северные сибирские тюркские языки: якутский, долганский; тунгусо-маньчжурские языки); 4) системы, структурируемые тройной оппозицией по положению гортани и языка: эйективные / нейтральные / инъективные артикуляции, построенные на противопоставлении согласных по глоттализованности / неглоттализованности (шорский, барабинско-татарский языки) [4; 5; 6, с. 16–22].

Обобщение результатов исследований систем артикуляторных укладов как аккумуляторов, хранителей и трансляторов культурной памяти свидетельствует о типологической общности структурной организации консонантных систем в алтае-саянских тюркских и в угро-самодийских языках: для ААБ этих языков неприемлема сильная напряженность речевого аппарата. Система согласных, организованная оппозицией по краткости / долготе / долготнонеопределенности, впервые выявленная на материале алтайского языка, была позднее зафиксирована в ряде тюркских алтае-саянских идиомов. Эта система интерпретируется как результат ассимиляции тюрками предшествующего нетюркского – угро-самодийского населения. Оппозиция согласных по слабости / сверхслабости с противопоставлением слабых по краткости / долготе есть результат адаптации угро-самодийской субстратной системы, сохранившей в коллективной исторической памяти этноса представления о двойном противопоставлении согласных по напряженности как артикуляторном коде, как константе этнической идентичности, к тюркской суперстратной системе с тройной оппозицией сильных / слабых / сверхслабых консонантов, детерминированной особенностями ААБ древних тюрков. Неприемлемая для угро-самодийцев сильная тюркская артикуляция реализовалась в новом тюркском диалекте как долгая, оппозиция по напряженности трансформировалась в оппозицию по длительности. Культурно-историческая память субстратного этноса как основа этноязыкового сознания предопределила перестройку фонологической системы нового усвоенного языка, изменив её место в типологической классификации [7, с. 9].

В тюркских языках байкало-саянского региона – тувинском и тофском – консонантизм сохранил в различной степени особенности пратюркской системы с тройной противопоставленностью единиц по степени напряженности. Аналогичная система свойственна и халха-монгольскому языку. Такое сходство послужило основанием для выдвижения гипотезы о том, что монголы центральных

аймаков – тюрки по происхождению, а ААБ современных халха-монголов – это преобразованная база древних тюрков с тройным противопоставлением по степени мускульного напряжения речевого аппарата. В шорском языке напряженность – характеристика, сопутствующая признаку глоттализованности / неглоттализованности согласных, который может быть наследием кетского субстрата или палеосибирского состояния. В барабинско-татарском языке степень напряженности коррелирует с релевантным для консонантизма наличием / отсутствием фарингализации. В результате преобразования пратюркской системы согласных в языке современных калмаков оппозиция по напряженности сохранилась лишь для пары гуттуральных фонем.

Приведенные данные указывают на то, что современные тюркские языки и диалекты Южной Сибири сохранили отчетливые рефлексy более древней пратюркской системы, трансформировавшейся в процессе исторического контактирования этносов, имеющих различные ААБ. Выявленные пересечения в структурно-таксономической организации консонантных систем в сибирских языках свидетельствуют об общности артикуляторных кодов, об определенной архетипической константе сопоставляемых лингвокультур. Инновационная специфика в их реализации, обусловившая модернизацию систем, это следствие многообразия путей развития сравниваемых этносов и их языков.

Таким образом, результаты исследований особенностей ААБ носителей алтае-саянских идиомов и специфики структурной организации консонантных систем свидетельствуют о наличии глубинных связей между фонико-фонологическими системами и культурно-исторической памятью этносов. Фиксируемая на современном синхронном срезе специфика звуковых систем сформировалась благодаря тому, что артикуляционные уклады, сложившиеся на ранней стадии существования этносов и сохранявшиеся на протяжении веков в своих основных доминантных характеристиках даже при переходе этносов на другие языки, выполнили функцию аккумуляторов, хранителей и трансляторов социально-исторического опыта предшествующих поколений. Этнические и языковые пересечения, взаимодействия и взаимовлияния, имевшие место в прошлом народов, сохранились в языковом сознании, реализуясь, в частности, в артикуляционно-акустических параметрах речи нынешних алтае-саянских тюрков. ААБ как система кодирования и передачи этнолингвистической информации другим поколениям общности является одним из маркеров культурно-языковой идентичности в оппозиции «свой – чужой».

ЛИТЕРАТУРА

1. *Наделяев, В. М.* К типологии артикуляционно-акустических баз (ААБ) [Текст] / В. М. Наделяев // Фонетические структуры в сибирских языках : сб. науч. ст. ; редкол.: Е. И. Убрятова (отв. ред.) [и др.]. – Новосибирск, 1986. – С. 3–15.
2. *Селютина, И. Я.* Артикуляционно-акустические базы южносибирских тюркских этносов как фактор культурно-языковой идентичности / И. Я. Селютина,

- А. А. Добринина // Этнокультурная идентичность народов Сибири и сопредельных территорий : сб. науч. ст. ; редкол.: Е. Ф. Фурсова (отв. ред.) [и др.]. – Новосибирск : Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2019. – С. 516–519.
3. *Артикуляторные базы коренных тюркских этносов Южной Сибири (по данным МРТ и цифровой рентгенографии)* : / Н. Н. Широбокова [и др.] ; СО РАН ; отв. ред. Н. Н. Широбокова. – Новосибирск : Изд-во СО РАН, 2012. – 372 с.
  4. *Наделяев, В. М.* Выступление на координационном совещании «Методы изучения тюркских языков» / В. М. Наделяев // Вопросы методов изучения тюркских языков. – Ашхабад, 1961. – С. 193–197.
  5. *Уртегешев, Н. С.* Шумный консонантизм шорского языка (на материале мрасского диалекта) / Н. С. Уртегешев. – Новосибирск : РИЦ НГУ, 2002. – 304 с.
  6. Пути формирования лингвистического ландшафта Сибири / отв. ред. Н. Н. Широбокова. – Новосибирск : ИД «Ника», 2005. – 197 с.
  7. *Селютина, И. Я.* Общие черты консонантизма в языках аборигенов Западной Сибири / И. Я. Селютина // Язык как исторический источник. – Новосибирск, 1983. – С. 4–14.

БЛАГОДАРНОСТЬ: Исследование выполнено в рамках проекта Института филологии СО РАН «Культурные универсалии вербальных традиций народов Сибири и Дальнего Востока: фольклор, литература, язык» по гранту Правительства РФ для государственной поддержки научных исследований, проводимых под руководством ведущих ученых (соглашение № 075-15-2019-1884).

В. В. Яскевич, Ю. В. Дашкевич
г. Минск, МГЛУ

ФОНЕТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ АНГЛИЙСКИХ ЗАИМСТВОВАНИЙ В РОДСТВЕННЫХ И НЕРОДСТВЕННЫХ ЯЗЫКАХ

В современном глобализованном мире английский язык стал средством международного общения, поэтому неудивительно, что в большом количестве языков можно обнаружить английские заимствования. Независимо от того, в какой язык попадают английские слова, они в той ли иной мере проходят процесс фонетической адаптации и часто получают новый буквенный и/или фонемный состав. Результат этого процесса для одних и тех же слов, заимствованных из одного источника, но в разные языки, может значительно отличаться. Поэтому логично предположить, что масштаб изменений, происходящих в ходе фонетической адаптации заимствований, может зависеть от степени родства языков. Таким образом, интерес для научного исследования представляет взаимосвязь, с одной стороны, факторов, которые влияют на процесс фонетической адаптации, и объема произошедших изменений и, с другой стороны, степени родственности взаимодействующих языков.

Для проведения сравнительного анализа нами были отобраны немецкий, русский и корейский языки, так как они обнаруживают разную степень род-

ства с английским языком. Английский и немецкий языки относятся к германской группе индоевропейской языковой семьи; русский язык – к славянской группе индоевропейской семьи; корейский язык – к алтайской языковой семье.

Немецкий язык относится к той же группе и семье языков, что и английский, таким образом, они являются близкородственными. В немецком языке можно найти большое количество англицизмов. Они в наибольшей мере подвержены не фонетическим, а морфологическим изменениям. Например, глаголы получают суффикс -en и немецкую парадигму спряжения: *downloaden – downloadete – gedownloadet*. Все существительные получают род: *die Party, das Design, der Golf*.

В процессе их фонетической адаптации происходит минимальное количество изменений, так как большинство фонем в английском и немецком языках схожи. Кроме того, в адаптированных словах сохраняются звукобуквенные соответствия, что особенно заметно на примере некоторых графем, которые в немецком читаются не так, как в английском. Например: *der Freak* /fri:k/, *das Team* /ti:m/, *surfen* /'sœ:fn/. Заимствования также полностью сохраняют свой буквенный состав, включая буквосочетания, не свойственные немецкому языку, например: -sh- (*die Show*), -oi- (*der Spoiler*) [1, с. 14].

Тем не менее, можно выделить ряд наиболее частых изменений, например, в немецком языке согласные оглушаются в конце слов, и это правило переносится на заимствования из английского: *live* /laɪf/, *Boys* /bɔɪs/, *Hood* /hʊt/. Многие гласные в немецком и английском произносятся приблизительно одинаково, однако, фонема /æ/ не имеет эквивалентов в немецком и заменяется на /ɛ/: *Handy* /hɛndi/, *campen* /kɛmpən/, *Band* /bɛnt/ [2, с. 9].

В немецком языке существует два способа реализации английского фонемы /ɾ/. После смычных и щелевых перед ударными гласными и после кратких ударных гласных произносится /ɾ/ – увулярный сонорный вибрانت: *grillen* /'grɪlən/, *der Stress* /ʃtrɛs/. Этот же звук произносится обычно в начале слов, но в случае с англицизмами наблюдается тенденция сохранять английский плавный сонорный: *die Rushhour* /'raʃʔaʊə/.

Вокализованный вариант /ɐ/ произносится после долгих гласных в конце слов или слогов, а также, если на письме соответствует сочетанию *er* в конечной позиции в слове, или когда после него следуют согласные. Например: *die Party* /'pa:ɐti/, *der Store* /sto:ɐ/, *das Internet* /'intenɐt/, *der Browser* /'braʊzɐ/.

Акцентная структура заимствованных слов остается неизменной, так как в немецком и английском языках одинаковый тип ударения – динамический. Таким образом, английские слова заимствуются в немецкий язык без каких-либо глобальных изменений в буквенном и фонемном составе или в акцентной структуре.

Русский язык также относится к индоевропейской семье, но, в отличие от английского, к славянской группе. Фонологические системы этих языков значительно отличаются как качественно, так и количественно: в русском языке всего 6 гласных, их дифференциальными признаками являются ряд,

подъем и лабиализация, оппозиций по долготе-краткости гласного не существует. Тем не менее, при фонетической адаптации англицизмов довольно легко подбираются соответствия английским гласным: пары гласных, противопоставленных по долготе-краткости, передаются одной типологически схожей фонемой. Например: /i:/, /ɪ/ – и; /u:/, /ʊ/ – у; /ɔ:/, /ɒ/ – о; /ɑ:/, /ʌ/ – а. Дифтонги разделяются на два самостоятельных элемента и передаются двумя фонемами: /diˈzain/ – *дизайн*, /skeɪt/ – *скейт*, /ˈbraʊzə/ – *браузер*.

В системе русских согласных, в отличие от английского языка, палатализация является дифференциальным признаком, и большинство согласных образуют бинарные оппозиции «твердый – мягкий». Это отражается на заимствованных английских словах, где согласные перед йотированными гласными и фонемой и палатализуются: *community* ‘комьюнити’, *interview* ‘интервью’. Несмотря на то, что большинство согласных в обоих языках либо идентичны, либо перцептивно схожи, можно выделить несколько английских фонем, не имеющих эквивалентов в русском: /ŋ/, /ð/, /θ/ и /w/. Для их передачи подбираются варианты, наиболее близкие по звучанию: /ˈsænwɪtʃ/ – *сэндвич*, либо соответствующие написанию: /ˈmɪtɪŋ/ – *митинг*. Значительно изменяются слова, в которых есть фонема /r/ – в английском языке это заальвеолярный плавный щелевой сонорный, а соответствующая ей фонема в русском языке – альвеолярный дрожащий сонорный. Кроме того, в русском варианте слов звук /r/ произносится во большинстве слов, где в оригинале на письме была буква r: *computer* /kəmˈpjʊtə/ ‘компьютер’, *popcorn* /ˈpɒrkɔ:n/ ‘попкорн’, *hamburger* /ˈhæmbɜ:gə/ ‘гамбургер’. Как и в немецком языке, звонкие согласные на конце слова в русском языке оглушаются: *блог* /блок/, *бренд* /брэнт/.

В простых словах, заимствованных из английского в русский, локализация ударения в большинстве случаев не изменяется. Однако акцентная структура изменяется в сложных словах: /ˈnəʊtbʊk/ – *ноутбук*, /ˈbɪznəsmæn/ – *бизнесмен*, /ˈsu:pəma:kɪt/ – *супермаркет*, /ˈkɒpraɪtə/ – *копирайтер*, /ˈfʊtbɔ:l/ – *футбол*. Ударение смещается во вторую часть только в словах, где ударным изначально был первый слог, потому что в русском языке в сложных словах ударение всегда падает на вторую часть. Таким образом, наблюдается тенденция сохранять русскую модель акцентной структуры сложных слов.

Тем не менее, несмотря на перечисленные выше различия, англицизмы сохраняют высокую степень сходства с оригиналом.

Корейский язык был выбран по той причине, что он относится к алтайской языковой семье, то есть не является родственным с английским, но, тем не менее, насчитывает большое количество англицизмов. Они составляют более 90% всех заимствований в корейском языке [3, с. 12–13].

В процессе фонетической адаптации заимствования претерпевают многочисленные изменения, уже начиная с буквенного состава. В корейском языке слоги значительно важнее отдельно взятых фонем, так как корейский является языком слогового типа. Это отражается даже на письме: алфавит

корейского языка приспособлен только, чтобы записывать слова четко различимыми блоками, которые совпадают со слогами. Обобщенно структуру корейского слога можно представить как (C)(G)V(C), где в начале слога может находиться только одна согласная и одна полугласная (как элемент дифтонга), а в конце слога – только одна согласная [3, с. 13]. В начале слова в корейском языке сочетания двух согласных не встречаются, а сочетания трех и более согласных недопустимы в любой позиции. Таким образом, структуры слов в корейском языке более ограничены по своей фонотактике по сравнению с английскими словами в связи с особенностями дистрибуции согласных. В конечной позиции в слове могут находиться только семь согласных фонем: *p, t, k, l, m, n, ng*. Сочетания двух согласных встречаются только в интервокальной позиции, и они также сильно ограничены, поскольку первым элементом могут быть только согласные *p, k, l, m, n, ng* [4, с. 383]. В связи с указанной слоговой спецификой и дистрибутивными особенностями, английские слова не воспроизводятся фонема за фонемой, а «подстраиваются» под существующие модели слогов. Чтобы сохранить все согласные, их делят на несколько слогов с помощью гласной *eu*, из-за чего слова становятся длиннее на 1-4 слога.

Фонологическая система корейского языка тоже сильно отличается от английской. Корейские гласные не дифференцируются по признаку долготы-краткости. Как и в русском языке, пары «долгий – краткий» заменяются на один «усредненный» вариант; дифтонги разделяются на две самостоятельные фонемы, либо сохраняется только ядро дифтонга.

Как в корейском, так и в английском языке согласные противопоставлены друг другу по силе артикуляции. Однако в корейском языке все шумные согласные являются глухими, и противопоставляются по наличию или отсутствию придыхания или геминации. Большинство английских согласных образуют бинарные оппозиции: /g/ – /k/, /z/ – /s/, /v/ – /f/ и т.д., но в корейском языке оппозиции состоят из трех элементов (слабый – напряженный – придыхательный): *g-kk-k, b-pp-p, j-jj-ch*. Кроме того, в корейском нет эквивалентов некоторым звукам, например, /z/, /ʒ/, /ʃ/, /v/, /f/, /θ/, /ð/, из-за чего они заменяются на наиболее близкие по месту артикуляции, однако облик английского слова при этом абсолютно искажается. Например: /'deɪzi/ – *de-i-ji*; /'telɪvɪʒn/ – *tel-le-bi-jeon*; /'vɪtəmin/ – *bi-ta-min*; /'θæŋk ju:/ – *ttaeng-kyu*. Можно выделить всего пять согласных фонем, которые идентичны в корейском и английском языках: /s/, /h/, /m/, /n/, /ŋ/.

Существенные изменения претерпевают слова с фонемами /r/ и /l/. В корейском языке на письме они передается одной буквой, которая, однако, реализуется двумя звуками – *r, l*, где *r* – одноударная дрожащая сонорная. Эти фонемы находятся в комплементарной дистрибуции; *r* произносится в начале слога и перед гласными, и как *l* – в конечной позиции в слоге, перед согласными, а также если она удваивается [4, с. 381–382]. Например: *ri-bon, re-mon, me-il, bol-pen, mel-lo*.

Еще одной трудностью в процессе фонетической адаптации заимствований представляется словесная просодия. В корейском языке преобладает мелодический тип ударения, но оно не является средством смысловоразличения и выполняет лишь нормативно-произносительную функцию [5, с. 22]. Отсюда следует, что английские слова в процессе заимствования полностью теряют свою акцентную структуру.

В качестве наглядной демонстрации описанных выше тенденций в адаптации английских слов можно привести примеры одного и того же слова, заимствованного во все три языка:

browser /'braʊzə/	Browser /'braʊzɜ:/	бра́узер	브라우저 beu-ra-u-jeo
deadline /'dedlaɪn/	Deadline /'dɛdlaɪn/	дедла́йн	데드라인 de-deu-ra-in
interview /'intəʋju/	Interview /'intəʋju:/	интерв́ью	인터뷰 in-teo-byu
manager /'mænɪdʒə/	Manager /'mɛnɪdʒɜ:/	мэне́джер	매니저 mae-ni-jeo

В результате сравнительного анализа можно сделать вывод, что процесс фонетической адаптации английских слов в разных языках происходит неравномерно в зависимости от того, в какой степени родства находятся взаимодействующие языки. Близкородственные языки обладают схожей фонологической системой, поэтому происходит минимальное количество изменений. Чем дальше друг от друга языки, тем больше обнаруживается отличий как в звуковом плане, так и в правилах фонотактики, которые в итоге определяют конечный результат процесса фонетической адаптации.

ЛИТЕРАТУРА

1. *De Ridder, D.* English loanwords in German media: a quantitative and qualitative analysis based on a corpus of articles between September and November 2013 [Electronic resource] / D. De Ridder, L. Jooker // Master of Arts in Translation Thesis. Universiteit Gent, 2014. – Mode of access: https://lib.ugent.be/fulltxt/RUG01/002/162/256/RUG01-002162256_2014_0001_AC.pdf. – Date of access: 13.02.2020.
2. *Lane, M.* English Loans in German and the Borrowing of Meaning [Electronic resource]. – Mode of access: https://www.swarthmore.edu/sites/default/files/assets/documents/linguistics/2012_Lane.pdf. – Date of access: 13.02.2020.
3. *Sohn, H. M.* The Korean Language / H. M. Sohn. – Cambridge : Cambridge University Press, 2001. – 468 p.
4. *Tranter, N.* The phonology of English loan-words in Korean / N. Tranter // Word. – 2000. – № 51:3. P. 377–404.
5. *Баландюк, Ю. В.* Просодическое устройство слова в корейском языке (на материале двуслога) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.22 / Ю. В. Баландюк ; Моск. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова. – М., 2003. – 23 с.

АСПЕКТЫ ФОНЕТИЧЕСКОЙ ИНТЕРФЕРЕНЦИИ

Э. Е. Блок

г. Москва, НИУ ВШЭ

РАЗРАБОТКА МЕТОДОВ УСТРАНЕНИЯ ИНОЯЗЫЧНОГО АКЦЕНТА

Иноязычный акцент – «визитная карточка» инофона – неизбежно сопутствует освоению L2, при этом до сих пор крайне мало известно о ментальных механизмах усвоения L2, в том числе и на уровне звуковой репрезентации. Отсутствие понимания ментальных процессов, лежащих в основе овладения L2, во многом определяет современное состояние педагогической практики. Негласная, но повсеместно разделяемая идея заключается в том, что фонетический строй L2 невозможно не освоить, даже не занимаясь фонетикой специально. Этот подход воплощается в современных УМК, разработанных в рамках коммуникативного подхода. В них не предусмотрен вводный фонетический курс, отсутствует постановка произношения как таковая. Фонетический тренинг распределен в малых дозах по учебнику, однако только для начальных уровней освоения, и носит универсальный характер, не адресуясь носителям конкретного L1. Такой подход к постановке произношения противоречит традиционной педагогической практике: в советские годы преподавание иностранного языка, по крайней мере в вузе, неизменно начиналось с системного изучения звукового строя L2. Фонетические упражнения сопровождалась теоретической информацией и выносились в отдельную главу или распределялись по первым главам учебника. В наше время такой подход сохраняется только в языковых вузах, и то не повсеместно. Реальность преподавания L2 с нуля в вузе на сегодняшний день такова: или «стихийное» овладение фонетикой L2 в духе коммуникативного подхода – или подробный фонетический курс, нацеленный на будущих профессионалов в области языка. Промежуточного варианта не просматривается.

Принципы преподавания фонетики L2: новая концепция

Мы считаем, что назрела необходимость в принципиально новых методиках преподавания фонетики L2, в основу которых должны лечь следующие принципы:

1. Опора на результаты исследований в рамках дисциплины «Усвоение второго языка» (Second Language Acquisition). Прежде всего, следует учитывать описанное еще в 70-ые годы XX в. явление фоссилизации: постепенно процесс освоения языка достигает фазы, когда развитие ментальных репрезентаций второго языка прекращается, так и не достигнув уровня носителя [1]. Нужно так конструировать курс фонетики L2, чтобы возникающая норма промежуточного языка изначально была максимально близка произносительной норме L2, а элементы фоссилизации и регресса оперативно устранялись на протяжении всего времени обучения.

2. Опора на L1 обучающихся. Фонетический курс позволяет эффективно «ставить» произношение с учетом конкретного L1. Если учебник универсален (адресован носителям любых L1), то в нем нет приоритизации произносительных феноменов с точки зрения интерференции с L1. В результате фоссилизация перенесенных из L1 произносительных навыков может произойти до того, как у обучающихся появится возможность отрефлексировать артикуляционную и функциональную разницу звука L1 и его «эквивалента» в L2.

3. Масштабируемость, т.е. возможность легко перенастраивать уже разработанный фонетический курс под конкретную образовательную программу (в соответствии с поставленными задачами и выделенными временными ресурсами). Для решения этой задачи должны разрабатываться критерии приоритизации произносительных сложностей, свойственных носителям того или иного L1. Чем больше времени для освоения звукового строя L2 заложено в программу курса, тем большее число сложных для освоения элементов можно будет детально проработать в его рамках.

4. Отказ от применения научной терминологии при обучении иностранному произношению и широкое применение современных фонетических тренажеров. Причина низкой эффективности сложных наукообразных объяснений при обучении практической фонетике заключается в природе процесса речепроизводства как такового. Знание того, как порождаются звуки речи, носит процедурный характер, лежит вне области сознания и в принципе с трудом поддается формулированию языковыми средствами. Сложные описания артикуляционных параметров иноязычных звуков можно заменить аудиовизуальной информацией (демонстрационные ролики) и вербальными описаниями и объяснениями в более обиходном ключе, по возможности без применения лингвистической терминологии. На занятиях и внеаудиторно должны максимально широко использоваться так называемые САРТ-системы (Computer Assisted Pronunciation Training), или компьютерные фонетические тренажеры (о современном состоянии в области разработки и внедрения САРТ-систем см. [2]).

Фонетический эксперимент как основа разработки современного практического курса фонетики L2 в вузе

Для того чтобы выработать принципы разработки масштабируемого курса фонетики немецкого языка для студентов-носителей русского языка, был проведен эксперимент. Группе из 8 носителей русского языка (L1), изучающих немецкий язык (L2), была предложена для прочтения на запись последовательность лексических немецких стимулов, при этом 4 диктора были начинающими (А, первый год обучения) и еще 4 диктора владели немецким на более высоком уровне (В-С, два года обучения языку или больше). Последовательность была составлена таким образом, чтобы в каждом лексическом стимуле содержался один целевой аллофон и все аллофоны L2 были представлены в последовательности равным числом стимулов. Прочи-

танные последовательности были записаны в студии звукозаписи кафедры ТиПЛ филологического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова. Полученный аудиоматериал предлагался к прослушиванию группе из 5 экспертов (преподавателей, лингвистов). Им предлагалось оценить лексические стимулы в произнесении информантов с точки зрения соответствия произносительной норме L2. Индивидуальные аудиторские оценки сводились затем в единую таблицу, где каждый целевой аллофон получал кумулятивную аудиторскую оценку (КАО) нормативности. Просуммировав КАО каждого стимула для диктора можно вычислить его суммарную КАО – это мера нормативности произношения конкретного диктора.

Полученные в ходе эксперимента материалы позволяют грубо оценить, когда в условиях изучения немецкого языка в вузе наступает фоссилизация фонетических навыков. Дикторы из когорты начинающих демонстрируют примерно одинаковый – относительно высокий – уровень нормативности произношения, т.е. высокие значения суммарной КАО. Для дикторов с более высоким уровнем владения L2 (В-С) картина менее однородная: половина демонстрируют примерно те же значения суммарной КАО, что и дикторы начального уровня, а для остальных дикторов фиксируются «провалы» – значительно меньшие значения суммарной КАО. Эти результаты можно трактовать следующим образом: фоссилизация еще не наступила для обучающихся первого года обучения, но она уже налицо для обучающихся на более высоких уровнях владения языком. Для получения более надежных данных о сроках фонетической фоссилизации требуются более масштабные исследования.

Нам представляется, что фонетическая фоссилизация может и должна подавляться. Для этого следует предусмотреть занятия фонетикой на всем протяжении изучения иностранного языка. Применительно к немецкому языку можно предложить следующую стратегию: следует как можно раньше познакомить обучающихся со звуковым строем L2 в рамках краткого вводного фонетического курса (около 2 недель). Такой вводный курс гарантирует ознакомление в общих чертах со звуковым строем L2 заведомо задолго до наступления сроков фоссилизации. В дальнейшем необходимо перейти к поддерживающему режиму: еженедельно в течение всего обучения L2 уделять 15-20 минут проработке фонетического материала. С помощью этой меры можно оперативно бороться с фонетической фоссилизацией.

Для решения задачи масштабирования фонетического курса необходимо ранжировать аллофоны L2 с точки зрения их произносительной сложности для носителей L1. Наиболее сложные звуки в этой шкале должны прорабатываться чаще и подробнее. В целях такой приоритизации следует провести анализ аллофонного инвентаря L2 методами контрастивной лингвистики, пропустив его «через призму» звукового строя L1 [3]. Один и тот же аллофон L2 под влиянием интерференции с L1 может в речи инофона «дрейфовать» в направлении разных звуков L2. Например, изучающие немецкий язык носители русского языка под влиянием русской палатализации будут стремиться в позициях перед гласными переднего ряда «смягчить» практически любой

немецкий согласный. Таким образом, немецкие согласные аллофоны в рамках контрастивного анализа должны рассматриваться в двух позициях – перед гласными переднего ряда и не перед гласными переднего ряда.

В рамках нашего исследования контрастивному анализу был подвергнут консонантизм немецкого языка; было выделено 70 диад вида «немецкий согласный аллофон + его позиция». Именно 70 этих диад легли в основу создания последовательности стимулов для эксперимента: каждый стимул содержал аллофон одной из выделенных диад. По результатам эксперимента был вычислен интерференционный индекс (ИИ) каждой такой диады, т.е. сумма КАО всех дикторов по всем стимулам, репрезентирующим данную диаду. Наконец, все диады были ранжированы по убыванию их ИИ (т.е. от наиболее простых звуков, которые удаются носителям русского языка лучше всего, к более проблемным, наименее соответствующим в речи русскоязычных инофонов норме немецкого языка).

Полученная консонантная шкала может быть использована как основа для масштабирования фонетического курса немецкого языка. Принципы приоритизации вокалических аллофонов немецкого языка для носителей русского языка пока не определены – это задача будущего. На данный момент идет разработка курса практической фонетики в соответствии с изложенными выше принципами и на основе выявленной консонантной шкалы. На ближайшее будущее запланировано экспериментальное исследование эффективности предложенной методики.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Selinke, L.* Interlanguage / L. Selinke // *IRAL*. – Vol. 10. – 1972. – P. 209–231.
2. *Fouz-González, J.* Trends and Directions in Computer-Assisted Pronunciation Training / J. Fouz-González // *Investigating English Pronunciation* / ed. : J. A. Mompean [et al.]. – Basingstoke, UK; New York, NY, 2015. – P. 314–342.
3. Блок, Э. Е. Прогноз звуковых замен в речи инофона на основе контрастивного лингвистического анализа и эмпирических наблюдений / Э. Е. Блок // *Вестн. Моск. гос. лингвист. ун-та*. – 2014. – №6. – С. 176–188.

Т. К. Кохнович
г. Минск, МГЛУ

ПРОСОДИЧЕСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ПОЛОЖИТЕЛЬНЫХ И ОТРИЦАТЕЛЬНЫХ РЕЧЕВЫХ ДЕЙСТВИЙ В НЕМЕЦКОЙ РЕЧИ СТУДЕНТОВ-ЛИНГВИСТОВ

Для правильного воздействия на партнера и получения ожидаемого результата необходимо не только выбрать соответствующее лексическое наполнение, но и просодически верно его оформить. Просодия служит для выражения разнообразных оценок, показывающих отношение говорящего

к содержанию сообщения и к слушающему. Термин «оценка» рассматривается нами как различие по принципу «хорошо – плохо», поскольку с этими признаками связана основная сфера оценочных значений. Усвоение языковых средств выражения положительных и отрицательных оценок имеет особое значение при обучении иностранному языку. Современные международные контакты требуют подготовки специалистов, профессионально владеющих иностранным языком, максимально приближенным к норме произношения носителей языка. Обладая устойчивыми навыками восприятия и воспроизведения единиц и моделей родного языка, обучаемый употребляет эти единицы и модели в иностранном языке. У. Вайнрайх отмечал, что чем больше различие между языковыми системами, тем больше проблема изучения и область интерференции [1, с. 45]. Другие ученые считают, что родственные языки учить легче, чем дальние, но в этом случае интерференция преодолевается с большим трудом. О. А. Норк указывала, что просодические структуры немецкого языка во многом сходны с русскими. Имеющиеся отличия тонки, что затрудняет восприятие и усвоение немецкой интонации [2, с. 76].

По мнению В. А. Виноградова механизм появления ошибок является одинаковым как при освоении родного языка ребенком, так и при изучении второго языка взрослым человеком [3, с. 55]. В обоих случаях требуется формирование моделей и схем, соотносимых с системой и нормой. Однако при изучении неродного языка необходимо развивать способность отключать систему и норму первого языка, то есть переключать языковые коды. Таким образом, язык становится средством, изменившим психического индивида, способного к иноязычному общению.

Фонетическая интерференция возникает, как и другие виды интерференций, под влиянием когний родного языка. Она проявляется не только при произнесении звуков, но и в просодии фразы. Фонетическая интерференция обусловлена различиями в языковых системах сравниваемых языков, связана с артикуляционной базой родного языка, которая усваивается человеком с самого раннего детства. В связи с обсуждаемой проблемой интерес представляет когнитивная модель просодической интерферируемой системы, предложенная Л. Г. Фомиченко [4, с. 215]. Данная модель включает в себя общую языковую доминанту (менталитет индивида, его энциклопедические знания, лингвистические знания и языковые способности) и просодическую доминанту (тон, громкость, темп). Отсюда следует, что менталитет является доминирующей категорией, влияющей на когнитивные механизмы, участвующие в познавательном процессе. Просодическая интерференция является наиболее сложным типом интерференции, это источник возникновения просодического акцента, который негативно влияет на формирование речевого образа говорящего. Носитель языка обнаруживает принадлежность билингва к другой языковой общности прежде всего по характеру его произношения, то есть, по особой фонетической окрашенности речи, вызванной интерферирующим влиянием фонетики родного языка говорящего. Таким образом,

акцент представляет собой результат или следствие интерференции, своего рода сплав, состоящий из навыков и умений родного и неродного языков, причем интерференция локализована в говорящем, а акцент существует лишь для слушающего. Просодические ошибки, как и грамматические, являются языковыми, однако, просодические ошибки воспринимаются носителем языка как отражение говорящего к выражаемому, и в этом отношении они сродни культурным ошибкам, которые являются результатом переноса явлений родной культуры на культуру изучаемого языка. Просодия не может изучаться изолированно от лексического наполнения, она позволяет соотнести высказывание с его лексическим выражением

Для определения просодической организации положительных и отрицательных речевых действий студентам-лингвистам МГЛУ было предложено:

1. Выразить положительную оценку на просмотренную пьесу в театре (участвовали 10 студентов III курса и 10 студентов V курса).

2. Выразить негативную оценку на плохо написанную учеником контрольную работу (участвовали 10 студентов III курса и 10 студентов V курса).

Каждый испытуемый отвечал на предложенные задания тремя фразами в письменной и устной форме. Эти же задания были предложены двум носителям языка – преподавателям по линии обмена студентов. Всего было реализовано по 60 высказываний положительной и отрицательной оценки. Результаты устных и письменных ответов испытуемых показали следующее:

а) При выражении положительной оценки в речи испытуемых преобладали односложные общеоценочные лексемы *toll*, *wundervoll*, *super* и т.д. (III курс – 50 %, V курс – 30 %). Студенты V курса давали более развернутые ответы, употребляя при этом частнооценочные высказывания, что свидетельствует о более высоком уровне владения языком. Носители языка использовали, в основном, частнооценочные высказывания типа *Die Kostüme waren sehr schön. Der Hauptdarsteller war brillant.*

При анализе устных ответов студентов обеих групп были отмечены некоторые нарушения в акцентно-ритмической структуре фраз, вызванные ударениями в сложных словах, в интернациональных словах, в словах с приставками: *Hauptdarsteller*, *facettenreich*, *Ensemble*, *aufwendig*, *unterschiedlich*. Было выявлено также увеличение числа ударных слогов за счет выделения служебных слов и за счет стоящих рядом двух ударных слогов “*Und 'so 'bin □ich ein □Teil des "'Stückes geworden*”. В редких случаях имел место перенос ударения на начало фразы: *'Das war etwas abso 'lut her 'vorragendes*. Это может быть объяснено влиянием русского языка, в котором безударные предтакты встречаются редко и фразы начинаются с ударного слога.

Изучение тональных признаков фраз, выражающих положительную оценку, показало, что в 70 % случаев фразы характеризовались неполным падением тона, то есть нижняя граница не достигала должной глубины.

Для русских испытуемых признак немецкого низкого тона кажется слишком низким. В двусинтагменных фразах носители языка отмечали падение тона в неконечных синтагмах, что является нетипичным для немецкого языка: *Das war das tollste⁺, was ich mir bisher gesehen hatte.*

Кроме того, носители языка оценивали речь студентов-лингвистов обеих групп как менее выразительную в эмоциональном плане. Эти же фразы в речи носителей языка имели мягкий тембр звучания, что показывало четкое отношение говорящего к высказыванию. Таким образом, тембр выступает как просодический параметр, накладывающийся на речевую мелодию и служащий интенсификатором оценки.

Как показало исследование, в качестве основных средств просодического выражения положительной оценки выступают мелодические и тембровые характеристики.

б) Изучение речи студентов при выражении отрицательной оценки также показало преимущественное употребление односложных отрицательных лексем (III курс – 50 %, V курс – 40 %): *furchtbar, schrecklich* и т.д. В речи носителей языка использовались, в основном, частнооценочные высказывания: *Es gibt viel Nachholbedarf. Leider hast du diesmal viele Fehler gemacht, ich habe mehr von dir erwartet.*

Следует отметить, что письменная и устная речь испытуемых III и V курсов была охарактеризована носителями языка как категоричная, что имеет место в подобных ситуациях в русском языке.

Носители немецкого языка отмечали, однако некоторую неестественность тонального завершения исследуемых фраз. Для немецкого языка характерна максимальная высота первого ударного слога, а другие ударные слоги следуют друг за другом с понижением тона и присоединением безударных слогов к ударным. Недостижение низкого тонального уровня в речи студентов, особенно в односложных высказываниях, обусловило нечеткое выражение интенции говорящего. В данном случае сказывалось влияние русского языка, для которого не характерно интенсивное падение тона в завершении фразы.

При реализации отрицательной оценки студенты V курса использовали риторические вопросы (они составляли 20 % от всего материала), студенты III курса использовали данные вопросы в единичных случаях. Представляется, что описываемая ситуация “вышестоящий – нижестоящий” студентам V курса ближе, чем студентам III курса. Известно, что одним из прагматических значений, выражаемых риторическим вопросом, является негативная оценка, а сами вопросы представляют собой прием психологического воздействия на собеседника. Носители языка отметили, однако, неполную реализацию студентами оценочной функции этих вопросов. В речи носителей языка риторические вопросы характеризовались незначительным повышением тона в конце фразы, что повышало ее эмоциональность. В речи студентов в 60% случаев имело место падение тона. Кроме того, носители языка отмечали недостаточно четко выраженную эмоциональную реализа-

цию исследуемых фраз. Недостаточные способности создавать необходимый для конкретной ситуации прагматический эффект на уровне просодии являются, на наш взгляд, причиной появления просодического акцента.

Проведенное исследование позволяет утверждать, что основными признаками просодической организации положительных и отрицательных речевых действий являются мелодические и тембровые характеристики. Кроме того, иностранный акцент проявляется и в нарушении акцентно-ритмической структуры немецкой фразы.

Изучение речи студентов показало влияние русского языка на реализацию просодического оформления исследуемых фраз. Поскольку интерференция является неотъемлемой частью процесса овладения немецким языком, то обучение необходимо строить на предупреждении ошибок на самом начальном этапе обучения. Совершенствованию произносительных навыков могут способствовать упражнения на осознанное усвоение всех особенностей русского и немецкого языка в сравнительно-сопоставительном плане, в том числе: локализация и контрастность фразовых ударений, модификации тональной структуры фразы в зависимости от ее прагматической направленности, модально-эмоциональные просодические контуры обоих языков.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Вайнрайх, У.* Языковые контакты: состояние и проблемы исследования / У. Вайнрайх ; пер. с англ. Ю.А. Жлуктенко. – Благовещенск : Благовещ. гуманитар. колледж, 2000. – 260 с.
2. *Норк, О. А.* Фонетика немецкого языка / О. А. Норк. – М. : Изд-во Просвещение, 1977. – 143 с.
3. *Виноградов, В. А.* Стратификация нормы, интерференции и обучение языку / В. А. Виноградов // Лингвистические основы преподавания языка : М. : Наука, 1983. – С. 44–65.
4. *Фомиченко, Л. Г.* Когнитивная лингвистика как новый подход к исследованию просодической интерференции / Л. Г. Фомиченко // Лингвистическая мозаика: наблюдения, поиски, открытия : Сборник научных трудов. – Волгоград : Изд-во Волгоград. ун-та, 1998. – вып. 1. – С. 215–223.

Л. В. Рускевич

г. Минск, МГЛУ

ТИПИЧНЫЕ ОТКЛОНЕНИЯ ОТ АУТЕНТИЧНОЙ РЕАЛИЗАЦИИ ЭКСПРЕССИВНОЙ ПРОСОДИИ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ ПРИ ИСКУССТВЕННОМ БИЛИНГВИЗМЕ

В настоящее время исследования фонетической интерференции уделяют повышенное внимание просодическому аспекту речи, его коммуникативной значимости и взаимосвязи с другими подсистемами языка [1]. Анализ просодических (супрасегментных) характеристик устных ответов международных

тестов на знание английского языка показал, что вклад только просодических характеристик в общую оценку уровня владения устной речью на иностранном языке (oral proficiency) и легкости понимания ее смыслового содержания (comprehensibility) достигает 50 % [1].

Фонетические исследования проблемы просодической интерференции позволили выявить типичные отклонения от эталонного произношения носителей языка [3]. Среди всех просодических признаков наибольшее влияние на качество речи на английском языке как иностранном оказывает темп речи, местоположение внутрифразовых границ, словесное ударение (в частности, смещение ударения в двусложных словах с начальной позиции), выбор типа мелодического контура и ядерного мелодического изменения и их конкретная фонетическая реализация [1; 3]. Для овладения иностранным языком, особенно в профессиональном лингвистическом образовании, необходимо сознательное усвоение его просодической системы, обучение которой возможно только в комплексе с обучением другим языковым средствам, по отношению к которым просодия выполняет интегрирующую функцию [3].

В то время как исследования связи просодии и синтаксиса разнообразны и многочисленны, аспект взаимодействия просодии и лексического состава остается недостаточно раскрытым. Мы провели фонетический эксперимент, целью которого было установление наиболее значимых отклонений просодической структуры экспрессивных высказываний в речи белорусских студентов, изучающих английский язык в качестве основной специальности. Эксперимент использовал методику и результаты нашего диссертационного исследования взаимодействия просодических и лексико-семантических средств в выражении экспрессивности в английском языке [4]. Диссертационное исследование позволило выявить ряд перцептивных и акустических просодических признаков высказываний, имеющих в своем составе экспрессивную лексическую единицу, по сравнению с синтаксически идентичными фразами, нейтральными (нейтрально-оценочными) по своему лексическому составу, например: *He looks **horrible*** (vs. *He looks **upset***). Во-первых, удалось подтвердить наличие тесной корреляции между просодическими и лексическими средствами экспрессивности, выражающейся в нормативной просодической маркированности экспрессивных лексических единиц, которая выступает в качестве их постоянной характеристики. Корреляция между экспрессивной семантикой лексической единицы и экспрессивной просодией была выявлено в ряде ранее проведенных фонетических исследований [5; 6]. По данным нашего анализа, отсутствие просодической выделенности на экспрессивных лексических единицах значительно менее типично, чем ее присутствие на нейтральных словах. Таким образом, сильная фразовая выделенность является неотъемлемой частью языковой характеристики экспрессивного слова, а также достаточно высокую вероятность смещения ядерного акцента с нормативной финальной позиции во фразе на это слово. Во-вторых, изменения в просодической структуре экспрессивного высказывания по сравнению с нейтральным варьируют также в зависимости от семантико-синтак-

сических свойств экспрессивных лексических единиц. Данная зависимость проявляется в локализации и структуре ядерного акцента как коммуникативного центра фразы. В-третьих, экспрессивные просодические средства локализуются не только на экспрессивном слове, но распространяются на просодическую структуру всей фразы, что выражается в расширении общесловесного высотного и динамического диапазона благодаря повышению максимальных и понижению минимальных общесловесных уровней ч.о.т. и интенсивности, а также в усложнении линии ч.о.т. и, тем самым, всего тонального контура. В-четвертых, при эмфатической выделенности слога длительности начального согласного увеличивается в два раза, гласного – в среднем на 15–20 %. Анализ средних значений темпа речи показывает его замедление в экспрессивных фразах в среднем на 20–30 %.

Опираясь на полученные результаты, мы исследовали типичные отклонения в просодии экспрессивных высказываний на английском языке в речи студентов, профессионально изучающих английский язык. В качестве испытуемых выступили девять студентов третьего курса факультета английского языка, получивших на втором курсе отметки «девять» и «восемь» по практической фонетике английского языка по десятибалльной шкале. Аудитору-носителю английского языка было предложено оценить записи студентов по степени иностранного акцента (слабый – умеренный – сильный) и характеру интонации (нейтральная – умеренно экспрессивная – высоко экспрессивная). Аудитор оценил акцент студентов как слабый и умеренный. Интонация большинства реализаций экспрессивных фраз (от 52 % до 77 % по данным разных дикторов) была оценена как высоко экспрессивная, остальных – как умеренно экспрессивная (от 22 % до 47 % реализаций) и нейтральная (от 1,6 % до 5 % реализаций). Следовательно, студенты в целом отразили связь между экспрессивной просодией и экспрессивной лексикой экспериментальных предложений, однако степень просодической экспрессивности у студентов, по мнению аудитора, оказалась ниже, чем у носителей языка. Мы не установили взаимосвязи между степенью иностранного акцента и экспрессивностью словесной просодии (интонации). Далее мы изучили сходства и различия в просодической организации экспериментальных фраз англичан и студентов в аспектах темпа речи, структуры просодического контура, значений акустических параметров ч.о.т., интенсивности и длительности.

Сравнение показателей темпа речи студентов и носителей языка, как и ожидалось, показало меньшую среднюю скорость речи носителей языка (4,7–4,9 слогов в секунду в нейтральных и 4,5–4,7 в экспрессивных фразах). Главное отличие речи студентов по данному параметру заключается в отсутствии замедления в экспрессивных фразах, т.е. в сохранении практически одинакового темпа при произнесении экспрессивных и нейтральных высказываний.

Анализ воспринимаемых просодических характеристик показывает, что студенты использовали тот же набор экспрессивных средств просодии, что и носители языка: эмфатические тональные акценты, сложные тоны

(rise-fall, rise-fall-rise), составные контуры, специальные мелодические структуры предъядерной части фразы (шкалы и предшкалы). Однако частотность их употребления у студентов оказалась ниже, чем у англичан. Кроме того, в речи носителей языка более четко выделяемы типичные просодические структуры повествовательных фраз с экспрессивными словами разных частей речи и синтаксических функций, в то время как студенты пользовались разными типами акцентно-мелодических единиц. Например, в речи студентов наблюдается значительно меньшее (в среднем в 4 раза) количество эмфатического нисходящего тона за счет увеличения количества других тональных акцентов, например, неэмфатического нисходящего и восходяще-нисходящего тона.

Схожесть акустических характеристик речи студентов и носителей обнаружилась при сравнении значений ч.о.т. на экспрессивных и нейтральных фразах, которые отличались в сторону их увеличения на экспрессивных словах в среднем на 15–20 Гц у всех без исключения испытуемых обеих групп. Кроме того, максимальные значения обоих параметров отмечались на экспрессивных словах на 15–20 % чаще, чем на нейтральных, как в речи носителей языка, так и в речи студентов. Однако конкретные значения частотных максимумов у русскоговорящих студентов оказались ниже, чем у носителей языка. Разница между ними составила от 20 до 40 Гц.

Наиболее значительные различия у всех без исключения испытуемых носителей русского языка отмечались по параметру интенсивности, а именно в более низких значениях амплитуды интенсивности во всех исследуемых частях фразы. В то время как значения интенсивности в экспрессивных фразах в речи всех носителей английского языка находились в диапазоне в среднем от 58 до 85 дБ, а нейтральных – от 60 до 78–79 дБ, то у носителей русского языка они ограничивались 63–74 дБ в обоих типах фраз. Различия между амплитудами интенсивности на экспрессивных и нейтральных словах в составе экспериментальных фраз и на первой акцентной единице (первом полноударном слоге) фраз в речи студентов практически отсутствовала. Данное отклонение, на наш взгляд, можно объяснить интерферирующим влиянием родного (русского) языка дикторов, а именно меньшим относительным весом контраста по интенсивности в слоговыделенности в русском языке при большей роли компонента длительности [3].

Еще одним признаком, отличающим просодическую организацию фраз, реализованных русскоязычными испытуемыми, от просодии носителей английского языка, является отсутствие у студентов различий по общефразовым значениям ч.о.т. и интенсивности между экспрессивными и нейтральными фразами. В речи носителей английского языка, в свою очередь, наблюдалась четкая тенденция к превышению общефразовых значений ч.о.т. и особенно интенсивности экспрессивных высказываний над аналогичными значениями в нейтральных фразах.

Таким образом, наибольшее сходство наблюдается на локальном участке фразы, занимаемом экспрессивной лексической единицей. Студенты

выделяют экспрессивное слово сильным фразовым акцентом, однако недостаточно точно реализуют форму экспрессивного просодического контура всей фразы, что выражается в нечетком разграничении экспрессивных и нейтральных просодических контуров. То есть экспрессивный потенциал интонации целого высказывания остается не полностью раскрытым. По нашему мнению, отклонения от интонации носителя языка могут быть обусловлены как интерферирующим влиянием просодии родного языка обучаемого, так и недостаточным владением английским языком при искусственном билингвизме. Степень иноязычного акцента не связана со степенью экспрессивности речи на иностранном языке, однако уровень владения устной речью на иностранном языке (oral proficiency) предполагает умение соотносить единицы всех языковых подсистем и варьировать характер просодической выделенности слов в зависимости от их значения.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Jenkins, J.* Research in teaching pronunciation and intonation / J. Jenkins // Annual review of applied linguistics. – 2004. – Т. 24. – 109 с.
2. *Kang, O.* Suprasegmental measures of accentedness and judgments of language learner proficiency in oral English / O. Kang, D. O. N. Rubin, L. Pickering // The Modern Language Journal. – 2010. – Т. 94. – №. 4. – С. 554–566.
3. *Метлюк, А. А.* Взаимодействие просодических систем в речи билингва : учеб. пособие / А. А. Метлюк. – Минск : Выш. шк., 1986. – 112 с.
4. *Рускевич, Л. В.* Взаимодействие просодических и лексико-семантических средств в выражении экспрессивности в английском языке : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Л. В. Рускевич. – Минск, 2013. – 160 с.
5. *Lehiste, I.* Suprasegmentals / I. Lehiste. – Cambridge : The MIT Press, 1970. – 194 p.
6. *Nygaard, L. C.* Communicating emotion: Linking affective prosody and word meaning / L. C. Nygaard, J. S. Queen // J. of Experimental Psychology: Human Perception and Performance. – 2008. – Vol. 34(4). – P. 1017–1030.

Л. Г Щербакова, Е. В. Ваценко
Минск, МГЛУ   Минск, ИБ БГУ

ИНОЯЗЫЧНЫЙ АКЦЕНТ В УСЛОВИЯХ ОСВОЕНИЯ ВТОРОГО ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА (НЕМЕЦКО-АНГЛИЙСКАЯ И АНГЛО-НЕМЕЦКАЯ ФОНЕТИЧЕСКАЯ ИНТЕРФЕРЕНЦИЯ)

В процессе изучения иностранного языка обучаемые ассоциируют явления родного и изучаемого языка, происходит наложение языковых систем контактирующих языков, что приводит к фонетическим отклонениям вследствие межъязыковой интерференции. В условиях многоязычия речь идет о владении двумя и более языками и попеременному их использованию в зависимости от условий речевого общения. Существует мнение, что настоящее многоязычие начинается только при изучении третьего современного

языка, т.е. при изучении второго иностранного языка [1, с. 89–90]. Внимание ученых привлекает также ситуация трилингвизма в связи с интерференцией языковых систем двух и более контактирующих языков в речевом поведении обучающихся.

Интерференция рассматривается в лингвистической литературе как процесс, сущность которого определяется взаимным приспособлением языковых систем изучаемых иностранных языков и родного языка. Результатом приспособления является иноязычный акцент, возникающий вследствие смешения языковых элементов контактирующих языков и «отрицательного» переноса элементов родного языка на иностранный язык или элементов одного иностранного языка на другой.

По мнению А. А. Реформатского, «акцент – подмена неизвестных звуков и непривычных сочетаний звуков своими привычными и переосмысление слов с их морфологическим составом и их значений по навыкам своего языка» [2, с. 469]. В первой части данного определения указывается на ошибки в произношении, которые имеют место на сегментном (звуковом) уровне звучащей речи. Однако многие авторы указывают на то, что произносительный акцент как многоаспектное фонетическое явление обусловлен действием трех видов интерференции, связанных с нарушением артикуляционной базы, сегментной и просодической организации иностранного языка (В. В. Куликов, И. М. Логинова, А. Б. Мишин). Иноязычный акцент на просодическом уровне проявляется в крупных речевых единицах, в протяженных высказываниях, при чтении текстов и диалогов, в подготовленной и неподготовленной речи говорящих. Существует точка зрения, различающая просодическую и интонационную интерференции. По мнению авторов, интонационная интерференция может искажать смысл высказывания, а просодическая интерференция влияет только на естественность высказывания, никоим образом не отражаясь на её семантике [3, с. 6].

Произносительный акцент существует: а) как теоретически возможный или прогнозируемый акцент, являющийся теоретическим конструктом, и

б) как реальный акцент, который в устной иноязычной речи проявляется в нескольких видах, различающихся по стойкости отклонений, соотношению проникновения в иноязычную речь слуховых и произносительных навыков родного языка, степени произносительного акцента [4, с. 15]. Решение проблемы иноязычного акцента предполагает выявление различий между языковыми системами контактирующих языков, определение областей наиболее вероятных проявлений интерференции в иноязычной речи обучающихся.

Предметом нашего исследования является межъязыковая фонетическая интерференция при изучении двух иностранных языков (немецкого и английского), один из которых изучается как первый иностранный язык в рамках специального вузовского образования, а другой – как второй иностранный язык на факультетах немецкого и английского языков МГЛУ. Материалом для проведенного исследования послужили немецкие и английские тексты и диалоги, записанные на электронные носители студентами

3 и 5 курсов, изучающими данные языки как второй иностранный язык. В ходе аудитивного анализа экспериментального материала преподавателями кафедры фонетики немецкого и английского языков, имеющими опыт проведения научных исследований по проблемам фонетики, были зафиксированы звуковые ошибки в речи студентов, воспринимаемые как отклонения от произносительной нормы соответствующих языков, а также обозначены фразовые ударения в речи испытуемых и в речи носителей иностранных языков.

Выявление типологических различий фонологических систем иностранных языков ставит своей целью определение потенциальных отклонений от произносительных норм второго иностранного языка под влиянием первого иностранного языка. В ходе анализа полученных данных были выявлены типичные ошибки в речи испытуемых, обусловленные фонологическими различиями в немецком и английском языках.

В системе гласных и согласных фонем различительными признаками являются:

- длительность гласных: позиционная долгота гласных в английском языке обусловлена не только типом слога, позицией слога в слове, но и сочетаемостью гласных с последующими согласными, в немецком языке длительность гласных зависит от типа слога и ударения;

- различный фонемный состав: английские гласные [æ], [e], [ɜ:]; немецкие гласные [ɛ:], [ɐ], [e:]; английские согласные [θ], [ð], [w]; немецкие согласные [ç], [x], варианты фонемы [r];

- оглушение звонких согласных в немецком языке и отсутствие их оглушения в английском языке;

- различные правила позиционной сочетаемости фонем на стыке слов и морфем и т.д.

Анализ выявленных фонетических ошибок показал, что в системе гласных типичными ошибками является длительность (60 % от их общего количества), т.е. произнесение долгих гласных вместо кратких и кратких вместо долгих, в системе согласных – оглушение и озвончение согласных в конце слова (52 %), а также недифференциация гласных и согласных фонем и их взаимозамещение.

Задачей аудитивного анализа отобранного экспериментального материала было также определение количества интерферентных ошибок в системе гласных и согласных. Сопоставление количества ошибок в немецких и английских текстах выявило их значительное увеличение на начальном этапе изучения второго иностранного языка в английских текстах по сравнению с немецкими текстами (47 ошибок и 27 ошибок соответственно). На заключительном этапе количество ошибок уменьшается в английских текстах в два раза (24 ошибки), в немецких текстах – в 1,2 раза (22 ошибки). В анализируемых материалах не были выявлены определенные закономерности относительно количества ошибок при произнесении гласных и согласных в зависимости от формы речи и уровня владения испытуемыми иностранными языками.

Полученные данные по количеству интерферентных ошибок позволяют сделать вывод, что студентам факультета немецкого языка сложнее осваивать английский язык как второй иностранный на начальном этапе обучения. Английский язык подвергается большему интерферентному влиянию со стороны немецкого языка как первого иностранного, чем немецкий язык со стороны английского языка.

Иноязычный акцент на просодическом уровне проявляется в первую очередь в акцентно-ритмической и тональной подсистемах языка. В ходе сопоставления просодических характеристик фразы были проанализированы английские и немецкие монологи и диалоги с целью определения особенностей распределения фразовых ударений. Было сопоставлено количество ударных слогов на 100 слогов текста в речи носителей немецкого и английского языков и в текстах, начитанных студентами МГЛУ на начальном и заключительном этапах изучения второго иностранного языка (табл.).

Сопоставление количества ударных слогов
в немецких и английских экспериментальных материалах

Формы речи	Немецкие тексты		Английские тексты	
	Испытуемые (3 курс)	Испытуемые (5 курс)	Испытуемые (3 курс)	Испытуемые (5 курс)
Монолог	41 (51 %)	38 (35 %)	44 (22 %)	39 (8 %)
Диалоги	45 (40 %)	34 (25 %)	44 (15 %)	41 (8 %)
Средние данные	43 (45 %)	36 (30 %)	44 (18 %)	40 (8 %)

Полученные данные отражают значительное увеличение количества ударных слогов в текстах испытуемых. Количество ударных слогов в немецких монологах, реализованных студентами 3 и 5 курсов факультета английского языка, превышает их количество в речи носителей языка на 51 % и 35 %. Распределение ударных слогов в диалогах выглядят следующим образом: увеличение на 40 % и на 25 % по сравнению с данными носителей немецкого языка.

Количество ударных слогов в английских текстах, реализованных студентами 3 курса факультета немецкого языка, увеличивается на 22 % в монологах и на 15 % в диалогах. На заключительном этапе обучения это увеличение составляет 8 % как в монологах, так и в диалогах.

Таким образом, полученные данные позволяют сделать вывод о наличии англо-немецкой просодической интерференции как на начальном, так и на заключительном этапах изучения второго иностранного языка, так как акцентная структура немецкой фразы в речи испытуемых в целом соответствует произносительной норме английского языка (в среднем 37 ударных слогов на 100 слогов текста).

Проявление немецко-английской просодической интерференции на нашем материале не нашло подтверждения, так как наличие большого количества ударных слогов в речи испытуемых не соответствует нормам акцентуации в немецком языке (в среднем 29 ударных слогов на 100 слогов текста). Представляется, что полученные данные могут свидетельствовать о проявлении в речи испытуемых русско-английской и русско-немецкой просодической интерференции, так как немецкая и английская фраза характеризуются меньшим количеством ударений, чем белорусская и русская.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Вайнрайх, У.* Одноязычие и многоязычие / У. Вайнрайх // Новое в лингвистике. – Вып. 6. Языковые контакты. – М., 1972. – С. 89–93.
2. *Реформатский, А. А.* Введение в языкознание / А. А. Реформатский. – М. : Аспект-Пресс, 1999. – 536 с.
3. *Лаптева, Е. В.* Просодическая интерференция в оформлении английских нефинальных синтагм носителями русского языка : автореф. дис. ...канд. филол. наук : 10.02.04 / Е. В. Лаптева. – Моск. гос. лингв. ун-т. – М., 2001. – 17 с.
4. *Кочубей, В. Ю.* Особенности произносительного акцента в английской речи украинцев : автореф. дис. ...канд. филол. наук : 10.02.04 / В. Ю. Кочубей. – Киевск. нац. лингв. ун-т. – Киев, 2006. – 20 с.

В. В. Яскевич, О. М. Яскевич
г. Минск, МГЛУ

АКЦЕНТНО-РИТМИЧЕСКАЯ ВАРИАТИВНОСТЬ АНГЛИЙСКОЙ ФРАЗЫ В УСЛОВИЯХ РУССКО-АНГЛИЙСКОГО АКАДЕМИЧЕСКОГО БИЛИНГВИЗМА

Исследование тонких фонетических аспектов звучащей речи особенно актуально для лингвистических высших учебных заведений, занимающихся подготовкой специалистов, которые в свою очередь призваны служить своеобразным эталоном для разных групп обучающихся. Среди проблем, связанных с овладением фонологической системой английского языка, как иностранного, значительное место занимает проблема акцентно-ритмической организации речи. С точки зрения когнитивной фонологии ритмический фактор находится в тесном взаимодействии с информационной, прагматической структурой фразы [1]. Следовательно, механический перенос ритмических моделей из одной лингвокультуры в другую может приводить к коммуникативным неудачам [2]. Исследование речевой ритмики в естественной английской речи и речи билингов, изучающих английский язык на продвинутом этапе, позволит выявить различия, определить степень их релевантности и обозначить пути устранения иноязычного акцента.

Для подробного изучения акцентно-ритмических характеристик звучащей английской речи, нами был проведен фонетический эксперимент. Трем

носителям южно-английского нормативного произношения было предложено прочесть несколько текстов научно-популярного характера. Затем аналогичная задача была поставлена перед тремя студентами 5 курса МГЛУ, имеющими высокий средний балл по всем дисциплинам, связанным с владением английским языком, как иностранным. Специалисты кафедры фонетики английского языка выполнили просодическую разметку полученных текстов, а также обозначили границы между слогами.

На акустическом этапе данного эксперимента из текстов были выделены повествовательные фразы, имеющие простую интонационную структуру и произнесенные с нисходящим терминальным тоном. При помощи программы Sound Forge нами были выполнены замеры длительности слогов в различных акцентных позициях. При этом учитывались не только ударность/безударность, но и тип гласного в слоге, а также количество сегментов, входящих в состав конкретного слога. Спорные случаи, когда граница между слогами представляла собой трудно делимый вокалический или консонантный стык, исключались из статистической обработки.

Проведенный акустический анализ показал, что распределение слоговой длительности подчиняется определенным ритмическим тенденциям. Полученные данные о длительности ударных слогов в предъядерной части фразы указывают на непропорциональное увеличение временной протяженности слога при росте количества входящих в его состав сегментов. Ударный слог, состоящий из одного долгого гласного, в среднем имеет длительность около 150 мс. Добавление одного согласного сегмента в состав слога увеличивает его протяженность примерно на 40 мс до 190 мс. Благодаря проведенным ранее исследованиям нам известно, что порог восприятия звука речи на слух составляет примерно 40 мс [3]. Акустические замеры, однако, свидетельствуют не о механическом добавлении согласного звука с минимально воспринимаемой протяженностью, а о перераспределении длительности гласного и согласного. Гласный слогоноситель значительно сокращается, уступая место согласному сегменту. Последующее увеличение количества сегментов в структуре слога в данной просодической позиции не приводит к приращению длительности на очередные 40 мс. Длительность слога остается относительно стабильной и колеблется в районе 200 мс. Ударные слоги из двух сегментов имеют среднюю протяженность в 191 мс, в то время как трехсегментные и четырехсегментные – в 205 мс и 215 мс соответственно. Описанная выше «эластичность» длительности ударного слога, на наш взгляд, объясняется особенностью тактосчитающего речевого ритма в английском языке. Сравнение с речью билингвов, записанной в том же темпе, указывает на примерное совпадение длительности двухсегментных слогов. Однако такой очевидной компрессии сегментов при увеличении размера слога, как в естественной английской речи не наблюдается. Длительность двухсегментных слогов в этой позиции составила 211 мс, а трехсегментных и четырехсегментных – 240 и 285 мс соответственно.

Ударные слоги с кратким гласным в предъядерной части фразы, как и ожидалось, имеют несколько меньшую протяженность, чем слоги с долгим гласным или дифтонгом. Например, двухсегментный слог с кратким гласным имеет практически такую же временную протяженность, как и односегментный слог с долгим гласным. Однако, длительность трехсегментных ударных слогов с кратким и долгим слогом примерно одинакова (216 мс и 205 мс соответственно). Тип гласного в данном случае имеет меньшее значение, чем сама акцентно-ритмическая позиция, которая диктует длительность около 200 мс. Ситуация аналогична и для интерферентной речи, где усредненные значения составили 211 мс и 200 мс соответственно.

Варьирование длительности слога, выделенного ядерным ударением, с долгим гласным не подчиняется вышеописанной тенденции. В данной позиции слог, состоящий из двух сегментов имеет усредненную длительность в 261 мс, трехсегментный слог – в 304 мс и четырехсегментный – в 367 мс. Таким образом, увеличение слога ведет к значительному увеличению длительности. Эта тенденция наблюдается и в отношении слогов с кратким гласным. Согласно полученным в ходе исследования данным в речи неносителей языка наблюдается еще более значительное приращение длительности ядерных слогов. Например, усредненная длительность слогов с долгими гласными составила 210 мс для двухсегментных слогов, 285 – для трехсегментных и 449 – для четырехсегментных.

Задача настоящего исследования также состояла в том, чтобы определить инвариантную фонологическую схему распределения слоговой длительности в английской синтагме. Приняв за единицу длительность слога, выделенного ядерным ударением, мы рассчитали относительную длительность слогов в предъядерной и ядерной акцентных группах. Ниже представлен рисунок с полученной схемой для слогов с долгими гласными, состоящими из двух сегментов. Для удобства сверху представлен контур движения частоты основного тона. Чуть ниже изображены относительные значения длительности проклитиков, ударных слогов и энклитиков в предъядерной и ядерной частях фразы.

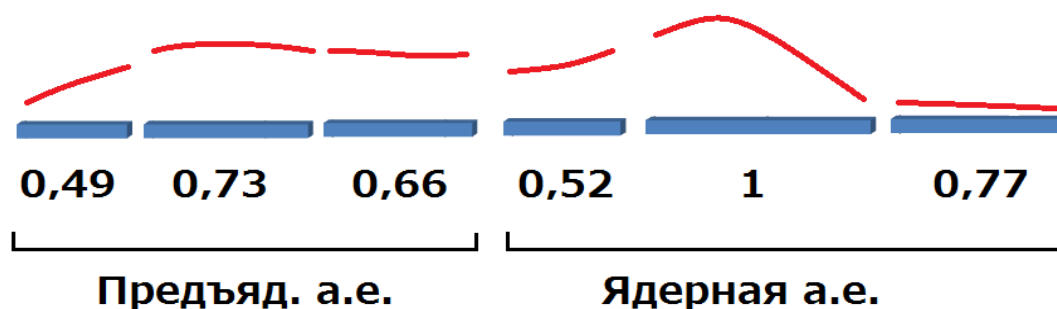

Рис. 1. Схема распределения длительности двухсегментных слогов с долгими гласными (в нормированных единицах)

Аналогичная схема была составлена для слогов с кратким гласным. Различие заключалось в том, что все статистические данные представлены в отношении трехсегментных слогов, поскольку такая структура наиболее частотна для слогов с кратким гласным.

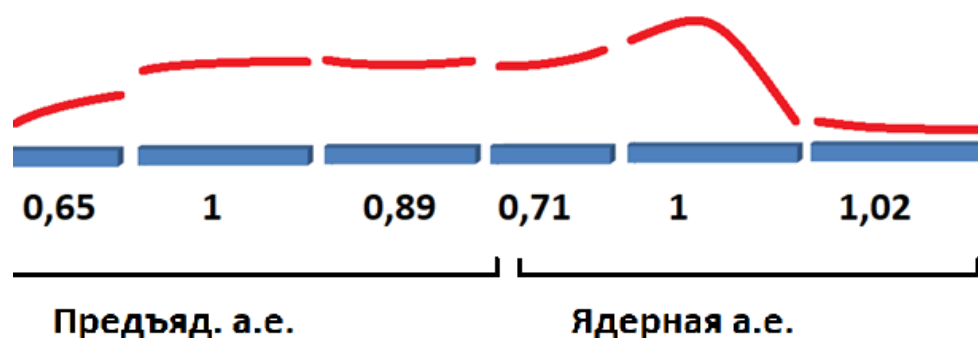

Рис. 2. Схема распределения длительности трехсегментных слогов с краткими гласными (в нормированных единицах)

Сопоставление двух схем выявило определенные сходства и различия. Ядерный слог, как и предполагалось, имеет наибольшую длительность во всей синтагме независимо от типа гласного. Длительность ударных и безударных слогов меньше в предъядерной части синтагмы, проклитики в обеих схемах короче, чем энклитики, темпоральная контрастность проклитиков и энклитиков сильнее выражена в ядерной акцентной группе. Основное различие состоит в том, что проклитики и энклитики слогов с кратким гласным меньше контрастируют по длительности, чем слоги с долгим гласным (рис. 1–2).

Большой интерес представляет собой вопрос о том, сохраняются ли эти соотношения в английской речи билингвов с родным русским языком.

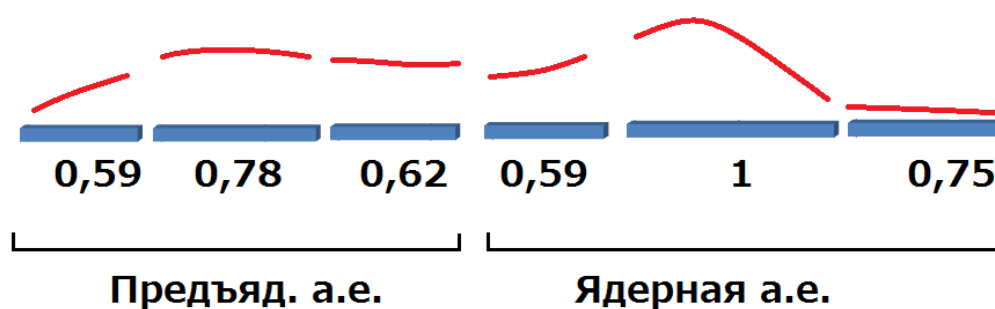

Рис. 3. Схема распределения длительности двухсегментных слогов с долгими гласными в речи билингвов (в нормированных единицах)

Статистический анализ позволил установить несколько сходств и существенных различий. Одним из важных сходств можно считать большую длительность энклитической части по сравнению с проклитической, как и в речи носителей языка. Однако энклитики в терминальной акцентной группе с дол-

гими гласными в речи студентов были даже дольше самого ядерного слога. Необходимо также отметить, что в речи билингвов контрастность по длительности между предударными и заударными слогами выражена гораздо слабее, что может стать причиной иноязычного акцента, даже при идеальном соблюдении артикуляционных характеристик английских гласных и согласных звуков (рис. 3–4).

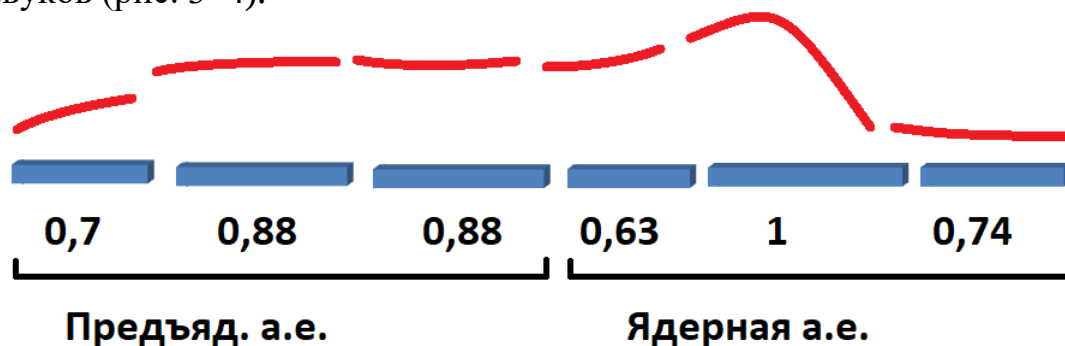

Рис. 4. Схема распределения длительности трехсегментных слогов с краткими гласными в речи билингвов (в нормированных единицах)

Таким образом, проведенное исследование продемонстрировало наличие некоторых тонких, но важных различий между естественной английской речью и речью билингвов, а также подтвердило необходимость разработки дополнительного комплекса упражнений для постановки речевого ритма у студентов, изучающих английский язык на продвинутом уровне.

ЛИТЕРАТУРА

1. Шевченко, Т. И. Ритм и смысл просодии дискурса: когнитивный подход и статистика / Т. И. Шевченко, Н. А. Садовникова, Л. Н. Сибилева // Вестн. Моск. гос. лингвист. ун-та. – 2012. – № 634. – С. 175–187.
2. Бурая, Е. А. Акцентно-ритмические модели в двух типах лингвокультур / Е. А. Бурая // Вестн. Моск. гос. лингвист. ун-та. – 2012. – № 634. – С. 45–54.
3. Кодзасов, С. В. Общая фонетика : учебник / С. В. Кодзасов, О. Ф. Кривнова. – М. : Рос. гос. гуманитар. ун-т, 2001. – 590 с.

НАШИ АВТОРЫ

Андронов Алексей Викторович – доцент кафедры общего языкознания им. Л. А. Вербицкой, кандидат филологических наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация.

Астрамецкий Владислав Сергеевич – преподаватель кафедры теории и практики китайского языка, Минский государственный лингвистический университет, Беларусь.

Бабаев Джамиль Мамедага оглу – старший преподаватель кафедры общего языкознания, доктор философии по филологическим наукам, Азербайджанский университет языков, Азербайджан.

Блок Эвелина Евгеньевна – преподаватель, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Российская Федерация.

Ваценко Екатерина Викторовна – старший преподаватель кафедры международного бизнеса, Государственное учреждение образования «Институт бизнеса БГУ», Беларусь.

Вольфовская Ольга Александровна – докторант кафедры германской и финно-угорской филологии имени проф. Г. Г. Почепцова, кандидат филологических наук, Киевский национальный лингвистический университет, Украина.

Воробьёва Людмила Геннадиевна – старший преподаватель кафедры фонетики английского языка, Минский государственный лингвистический университет, Беларусь.

Дашкевич Юлия Васильевна – магистрант кафедры фонетики английского языка, Минский государственный лингвистический университет, Беларусь.

Добринина Альбина Альбертовна – научный сотрудник, кандидат филологических наук, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт филологии Сибирского отделения Российской академии наук, Российская Федерация.

Долматова Екатерина Дмитриевна – заместитель декана факультета английского языка, кандидат филологических наук, доцент, Минский государственный лингвистический университет, Беларусь.

Евчик Надежда Семеновна – профессор кафедры речеведения и теории коммуникации, доктор филологических наук, профессор, Минский государственный лингвистический университет, Беларусь.

Ефимова Елена Владимировна – доцент кафедры фонетики английского языка, кандидат филологических наук, Минский государственный лингвистический университет, Беларусь.

Иснюк Ольга Юрьевна – магистрант, Национальный технический университет Украины «Киевский политехнический институт имени Игоря Сикорского», Украина.

Калита Алла Андреевна – заведующий кафедрой теории, практики перевода французского языка, доктор филологических наук, профессор, Национальный технический университет Украины «Киевский политехнический институт имени Игоря Сикорского», Украина.

Карневская Елена Борисовна – профессор кафедры фонетики английского языка, кандидат филологических наук, профессор, Минский государственный лингвистический университет, Беларусь.

Корнега Дарья Олеговна – студентка факультета романских языков, Минский государственный лингвистический университет, Беларусь.

Кохнович Татьяна Константиновна – доцент кафедры фонетики и грамматики немецкого языка, кандидат филологических наук, доцент, Минский государственный лингвистический университет, Беларусь.

Кривнова Ольга Федоровна – ведущий научный сотрудник кафедры теоретической и прикладной лингвистики, доктор филологических наук, старший научный сотрудник, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Российская Федерация.

Кучугурная Елена Анатольевна – доцент кафедры фонетики и грамматики испанского языка, кандидат филологических наук, доцент, Минский государственный лингвистический университет, Беларусь.

Лапицкая Ирина Антоновна – доцент кафедры второго иностранного языка (немецкий), кандидат филологических наук, Минский государственный лингвистический университет, Беларусь.

Лещенко Наталья Владимировна – доцент кафедры фонетики и грамматики испанского языка, кандидат филологических наук, доцент, Минский государственный лингвистический университет, Беларусь.

Лобанов Борис Мефодьевич – главный научный сотрудник, доктор технических наук, профессор, Государственное научное учреждение «Объединенный институт проблем информатики Национальной академии наук Беларуси», Беларусь.

Лопатько Валентина Васильевна – доцент кафедры фонетики английского языка, кандидат филологических наук, доцент, Минский государственный лингвистический университет, Беларусь.

Морозова Лилия Петровна – доцент кафедры лексикологии французского языка, кандидат филологических наук, доцент, Минский государственный лингвистический университет, Беларусь.

Морозова Ольга Николаевна – заведующий кафедрой иностранных языков, кандидат филологических наук, доцент, Амурский государственный университет, Российская Федерация.

Надеина Татьяна Михайловна – профессор кафедры судебных экспертиз, доктор филологических наук, профессор, Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина, Российская Федерация.

Насонова Татьяна Михайловна – заместитель декана факультета английского языка, кандидат филологических наук, доцент, Минский государственный лингвистический университет, Беларусь.

Ниживинская Ольга Владимировна – старший преподаватель кафедры фонетики английского языка, Минский государственный лингвистический университет, Беларусь.

Панова Инна Ивановна – профессор кафедры теории и практики английской речи, кандидат филологических наук, профессор, Минский государственный лингвистический университет, Беларусь.

Поздеева Дарья Тимуровна – старший преподаватель кафедры фонетики английского языка, кандидат филологических наук, Федеральное государственное бюджетное образовательное Учреждение высшего образования «Московский государственный лингвистический университет», Российская Федерация.

Поладова Сабина Эльхан гызы – преподаватель, доктор философии по филологическим наукам, доцент, Азербайджанский университет языков, Азербайджан.

Попов Михаил Борисович – профессор кафедры русского языка, доктор филологических наук, Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация.

Рускевич Людмила Вячеславовна – доцент кафедры фонетики английского языка, кандидат филологических наук, доцент, Минский государственный лингвистический университет, Беларусь.

Селютина Ираида Яковлевна – главный научный сотрудник, доктор филологических наук, профессор, Институт филологии Сибирского отделения РАН, Российская Федерация.

Смирнова Ольга Сергеевна – старший научный сотрудник, кандидат физико-математических наук, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Российская Федерация.

Сокорева Татьяна Викторовна – доцент кафедры фонетики английского языка, кандидат филологических наук, Федеральное государственное бюджетное образовательное Учреждение высшего образования «Московский государственный лингвистический университет», Российская Федерация.

Супрунчук Никита Викторович – доцент кафедры общего языкознания, кандидат филологических наук, доцент, Минский государственный лингвистический университет, Беларусь.

Тараненко Лариса Ивановна – профессор, доктор филологических наук, профессор, Национальный технический университет Украины «Киевский политехнический институт имени Игоря Сикорского», Украина.

Трибис Лариса Ивановна – доцент кафедры фонетики английского языка, кандидат филологических наук, доцент, Минский государственный лингвистический университет, Беларусь.

Уртегешев Николай Сергеевич – ведущий научный сотрудник, кандидат филологических наук, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт филологии Сибирского отделения Российской академии наук, Российская Федерация.

Устинович Вера Владимировна – преподаватель кафедры фонетики и грамматики французского языка, Минский государственный лингвистический университет, Беларусь.

Шевченко Татьяна Ивановна – профессор кафедры фонетики английского языка, доктор филологических наук, профессор, Федеральное государственное бюджетное образовательное Учреждение высшего образования «Московский государственный лингвистический университет», Российская Федерация.

Шпаковская Ирина Николаевна – старший преподаватель кафедры английского языка гуманитарных факультетов факультета социо-культурных коммуникаций, Белорусский государственный университет, Беларусь.

Щербакова Лариса Григорьевна – доцент кафедры фонетики и грамматики немецкого языка, кандидат филологических наук, доцент, Минский государственный лингвистический университет, Беларусь.

Яскевич Виталий Валерьевич – заведующий кафедрой фонетики английского языка, кандидат филологических наук, доцент, Минский государственный лингвистический университет, Беларусь.

Яскевич Ольга Михайловна – преподаватель кафедры теории и практики английского языка, Минский государственный лингвистический университет, Беларусь.

СОДЕРЖАНИЕ

О НАС

Евчик Н. С. О Минская фонетическая школа как научное звено в развитии лингвистических знаний о звучащей речи	3

ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ СТАТУСА И ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ СЕГМЕНТНЫХ ЕДИНИЦ

Андронов А. В. О морфологических основаниях фонологической типологии	11
Карневская Е. Б., Ефимова Е. В. Перцептивно-акустические характеристики английских безударных гласных как фактор формирования акцентной структуры слова и фразы	15
Поладова С. Э. Основные лингвистические критерии фонологической сегментации речи	19
Попов М. Б. Нужен ли морфологический критерий в фонологии? (К ревизии одного из положений ЩФС)	23
Супрунчук Н. В. Звуки языка и звуки речи: уточнение терминологии	28
Уртегешев Н. С. Фарингвизированные гласные в языке сургутских хантов	32

ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И МЕТОДОЛОГИИ ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ РЕЧЕВОЙ ПРОСОДИИ

Астрамецкий В. С. Проблемы фолого-фонетического описания просодии китайского языка	37
Бабаев Дж. М. Семантико-синтаксическая функция синтагматического членения	41
Калита А. А. Лингво-энергетическая интерпретация результатов фонетических исследований	45
Кривнова О. Ф., Смирнова О. С. Текстовые характеристики словораздела в устной речи: база данных как инструмент прогнозирования просодического членения звучащего текста	48
Лобанов Б. М. Компьютерный анализатор фразовой интонации и его приложения	54
Морозова О. Н. Система интонационных единиц эвенкийского языка: проблемы и методы описания	58

Насонова Т. М. К вопросу о просодической реализации двухакцентных слов в английской фразе.....	62
Шевченко Т. И. Фонетико-фонологические исследования просодии на основе корпусного анализа.....	66

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ПРОСОДИИ С ЯЗЫКОВЫМИ СРЕДСТВАМИ ДРУГИХ ПОДСИСТЕМ

Добринина А. А. Интонационные паттерны алтайских вопросов с местоимением НЕ 'ЧТО' в фольклорных текстах.....	70
Карневская Е.Б., Долматова Е.Д. Просодические ключи к распознаванию межсловного и внутрисловного соединения фонем.....	71
Морозова Л. П. О соотношении синтаксического и просодического членения во французской спонтанной речи.....	76
Ниживинская О. В. Взаимодействие конфигурационных модификаций ч.о.т. и активности жеста на ядерной акцентной единице (на материале английского медиадискурса).....	80
Панова И. И. Лексико-морфологические предпосылки акцентной вариантности английских слов в норме и речевой реализации.....	84
Устинович В. В. Роль синтаксической структуры в просодическом воплощении тематического компонента французского высказывания	88
Шпаковская И. Н. Внутрифразовые знаки препинания в социальной сети инстаграм	92

ЛИНГВОПРАГМАТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ РЕЧЕВОЙ ПРОСОДИИ

Вольфовская О. А. Реализация риторического потенциала политической речи на просодическом уровне.....	97
Кучугурная Е. А., Корнега Д. Просодическая организация испаноязычных теленовостей.....	101
Лопатько В. В., Трибис, Л. И. Модификация просодической структуры оценки поведения собеседника в устном диалоге	105
Надеина Т. М. Просодические средства маркирования ложных высказываний	109
Сокорева Т.В. Темпоральные составляющие речи как когнитивные признаки языковой личности.....	112
Тараненко Л. И., Иснюк О. Ю. Актуализация эмоционально-прагматического потенциала звучащих сонетов В. Шекспира	116

СОПОСТАВИТЕЛЬНО-КОНТРАСТИВНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ. НАЦИОНАЛЬНОЕ И РЕГИОНАЛЬНОЕ ВАРЬИРОВАНИЕ В ПРОИЗНОШЕНИИ

Воробьева Л. Г. Территориальная вариативность просодии косвенной побудительности в английской диалогической речи.....	119
Лапицкая И. А. Фонетическая ассимиляция лексем немецкого происхождения в белорусском языке.....	122
Лещенко Н. В. Фонетическая вариативность и нормы произношения современного испанского языка	125
Поздеева Д. Т. Различия в локализации словесного ударения в речи жителей канадских провинций Онтарио и Квебек.....	128
Селютина И. Я. Артикуляционные коды языков народов Сибири как объект междисциплинарных исследований	132
Яскевич В. В., Дашкевич Ю. В. Фонетические особенности английских заимствований в родственных и неродственных языках.....	136

АСПЕКТЫ ФОНЕТИЧЕСКОЙ ИНТЕРФЕРЕНЦИИ

Блок Э. Е. Разработка методов устранения инозычного акцента.....	141
Кохнович Т. К. Просодическая организация положительных и отрицательных речевых действий в немецкой речи студентов-лингвистов.....	144
Рускевич Л. В. Типичные отклонения от аутентичной реализации экспрессивной просодии в английском языке при искусственном билингвизме.....	148
Щербакова Л. Г., Ваценко Е. В. Иноязычный акцент в условиях освоения второго иностранного языка (немецко-английская и англо-немецкая фонетическая интерференция).....	152
Яскевич В. В., Яскевич О. М. Акцентно-ритмическая вариативность английской фразы в условиях русско-английского академического билингвизма.....	156
НАШИ АВТОРЫ.....	161

Научное издание

ФОНЕТИКА В СОВРЕМЕННОЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ПАРАДИГМЕ

Сборник научных статей

Ответственный за выпуск *Е. Д. Долматова*

В авторской редакции

Компьютерная верстка *Т. С. Соловьевой*

Подписано в печать 27.10.2021. Формат 60×84 ¹/₁₆. Бумага офсетная. Гарнитура Таймс. Ризография, цифровая печать. Усл. печ. л. 9,77. Уч.-изд. л. 10,94. Тираж 100 экз. Заказ 45.

Издатель и полиграфическое исполнение: учреждение образования «Минский государственный лингвистический университет». Свидетельство о государственной регистрации издателя, изготовителя, распространителя печатных изданий от 02.06.2017 г. № 3/1499. ЛП № 02330/458 от 10.07.2020 г.

Адрес: ул. Захарова, 21, 220034, г. Минск.